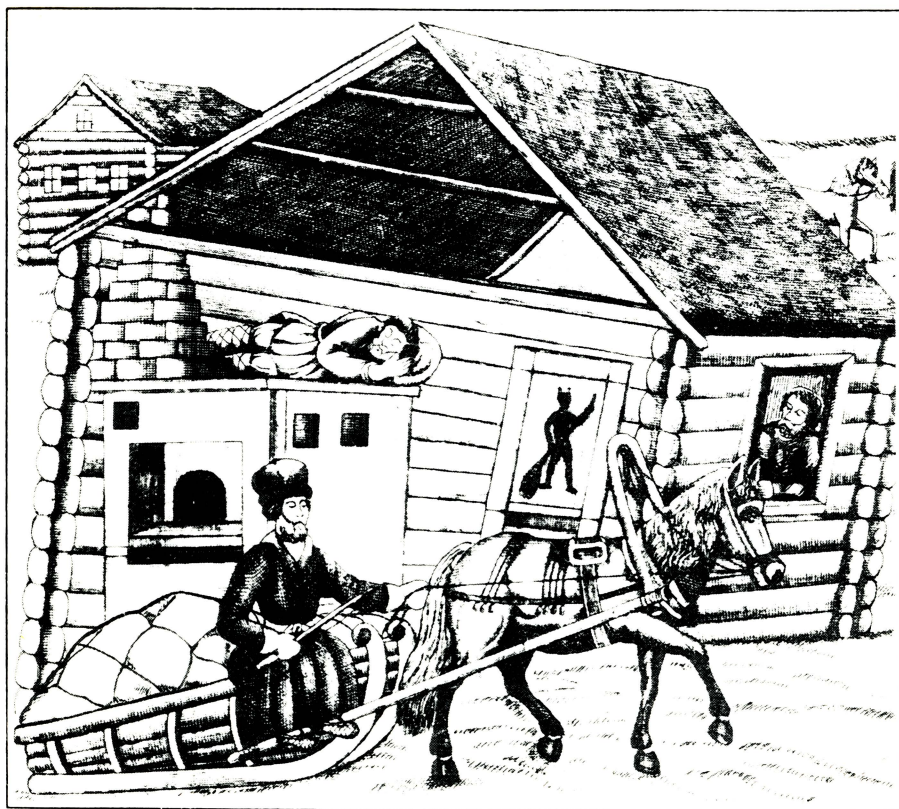

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ

Стивен Л. Хок

Петровское, село Тамбовской губернии

«Прогресс-Академия»

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ

Steven L. Hoch

**SERFDOM
AND
SOCIAL CONTROL
IN RUSSIA**

Petrovskoe, a Village in Tambov

The University of Chicago Press
Chicago and London

Стивен Л.Хок
**КРЕПОСТНОЕ
ПРАВО
И СОЦИАЛЬНЫЙ
КОНТРОЛЬ
В РОССИИ**

Петровское, село Тамбовской губернии

Перевод с английского

Москва
«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»
1993

Перевод Ю.В.Чайникова

Редакторы: Е.Н.Самойло, Н.А.Шестернина

Хок С.Л.

X 70 Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. Пер. с англ. — М.: «Прогресс-Академия», 1993. — 192 с.

Казалось бы, что нового можно сказать на тему крепостного права в России, ведь она получила достаточно широкое освещение в русской и советской историографии. Да, основой крепостничества, просуществовавшего в России более трех веков, всегда оставалась эксплуатация подневольных землепашцев. И эта форма феодальной зависимости крестьян всячески поддерживалась и поощрялась государством. Но так ли действен был социальный контроль? «Каким же образом помещики Российской империи добивались того, чтобы крепостные трудились и вели себя "желательным образом"?» — спрашивает американский ученый Стивен Хок и предлагает по-новому взглянуть на эту проблему. По его мнению, именно социальный гнет одного крепостного над другим характеризовал систему власти.

Рекомендуется историкам, социологам, демографам, этнографам, правоведам, всем, кто интересуется вопросами крепостного права в России.

X $\frac{0302020000-012}{006(01)-93}$ без объявл.

ББК 63.3(2)47

К РУССКОМУ ЧИТАТЕЛЮ*

Даже если русского читателя не смутит название этой книги, он, вероятно, придет в уныние, прочитав первое предложение. Ибо утверждение, что крестьяне, вне зависимости от их юридического положения, по самой своей сущности подвергаются эксплуатации, может привести его к выводу, что вернулись дни советской историографии. Позвольте заверить вас, что это не так. В центре этого исследования находится вопрос о тех специфических способах, которыми может контролироваться труд и извлекаться излишек у зависимого населения. Мне хотелось бы, выйдя за рамки общих терминов «феодализм» и «капитализм», глубже разобраться в механизмах контроля, используемых государством и помещиком. Слишком часто этими понятиями злоупотребляли, особенно советские историки, чтобы объяснить крестьянскую зависимость как абстрактное, как общее, автоматически возникающее, неизбежное историческое явление.

Основное внимание в этом исследовании уделено подробному изучению характеристик окружающей среды и демографических факторов, которые ограничивали действие механизмов контроля труда и на которые наталкивался институт крепостного права. Экология и демография, биология человека и география в большей степени определяли жизнь русского крестьянина в XIX веке, чем аграрные классовые взаимоотношения. В методах исследования на меня значительное влияние оказали французский и американский подходы к общественным наукам и большая часть терминологии может показаться необычной русскому читателю. Такие понятия, как «тотальные институты», «социальный контроль» и «этика выживания», без сомнения, покажутся вам иностранными. Слабое развитие в России социологии и этнографии и их незначительное влияние на историческую науку роковым образом ограничили советские исследования по русскому крестьянству. Методология исторической демографии, путь которой проложили французские ученые, не применялась советскими историографами, за исключением нескольких исследователей в Прибалтике. Попытки нарисовать живую картину жизни, написать так называемую «тотальную историю», используя локальные исследования, попробовать реконструировать мысли людей, не оставивших письменных свидетельств, то есть то, что называется изучением ментальности, — полностью отсутствовали в советской науке.

* Русский текст предоставлен автором. — *Прим. ред.*

Последовательность изложения в книге заимствована из области строительства — от материального базиса (необходимо заметить, что имеется в виду не марксистский экономический базис, который определяет способ производства) к демографическому «каркасу» и, наконец, к структуре различных отношений и поведения. Я никоим образом не намеревался романтизировать жизнь крестьян при царях, и мои выводы отражают такой подход. Скорее, я стремился вывести обсуждение за узкие границы экономических отношений в более широкий социальный мир крестьянина. Это ключ к пониманию структуры русского крепостного права, ибо жизнь в Петровском в гораздо большей степени угнетала социально, чем тяготила экономически.

Стив Л. Хок
декабрь, 1992 г.

ВВЕДЕНИЕ

Крестьяне, согласно определению, — свободные ли землепашцы, крепостные или рабы — это те, кого эксплуатируют. И именно это обстоятельство привязывает их к обществу в целом¹. Следовательно, необходимо понять структуру этой эксплуатации, детерминированную биологическими и экологическими факторами*, менталитетом помещиков и нормами культуры всего общества в целом. Проблема эксплуатации по сути своей — проблема социальная, а не политическая или экономическая: для того чтобы эксплуатировать, надо применять власть. И хотя крепостное право экономически отличается от эксплуатации рабов и свободных крестьян, формы и способы установления и поддержания власти определяют многое в поведении крестьян и объясняют схожесть крестьянского поведения и ментальности во многих обществах. Каким же образом помещики Российской империи добивались того, чтобы крепостные трудились и вели себя «желательным образом»?

Один из недостатков исторической литературы по российскому крепостному праву — ее неспособность поставить данный вопрос и выйти за рамки изучения правовых и экономических аспектов жизни крепостных. И хотя правовой истории крепостного строя было уделено много внимания, в действительности государство играло незначительную роль в поддержании этого института. Ясно, что российское самодержавие не только выигрывало от крепостного права, но, возможно, было и его инициатором. Однако те социальные структуры, которые появлялись в крепостном обществе, отражали крайне ограниченную роль государства в поддержании института крепостничества. Деревенская Россия первой половины XIX в. не просто «недоуправлялась» правительством, а по большей части не управлялась. Государство могло собирать налоги и забирать в солдаты, войско — подавлять местные беспорядки и ловить многочисленных беглецов, но на этом эффективное участие правительства в жизни деревни заканчивалось.

С конца XVIII в. самодержавие попыталось смягчить некоторые из наиболее острых черт крепостничества. С течением лет тем, кто был незаконно обращен в крепостничество, стало легче добиваться свободы в судебном порядке. Были изданы новые законы, упро-

* Под термином «экологический фактор» здесь и далее, в соответствии с западной традицией, понимается совокупность географических, природных и климатических условий, характерных для данной местности. — *Прим. ред.*

щавшие получение вольной, а также наложены ограничения на продажу крепостных, на того, кто мог их приобретать, на время, которое помещик мог использовать крепостного в работах для себя, а также определен тот минимум земли, к которой нужно было прикрепить крепостного. Вдобавок в XIX в. самодержавие остановило рост крепостных. Так, если в 1811 г. насчитывалось 10,5 млн. крепостных мужского пола, то есть немногим больше половины мужского населения, то в результате политики правительства их численность в последующие 50 лет незначительно возросла, а доля крепостных в населении снизилась до 37% ².

И хотя законодательство ограничивало рост крепостничества и на языке закона крепостное право выглядело гуманным, поскольку делалось различие между крепостными и рабами, для самих крепостных это мало что значило. Вопрос заключался не только в усилении власти закона, хотя этого часто не доставало. Скорее, общество состояло из реально автономных единиц и было жестко ограничено действием экологических факторов. За редким исключением, в деревенской жизни заключалась вся жизнь. Мир с его горем и радостями был невелик, и эти мини-общности были самодостаточны. В русском языке для обозначения крестьянской общины существовало слово «*мир*», что также означает вселенную, в другом написании — мирь. Точно так же наличие церкви давало деревне Историю, а ее жителям — ощущение своей личности. Поселение с церковью называлось «село», что означало не только «поселяться», «пускать корни», но и «вдохновлять», «вселять».

В маленьких сельских мирках крепостной России недоедание и болезни оказались значительно более мощными силами, чем царь или помещик. Климат и география определяли образ крестьянской жизни, эпидемии и неурожаи держали их в величайшем страхе. Однако крепостное право не просто навязывалось определенной экологией: это было скорее взаимодействие, в результате которого менялись и природная среда, и крепостное право.

Структуры власти, в данном случае контроль за поведением крепостных, лучше всего изучать на уровне микрокосма. Разумеется, не существует типичной крепостной деревни; микроэкология, та или иная политика помещиков могли создавать значительные различия даже между соседними поселениями. Однако задача историка — не обобщать, а интегрировать. Если мир многообразен и сложен, то и следует оценить это многообразие и сложность, а не сводить его к широкому, но искаженному общему виду. Вне зависимости от широкого спектра биологических и экологических ограничений, исторических и культурных традиций, в меньшей степени — от правовых и политических институтов, крепостные деревни не были так уж уникальны в способах разрешения конфликтов, реакции на порабощение, контроле доступа к производственным ресурсам, в формировании модели семьи.

Советские ученые провели ряд конкретно-исторических исследований крепостной жизни в России. Документальной основой для их работ послужили архивы поместных канцелярий таких известных дворянских семейств, как Куракины, Воронцовы, Шереметевы, Юсуповы и Гагарины. Последние были владельцами села Петровского, и их поместье является темой нашего исследования. Такие магнаты, чьи крепостные исчислялись десятками тысяч, а земли — сотнями тысяч гектаров, владели имениями, разбросанными по всей империи. Все же поместья с более чем 5 тыс. душ крепостных встречались редко, да и их пришлось бы по необходимости разделить на отдельные деревни с тем, чтобы сократить расстояние от жилья до полей. Хотя имеющиеся данные не слишком достоверны, можно утверждать с известной долей уверенности, что во владении не более 4 помещиков находилось около 54% всех крепостных России. Систематические записи актов состояния громадного большинства мелких помещиков, видимо, редко велись, и еще менее вероятно то, что они сохранились. Таким образом, о жизни принадлежавших им крепостных, очевидно, невозможно сказать больше того, что можно вывести по аналогии с крупными поместьями.

Имеющиеся конкретно-исторические труды, вместе с работами более общего характера о крепостном праве, принадлежащими перу как советских, так и западных ученых, в отдельных случаях следуют традициям дореволюционных исследователей и в основном рассматривают историю законодательства. В них чаще акцентируются аспекты, связанные с экономической эксплуатацией крепостных. Такие историки дают общее представление о том, как крестьяне использовали землю. Они анализировали экономику крестьянского и помещичьего земледелия и подробно вникали в обязанности крепостного перед помещиком³. И хотя крепостное право было гуманитарным институтом, в значительной степени оно детерминировалось экологическими условиями. Поведение и ментальность крепостного были, по сути, совокупной реакцией человека на экологические ограничения, присущие данному уровню развития общества, и на античеловечное низведение крестьянина к статусу имущества.

Когда речь шла о развитии крестьянского общества в России в 1800—1860 гг., советские историки, как правило, интерпретировали этот вопрос очень узко, что прямо восходит к ленинской традиции. Они не только сводили анализ преимущественно к экономическим вопросам или к крестьянским движениям, но и единодушно стремились этим подтвердить нарастание кризиса «феодально-крепостнической системы» в последние годы, то есть накануне капиталистического периода, открывшегося отменой крепостного права в 1861 г. Ухудшение условий жизни крестьян, сокращение доходов помещиков, углубление социально-экономической дифференциации внутри крепостнического общества, усиленное проникновение

капиталистических отношений в деревню и рост классовых конфликтов — вот характерные для советской исторической литературы клише. Предметом подобного анализа стало и поместье Петровское. Изучение Петровского было предпринято — как часть более обширного исследования, посвященного владениям семьи Гагариных, — ныне известным советским историком И.Д.Ковальченко в его первой книге, опубликованной в 1959 г.

В мои цели не входит идеологическая полемика с советскими историками. Меня, в отличие от них, не интересует выявление так называемых законов истории и закономерностей исторического процесса. Мне хотелось бы рассказать совсем о другом, а именно о жизни крепостного. И с этой точки зрения для меня принципиально важным является расхождение с Ковальченко по двум ключевым вопросам: оценке уровня жизни крепостного и степени социально-экономического расслоения. Я критически отношусь как к методу измерений Ковальченко, так и к его интерпретации данных. Эти различия будут подробно рассмотрены, в остальном же дискуссия не представляется уместной. Так, например, доказательства, приводимые Ковальченко, о том, что крепостные из Петровского испытывали отрицательный естественный прирост, не учитывали сокращения численности населения вследствие рекрутчины. Если взять использованные им источники — акты о подушных податях, — то совершенно невозможно не увидеть этого. Наличие отрицательного прироста настолько важно для Ковальченко, что он решил выделить это место в работе курсивом. Но, по моему убеждению, обсуждение и опровержение таких ошибок могут лишь увести в сторону⁴. По этой и по ряду подобных причин советская историография лишь в очень небольшой степени послужила подспорьем в моей работе — я не слишком полагался на советские исследования.

Имение Петровское — владение знатной княжеской семьи Гагариных — в XIX в. состояло сначала из шести, а затем из восьми отдельных, но находившихся по соседству друг с другом поселений по реке Вороне, в южной части Тамбовской губернии. Главными из них были село Петровское, по которому называли и само имение, и село Канин. В каждом из них была своя церковь. В имении проживало около 3500 душ крепостных — все под единой помещичьей властью. Чем для историка примечательно Петровское, так это своими документами. С начала XIX в. до 1860-х годов семья Гагариных, как и многие другие семьи, содержали в Москве главную контору по управлению разбросанными по всей империи поместьями. Большую часть времени нанятый Гагариными приказчик проводил в тамбовском имении. Корреспонденция и документы, которыми обменивались приказчики из Петровского и московская контора Гагариных, и являются документальной базой моего исследования.

Забота о хорошем управлении крепостными поместьями и надлежащем ведении хозяйственных записей, особенно там, где было

Карта Тамбовской губернии с двенадцатью уездными центрами.

много крепостных, постепенно стала правилом в России второй половины XVIII в. Управляющие часто получали подробные письменные инструкции по ведению хозяйства. Вольное экономическое общество для поощрения сельского хозяйства и домоводства в России издало целый ряд типовых инструкций по управлению хозяйством, в том числе переводных, принадлежащих перу английских и немецких агрономов и аристократов⁵. Архивы крепостных поместий, принадлежащих известным русским аристократам, отражают эту перемену в делопроизводстве и учете. Подворные описи крестьянских хозяйств, финансовые отчеты по поместью и по крестьянскому миру (*приходные и расходные книги*), штрафные книги, еженедельные отчеты приказчика, амбарные книги, записи о посевах и урожаях, земельные кадастры, инвентаризационные

описи имения и рекрутские списки, — все эти документы были типичными для поместья и считались признаком хорошо налаженного имения.

Развитие вширь и вглубь настоящего манориального режима в XVIII в. обусловило необходимость перехода к ведению подробной отчетности. Ранее, когда речь шла всего лишь о сборе денежных податей, управление большей частью поместий было довольно простым. Даже в барщинных поместьях обходились небольшим числом документов. Однако с ростом возможностей ведения рыночного зернового хозяйства в XVIII в., получения более высоких прибылей с плодородных южных земель и с ростом, пусть и ограниченным, влияния иностранных идей по управлению хозяйством, что видно прежде всего из становления слоя профессиональных управляющих, документация стала вестись более подробно. В Петровском записывались все доходы и расходы, но, впрочем, есть основания полагать, что некоторые деньги тратились не на то, что было указано в книгах. Штрафные книги должны были служить доказательством поддержания порядка, а во время рекрутских наборов с их помощью избавлялись от нежелательных лиц. Погода, ход работ, крестьянские просьбы и любые другие проблемы подробно описывались в отсылаемых приказчиком чуть ли не каждую неделю отчетах в Москву.

Одним из важнейших документов для историка являются подворные описи. Самые ранние из них относятся к XVIII в., помещики использовали их прежде всего в фискальных целях. В течение XVIII в. к этим налоговым записям добавились сведения о земельных наделах, поголовье скота, барщинных повинностях и зерновых запасах. Эти записи позволяли помещикам и управляющим своевременно оценивать производственные возможности каждого отдельного крестьянского двора, что оказалось весьма полезным для такого имения, как Петровское⁶. Кроме записей о наличии ресурсов и о резервах каждого хозяйства здесь отмечались возраст, пол, семейное положение и трудовые обязанности в имении каждого из домочадцев. Приказчик мог сразу же оценить, в состоянии ли данный двор выполнить свои обязанности, полностью использовать свои ресурсы или же ему понадобится помощь из имения или от крестьянской общины.

Крестьянские подворные описи не только гагаринских имений, но и других поместий велись нерегулярно, и часто бывает неясно, в связи с чем они проводились. В ряде случаев описи проводились сразу же после неурожая или эпидемии, с тем чтобы оценить убыток и перераспределить налоги и повинности. Описи также делались обычно при переходе поместья в руки очередного наследника. Однако для многих описей единственным поводом, казалось, была постоянная необходимость оценить, как используются в крестьянском хозяйстве земля, рабочие руки и скот.

Для социального историка эти крестьянские подворные описи — необычайно захватывающий источник. С точки зрения исторической демографии — это именные списки. По ним можно узнать возрастную и семейную структуру населения, а если взять несколько описей, то по ним можно проследить изменения в течение времени. Кроме того, если нам известна судьба всех, кто жил в период между переписью — а для Петровского 1850—1856 гг. это возможно, — то тогда мы можем изучить смертность. Не менее заманчиво проследить за судьбой крестьянского двора, определить его жизненный цикл и проанализировать динамику его экономической мобильности внутри общества.

В числе трудностей, стоящих на пути исследователя, — не только общеметодологические проблемы использования этих подворных описей, но и те ограничения, которые накладывает работа в советских архивах. Из-за того что фотокопирование не разрешено, а микрофильмирование ограничено очень маленьким числом кадров, документы приходится переписывать от руки. В имении насчитывалось 3500 крепостных, и вдобавок к девяти описям — масса другого архивного материала для переработки, и на все это только девять месяцев исследовательской работы по академическому обмену. Поэтому пришлось сузить рамки исследования: данные из девяти описей были взяты только по самому крупному поселению — по Петровскому, — численность населения которого колебалась в пределах от 523 до 762 крепостных. И хотя оно кажется маленьким, его масштабы вполне достаточны для предпринятого нами демографического и экономического анализа. С точки зрения статистики проблемы могут возникнуть только для выборки меньше 500 человек. При этом необходимо иметь в виду, что исследование ограничивается только подворными описями. Остальные архивные материалы и основанный на них анализ касаются всего имения, то есть всех восьми деревень и всего населения.

Хорошее управление крепостным имением подразумевает надлежащее использование капитала, в нашем случае главным образом земли, скота и сельхозинвентаря, а также проведение эффективной трудовой политики. Историки, в общем, сходятся во мнении, что русские крепостники были удивительно плохими хозяевами в своих имениях. Несмотря на все усилия министерства государственных имуществ, Вольного экономического общества и региональных сельскохозяйственных организаций, технический уровень сельскохозяйственного производства оставался низким. Преобладала трехпольная система севооборота со всеми ее отрицательными воздействиями на пастбища и животноводство. Увеличение зернового производства достигалось простым расширением посевной площади за счет лесов, лугов и пастбищ. Не вводились и специальные кормовые травы в качестве средства увеличить получение навоза и повысить таким образом урожайность пахотных земель. Робкие попытки делались в плане улучшения

сортов зерновых. Крепостники предпочитали проедать доход со своих поместий; редко когда они вкладывали капитал в развитие производства, а если и делали это, то весьма свособразно. Крестьяне продолжали пользоваться самыми примитивными орудиями труда, они делили поля на длинные узкие полосы — метод, резко критиковавшийся тогдашними агрономами, не признававшими его полезность и считавшими его крайне неэффективным средством земледелия. Все же при низких рыночных ценах на зерно в России это могло быть весьма разумной политикой.

Несмотря на технический застой, произошли значительные улучшения в системе ведения документации. Фактически в России хорошее управление часто отождествлялось с хорошим состоянием записей. Русские помещики очень заботились о надзоре за работой крепостных. Порядок, дисциплина, субординация и рутинность, соединенные с чувством патерналистской заботы, — все эти ценности глубоко укоренились в русской служилой знати и были теми принципами, которые помещики стремились применять к деревенской жизни. Часто русские помещики нанимали приказчиков — выходцев из Пруссии или Прибалтики, считая их воплощением указанных добродетелей⁷. Таким образом, главная роль приказчика состояла не столько в управлении сельскохозяйственным предприятием, сколько в наблюдении за тем, чтобы крепостные четко исполняли свои барщинные и оброчные обязанности и действовали в соответствии с желательными социальными нормами. Многие крепостники в России не только не были склонны вкладывать большие капиталы в поместья, но и мало интересовались сельским хозяйством как таковым, надеясь, что надлежащий контроль за крепостными — а этот метод требовал минимальных материальных расходов — принесет желаемую отдачу. Такой упор на организацию труда в ущерб сельскохозяйственным нововведениям был важным аспектом крепостнического наследия в годы, следовавшие за освобождением крестьян.

Разумеется, крепостные поместья Российской империи не были ни тюрьмами, ни концлагерями, однако приказчики и помещики имели над крепостными почти неограниченную юридическую власть. Государство мало вмешивалось в отношения между господами и крепостными⁸. Но экономическое процветание поместья и живучесть крепостного права как социального института не опирались на неограниченную власть, на принуждение крепостных выполнять их обязанности. На самом деле, тотальная власть человека над человеком — дорогое удовольствие и требует вышколенных охранников, массу администраторов и специальных сооружений. Но даже при выполнении всех этих условий редко удавалось достичь желаемых результатов⁹.

В крепостных поместьях России расходы, как правило, сводились к минимуму. Имения не обносились стеной, и не было сторожевых отрядов. Часто один приказчик самолично управлял имением.

ем, но его власть над крепостными вряд ли можно назвать тотальной на практике. Даже если власть определять всего лишь как высокую степень вероятности того, что крепостные будут исправно нести свои барщинные или оброчные повинности и следовать определенным социальным нормам, то и тогда масштабы нарушения норм в крепостной России показывают, что взаимоотношения приказчиков и крепостных являли собой отношения конфликтов и компромиссов, а не отношения господства и подчинения. Для всех крестьян, и особенно для тех, кто находился в крепостной зависимости, обычной реакцией на свое бедственное положение были отказ от сотрудничества, безразличие, хулиганство и нерадивость в работе.

Несмотря на то что крестьяне принимали многие нормы крепостной жизни, трудно было бы рассчитывать на наличие у них внутреннего чувства долга по отношению к возложенным обязанностям¹⁰. Поэтому чтобы обеспечить финансовый успех имения и экономическое выживание, а также производительность каждого крестьянского двора, крепостные администраторы были вынуждены опираться в своей деятельности на сложную систему поощрений и наказаний. Экологические и демографические структуры определяли материальную базу крепостного общества в главном, а соответственно и те возможности поощрения и наказания, которыми располагал приказчик. В результате экология и демография ограничивали власть управляющего.

В первой главе рассматривается эта материальная база, в частности вопросы продовольственного рациона крестьян и обустройства крестьянского двора. В «нормальные» годы крепостные в селе Петровском, отнюдь не бывшем исключением во всей округе, жили по меркам доиндустриального общества вполне состоятельно, однако продовольственные кризисы и эпидемии выпадали из-под контроля поместных администраторов. Никто из приказчиков Петровского в течение XIX в. не отличился безжалостной эксплуатацией крестьян ради достижения краткосрочных целей. Скорее, напротив, они признавали, что доходность поместья прямо связана с крестьянским материальным благосостоянием. Итак, патерналистические отношения и система социального обеспечения, которые служили сторонникам крепостного строя аргументом в пользу последнего, в качестве свидетельства его гуманности, фактически являлись корыстными.

На этой материальной базе относительного процветания укоренились семейные структуры, специфическая модель семьи как экономической единицы, явно отличная от семейных хозяйственных структур тогдашней Западной Европы. Как будет показано во второй главе, большинство крестьянских дворов в Петровском были большими: они объединяли по три поколения и по две или более супружеские семейные единицы — что в сущности явилось следствием раннего и всеобщего брака, высокого уровня плодovitости и тщательного контроля за разделением двора. (Под всеобщим бра-

ком я, конечно, не подразумеваю общий для всех брак: здесь и в дальнейшем это обозначает ситуацию, при которой практически все женщины вступали в брак.) Как будет показано, посредством этого патриархального двора поддерживалась и распределялась власть, раздавались вознаграждения и производились наказания.

Три последних главы посвящаются тому или иному аспекту структуры социального контроля, системы вознаграждений и наказания. Так, в третьей главе представлены свидетельства того, что эксплуатация в Петровском была в целом тем социальным вопросом, который решался путем сопряжения интересов, сплавляя власть крепостных старейшин и крестьянских служащих с властью приказчика. Старейшины определяли поощрения даже в тех случаях, которые не касались непосредственно их двора. Деревенские старейшины получали привилегии, исполняя роль исправников и смотрителей. Приказчики поддерживали власть старейшин путем ограничения социально-экономического расслоения как для того, чтобы уменьшить конфликт между главами дворов, так и для управления семейным разделом, чтобы обеспечить старейшинам рабочую силу, которую они могли бы эксплуатировать. Регулярные переделы пахотной земли и свадебный обычай приданого и кладки были ключевыми факторами, уменьшавшими расслоение.

В четвертой главе крестьянская община рассматривается как институт, отражающий этот постоянный конфликт между поколениями и представляющий общие интересы старейшин. Община контролировала социальные отклонения и являлась основным институтом поддержки старейшин, когда им приходилось вступать в конфликт с непокорными домочадцами. В заключительной, пятой главе анализируются слабые места и неэффективность этой системы контроля. Несмотря на вознаграждения патриархов и на силу и власть общины, нарушение правил было довольно распространенным явлением, трения между крепостными — нормой и наказания — обычным делом. Приказчику почти каждый день приходилось вмешиваться в ход дел с тем, чтобы поддержать рабочий режим и видимость общественного порядка.

В архивах села Петровского редко можно встретить записи, где бы крестьяне выступали сами от своего имени, и поэтому несомненно трудной представляется задача восстановить мысли тех, кто не записывал их непосредственно. Однако во многих документах отражено поведение крепостных, и из этих документов можно уяснить отношения крестьян и реконструировать их менталитет. Но представленная картина не является беспристрастной и полной. Многие документы сосредоточены на неполадках, непорядках и дисгармонии. В гораздо большей степени материалы обращают внимание на вопросы принуждения, необходимого для удержания этого микрокосма от развала, и в гораздо меньшей — на то, что связывает это общество воедино. Мало освещены религиозные обряды в жизни крестьянина, праздники или роль церковного

прихода. Никто из приказчиков не интересовался религиозными настроениями крепостных или тем, соблюдают ли они православный ритуал. Ко всему прочему, из-за отсутствия у крестьян фамилий трудно прослеживались имевшие большое значение и во многих других крестьянских обществах родственные связи. Поэтому если они даже и были важны в Петровском, то для нас они едва заметны.

Наконец, несколько слов о семье Гагариных — владельцах села Петровского и всего имения, расположенного примерно в 530 километрах на юго-восток от Москвы, в Центральном черноземном районе. Князь Сергей Сергеевич Гагарин (1745—1798) и его жена, княгиня Варвара Николаевна, были первыми зарегистрированными владельцами примерно половины имения, той, что расположена в Борисоглебском уезде, на самом юге Тамбовской губернии. В 1797 г. они приобрели примыкающий к этой части кусок земли с крепостными, в том числе и село Петровское.

Эти земли были заселены сравнительно недавно. Тамбов, губернский город, был основан в 1636 г., а Борисоглебск, уездный город, — десять лет спустя. С самого начала они являли собой не что иное, как форпосты, сдерживающие кочевников-татар¹¹. Лишь в XVIII в. эта часть России открылась для сельского хозяйства, но даже к концу века оставалось много незаселенной земли¹². В начале XIX в. Гагарины переселили в Петровское много своих крепостных из других имений.

Как только эти плодородные земли были защищены от набегов кочевников, они стали быстро развиваться. Богатые черноземы, более продолжительный сельскохозяйственный сезон и легкость перевозки зерна по Цне, Оке и Волге к большим северным городам сделали сельское хозяйство данного района процветающей отраслью. Впрочем, не следует переоценивать размеров торговли. Петровское находилось приблизительно в 240 километрах от Моршанска — самой южной речной пристани на Цне и главного центра хлебной торговли. У крестьян на поездку с зерном и на возвращение уходило около двух недель.

В 1813 г. имение перешло в руки князя Николая Сергеевича Гагарина (1784—1842), и с этого времени началось регулярное ведение записей. В 1842 г. имение унаследовал старший сын Николая — Николай Николаевич (1823—1902). Однако всеми делами руководили из находившегося в Москве управления поместьями княжеской семьи, и даже нет уверенности, что кто-нибудь из Гагариных хоть раз посетил Петровское. Они были настолько далеки от жизни своих крепостных, насколько им позволяло тогдашнее общество. И Сергей, и Николай Сергеевич занимали придворные должности, дослужившись до высокого чина гофмейстера. Николай Сергеевич, владевший Петровским большую часть изучаемого периода, в действительности родился в Лондоне, а с 1832 г. служил директором Императорского стеклянного и фарфорового

завода. Его убийство 25 июля 1842 г. недовольным лесником-финном, работавшим на фабричных землях, говорят, угнетающе подействовало на все санктпетербургское общество. Застреливший Гагарина в шею финн был приговорен к шпицрутенам шесть раз через строй из тысячи человек и, в случае, если он останется в живых, к лишению всех гражданских прав и ссылке в Сибирь.

Петровское, хоть и не самое прибыльное из всех гагаринских имений, все же оказалось весьма доходным и в 1845—1860 гг. ежегодно приносило чистого дохода в среднем свыше 61 тыс. рублей ассигнациями¹³. Впрочем, такое имение в районе было не единственным. Например, в составленном в 1837 г. подробном кадастре земель Борисоглебского уезда констатируется, что уровень благосостояния в Петровском считался «средним», ниже 5 деревень уезда, которые назывались в числе «хороших». В уезде не нашлось ни одного нищего поселения¹⁴.

Разумеется, в экономическом плане крепостное право было эксплуататорским. Оно существовало прежде всего для поддержания крепостников. Но хотя крепостничество и насаждалось сверху, оно должно было поддерживаться и снизу. Оно представляло собой нечто большее, чем правовой и экономический институт. Короче говоря, крепостное право являлось высоко интегрированной, хотя и достойной презрения социальной системой, точным, но шатким равновесием экологических, демографических, экономических, социальных и политических сил.

ПРИМЕЧАНИЯ *

- 1 Wolf Eric. Peasants. Englewood Cliffs. N.J., 1966, p. 4, 11.
- 2 Hoch Steven L., Augustine Wilson R. The Tax Censuses and the Decline of the Serf Population in Imperial Russia. — *«Slavic Review»*, 38 (1979), p. 406.
- 3 Robinson Geroid T. Rural Russia under the Old Regime. N.Y., 1932; Blum Jerome. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961; Шепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947; Сивков В. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. М., 1951; Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX века по материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955; Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959; Ковальченко И. Д. Русское крепостное хозяйство в первой половине XIX века. М., 1967, с. 168.
- 4 Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века, с. 168.

* Здесь и далее в сносках и в тексте при цитировании различных архивных документов и материалов сохранена старая орфография русского языка. — *Прим. ред.*

- 5 Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976; Confino M. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle. P., 1963.
- 6 Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX века. М., 1979, с. 60-74.
- 7 Confino M. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle. P., 1963, p. 259-261.
- 8 Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961, p. 422.
- 9 Sykes Gresham. The Society of Captives. Princeton, 1958, p. 40-52.
- 10 О подобном поведении среди части заключенных, душевнобольных и американских негров-рабов см.: Sykes. Society, p. 48-62; Goffman E. v. g. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. N.Y., 1961, p. 206-207, 308; Fredrickson George M., Lasch Christopher. Resistance to Slavery. — *Civil War History* (December 1967), перепечатка в: *The Debate over Slavery* (ed. Ann Lane). Urbana, Ill., Chicago, 1971, p. 231-232.
- 11 Беренеговский Стефан. Некоторые исторические и статистические замечания о Тамбовской губернии. — «*Известия Тамбовской ученой архивной комиссии*», №55 (1913), с. 33.
- 12 Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959, с. 69.
- 13 Там же, с. 128.
- 14 ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 19079.

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА

Более 50 лет тому назад Марк Блок писал: «Весьма наивно претендовать на то, чтобы понять людей, если не знаешь, какого рода здоровьем они обладали. И в этой области состояние фактов и, даже более того, неадекватность применяемых нами методов исследования представляют помеху»¹. Но с тех пор медицинские исследования по развивающимся странам необычайно преумножили знания о потребительских нуждах и физиологических и психологических последствиях недостатка калорий в пище, несбалансированности структуры питания или антисанитарных условий жизни, и историки с большой пользой для себя употребили эти наработки. Так был сделан один важный вывод о том, что улучшение питания и повышение уровня санитарного состояния стали главными факторами постепенного снижения немладенческой смертности в Европе XIX в.² Впрочем, более высокая смертность — не единственное следствие недоедания и плохой структуры питания. Люди могут годами жить, питаясь несоответствующим образом. ФАО ООН приводит пример одной такой общности: «Весь образ жизни приспособлен к недостатку калорий, что дает в социальном отношении нежелательный итог: апатию и безынициативность, стремление избежать физического и умственного напряжения, склонность к чрезмерному отдыху»³. Голодание, как это сейчас известно, редко является непосредственной причиной смерти. Но приходилось ли недоедать или плохо питаться крепостным из села Петровское, вследствие чего они становились либо жертвами болезни, либо обрекались на апатию? Оказывали ли жилищные условия отрицательное воздействие на их физическое и психологическое состояние?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, мы должны рассмотреть все аспекты крепостного сельского хозяйства, основы крестьянского уклада жизни. Взрослые крепостные в Петровском были, по сути, привязаны к личности своего господина, обменивая свой труд (*барщина*) на право обрабатывать участок пахотной земли, пользоваться общинными пастбищами и лугами, иметь дом и при нем сад, а также доступ к лесным угодьям, находившимся на территории имения. В какой-то степени уникальным, но широко распространенным моментом крестьянской жизни в Великороссии, наблюдавшимся также и в Петровском, было то, что *тягло* — трудовая единица, семейный трудовой коллектив, состоящий из мужа и жены или значительно реже из одинокого или вдового крепостного мужского пола, — пользовалось пахотной землей до

тех пор, пока оно выполняло трудовую повинность на зерновых полях поместья⁴. Таким образом, право на определенный участок обрабатываемой или даже пахотной земли вовсе не принадлежало крестьянскому *двору* или хозяину навечно, как это имело место в большинстве стран Европы, а также в Малой и Белой России. Здесь пахотные земли периодически попадали под передел и поэтому находились во временном пользовании крестьянского двора. Однако урожай с этих земель являлся общей собственностью всего двора. В отличие от пахотных земель те земли, что окружали усадьбу, и расположенные на них строения находились в вечной собственности крестьянского двора и никогда не подвергались переделу. В селе каждый имел равное право на общинные пастбища, сенокосы и леса.

Представители взрослого мужского населения села Петровское, не способные по разным причинам работать на полях поместья, как правило, были обязаны нести какую-либо иную службу, выполнять другие работы, но это не давало им права на пахотную землю. Однако их жены и, по-видимому, все вдовы в расчет не брались. По крайней мере нет никаких упоминаний в поместных записях о подобном рода обязательствах. Одиноким пожилые люди получали зерно из общинных запасов, впрочем, такое случалось очень редко. В 1850-е гг. способные еще работать вдовы получали также «вдовый надел», который они обрабатывали с помощью общины. Видимо, этого участка им хватало для того, чтобы удовлетворить свои потребительские нужды. В годы после массовых рекрутских наборов *солдатки* составляли значительную часть молодых женщин (см. табл. 18) и по своему статусу были близки к вдовам, ибо на долю их мужей выпадало служить 25 лет. Обычно солдатки продолжали жить в поместье с семьями своих находящихся в армии мужей. Но по закону они считались свободными людьми и соответственно не получали от поместья ни земли, ни какой-либо другой помощи.

Однако все это не относится к особой категории крепостных, чей статус, как правило, переходил по наследству, — к *дворовым людям*. Их редко использовали в качестве прислуги, и работали они по большей части писарями или искусными ремесленниками, обеспечивавшими своим специализированным трудом все большое поместье. Последнее же по возможности стремилось к самообеспеченности через обучение своих крепостных не только ремеслам кузнеца, плотника или шорника, но и таким специальностям, как делопроизводство и бухгалтерский учет. Многие дворовые были просто подручным резервом на черной работе и обычно выполняли наименее приятные работы на скотном дворе. Справедливо замечено, что больше дворовых насчитывалось в барщинных, чем в оброчных, имениях. Существование земель, обрабатываемых крестьянином для помещика, порождало большие административные потребности: возникла необходимость, чтобы часть крепостных

была целиком занята учетом, складированием и торговлей зерном⁵. А наличие непосредственно обрабатываемых поместных земель давало возможность для развития в ограниченном объеме коммерческого животноводства, в котором постоянно было занято от 30 до 40 дворовых людей села Петровское (см. табл. 1).

Таблица 1

Специальности дворовых крепостных (только мужчины)

Специальность	1815	1827	1858
Помощник приказчика	1	1	—
Бухгалтер	1	1	1
Писарь	4	6	9
Надзиратель	—	2	—
Пристав	5	—	—
Подлекарь	—	1	2
Лесничий	—	3	4
Плотник	4	3	5
Кузнец	—	3	—
Коновал	—	1	—
Шорник	—	1	—
Конюх	27	38	16
Пастух	9	11	—
Ткач	7	—	—
Швейник	—	—	1
Сторож конторы	—	—	1
Разные поручения	4	1	15
Молодые или старики без определенных обязанностей	—	—	50
В услужении у приказчика	—	3	2

Источники: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 74, (1815-1816); ед.хр. 377 (сентябрь 1827 г.); ч. 2, ед.хр. 862 (июнь-август 1858 г.)

Эти крепостные и их семьи жили целиком за счет поместья. Они не обрабатывали барскую землю или крестьянский надел земли, а получали за службу ежемесячное зерновое довольствие. Большинству работающих мужчин выдавалось от полутора до двух рублей в месяц на закупку харчей (незернового продовольствия),

годовое жалованье, а также овечий тулуп и кафтан каждые три года. Дворовые женщины часто привлекались к прядению, за что им платили. Некоторые дети работали на ткацкой фабрике, просуществовавшей в имении до 1820 г. Вдовам изредка приходилось работать и пастухами. Продовольственный рацион крепостных дополнялся плодами их собственных садов и огородов, а строительство дома и надворных построек велось за счет поместья. Крепостным разрешалось держать скотину, но лошадей, в которых у них было мало нужды, одно время им даже запрещалось заводить. Корма, по большей части состоявшие из сена, отрубей или ботвы, поставлялись из имения.

Несмотря на то что дворовые люди составляли всего лишь 7% населения поместья (приблизительно 230 человек), как слой они чрезвычайно интересны: благодаря подробным записям, что велись в поместье об их зерновых и денежных расходах, многое стало известно об их продовольственном рационе и жилищных условиях. Эти данные и дополняют, и подтверждают информацию о жизни тех *крестьян*, которые работали непосредственно в поле и составляли подавляющее большинство жителей поместья.

Фактически все взрослые дворовые, в том числе старики и вдовы, получали в месяц по два *луга* (или 32,8 кг, так как в одном *луге* 16,4 кг) на душу ржаной муки и четвертую часть *четверика* (мера объема, четвертая часть которой равна 4,1 кг) либо гречневой крупы, либо проса. Их дети в возрасте от шести до шестнадцати лет, включая сирот, получали половину означенной нормы, а вот детям моложе шести лет не полагалось ничего. За исключением периодов кризиса, таково было стандартное продовольственное довольствие, и его размер не менялся в течение всех тех лет, о которых в имении сохранились записи⁶. Дополнительное довольствие в виде пшеницы, гороха, овса и конопли получали лишь два человека — надзиратель и бухгалтер. Эти получаемые из имения пайки давали каждому дворовому человеку (после пересчета на малых детей и нескольких взрослых, которым непосредственно не полагалось зерна) 276 кг ржаной муки и 34,5 кг гречихи или проса в год. Было определено, что состоявший исключительно из грубого зерна рацион приблизительно в 214 кг обрубленного зерна на душу в год и есть тот необходимый для существования минимум, который обеспечивает не только достаточное количество углеводов, но также и большую часть белков⁷. Значит, дворовые люди села Петровское с их нормой в 0,9 кг обрубленного зерна в день получали от одного только зерна самое малое 2100 ккал, что значительно выше означенного минимума.

К сожалению, нет подробных данных по содержанию домашнего скота у дворовых, но, совершенно определенно, они были в состоянии дополнять свой рацион, либо покупая мясо и другое продовольствие, либо производя в своем хозяйстве, идя при этом

на дополнительные расходы. В начале XIX в. дополнительные денежные средства на покупку незерновых видов продовольствия давались только вдовам и сиротам, но начиная с 1819 г. деньги на эти цели стало получать большинство взрослого дворового мужского населения, и такая практика сохранялась в имении на протяжении более сорока лет. В 1827 г. имение выплатило 3096 рублей дворовым обоего пола в качестве основного жалования и 1608 рублей — на покупку продовольствия, или в среднем на человека по 19,76 рублей, то есть на каждого из 238 дворовых, включая детей и стариков (см. табл. 2). В 1854 г. денежные поступления (денежное содержание плюс харчи) на душу дворового составляли 22,71 рубля⁸. Эти деньги, разумеется, давались в добавление к зерновому довольствию и одежде. Дворовые сами не платили никаких налогов, поскольку все финансовые обязательства, выпадавшие на душу крепостного, перераспределялись на крестьян-землепашцев. Это было общепринятой практикой в крепостных имениях, так как всю сумму налога правительство спрашивало с владельца имения. И хотя раскладка производилась на душу, государство, казалось, мало интересовалось тем, как конкретно собираются подати, и это резко контрастировало с духом законов Петра Великого. Таким образом, представленные выше цифры отражают имевшийся в наличии доход, и при среднем размере двора в 7,9 человек крепостные могли расходовать на двор свыше 150 рублей ежегодно.

Поместные записи мало проясняют вопрос, что делали дворовые люди со своими деньгами, однако наверняка в статьи расхода входила покупка тканей на одежду, лыка на лапти, хозяйственного инвентаря и пожертвования храму. Многие крепостные — и это была своего рода форма накопления — держали также скотину, что давало им яйца, молоко, масло и мясо⁹. Информация относительно цен местного рынка позволяет допустить, что со своими денежными доходами дворовые люди, несомненно, могли разнообразить свой преимущественно зерновой рацион более чем достаточным количеством жиров и белков животного происхождения. Действительно, цены на мясо и птицу были низки: так, за пуд говядины, баранины или свинины платили лишь в 2—4 раза больше, чем за пуд ржаной муки (см. табл. 3). В Европе же цены на мясо часто в 12 раз превышали цены на зерно. Даже при условии, что дворовый расходовал на покупку мяса лишь половину получаемых харчей (а в 1827 г. они составляли 6,76 рублей), каждый из дворовых людей имел возможность купить от 18 до 23 кг мяса ежегодно, но, по всей видимости, потребление мяса было значительно выше. Для сравнения: в первой половине XIX в. подушное потребление мяса на территориях, где впоследствии возникла Германская империя, не превышало 16 кг¹⁰.

В Петровском самыми дорогими компонентами рациона оставались жиры (особенно в ходу было соленое сало) и растительные масла, и хотя ежедневно они потреблялись в небольшом количестве, дворовые не должны были испытывать в них недостатка. И все же такие привозные деликатесы, как чай и сахар, стоили очень дорого и если и потреблялись, то весьма редко. Наконец, следует помнить, что каждый двор имел сад и огород, дававшие фрукты, овощи и коноплю, из семечек которой давили масло.

Но 93% населения имения составляли крепостные крестьяне-землепашцы, и оценить их рацион гораздо труднее; впрочем, имеются вполне надежные данные и по урожаям зерновых, и по земельным наделам, и по поголовью скота.

Широко известно, что в шести губерниях Центрального черноземного района стандартным крестьянским наделом на *тягло*

Таблица 2

Количество дворовых крепостных (мужского и женского пола), получавших денежное содержание и харчи (средняя и медиана, в рублях, на сельскохозяйственный год)

Годы	Денежное довольствие			Харчи		
	кол-во дворовых, получавших ден. довольствие	руб. в год		кол-во дворовых, получавших харчи	руб. в год	
		средняя	медиана		средняя	медиана
1812—12	—	—	—	14	17,13	10,80
1812—13	80	10,98	3,00	—	—	—
1813—14	54	17,53	10,00	16	13,18	19,80
1814—15	63	15,40	10,00	6	12,60	16,20
1815—16	63	14,00	10,00	4	14,40	10,80
1819—20	125	26,25	20,00	59	16,10	6,00
1822—23	159	38,28	10,00	78	22,42	24,00
1823—24	122	42,40	12,00	75	23,33	18,00
1827	86	36,01	30,00	66	24,36	24,00

Источники: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 20 (1811-1812); ед.хр. 29 (1812-1813); ед.хр. 44 (1813-1814); ед.хр. 61 (1814-1815); ед.хр. 74 (1815-1816); ед.хр. 137 (1819-1820); ед.хр. 210 (1822-1823); ед.хр. 233 (1823-1824); ед.хр. 377 (1827).

Примечание: В резком увеличении численности получающих денежное содержание повинно большое количество детей, принятых на работу на открывшийся примерно в 1816—1819 гг. полотняный завод. В 1826 г. завод был переведен в другое гагаринское имение, и потому детям более не выплачивали денежного содержания.

Цены местного рынка в отдельные сельскохозяйственные годы

в рублях ассигнациями

Продукт	1811— 1812	1812— 1813	1813— 1814	1814— 1815	1815— 1816	1816— 1817	1817— 1818	1818— 1819	1819— 1820	1820— 1821	1821— 1822	1822— 1823	1823— 1824	1824— 1825	1825— 1826	1826— 1827	1827— 1828
Рожь (четвертей)	7,00	4,70			6,60		4,60	(7,75)			10,00	(4,80)	2,60	(4,20)	(3,00)	(4,30)	(3,78)
Мука ржаная (пудов)					0,88		1,00	1,53	1,00				0,50				
Просо (четвертей)					17,11	7,00	10,00	(12,00)	15,00	(8,50)	20,00	16,00	8,00	12,00	8,70	(9,50)	8,90
Гречиха (четвертей)	(5,50)	(8,00)		(4,90)	4,45				5,00					(3,85)			
Овес (четвертей)	3,21	4,00			4,90		4,23										
Сено (пудов)	0,45	0,33					0,55	2,75	3,10		5,58	2,46	2,40	1,80	2,80	3,90	4,00
Говядина (пудов)							2,26	0,42	0,85		0,48	0,43	0,40	0,40	0,37	0,43	0,45
Ветчина (пудов)			6,00			6,00	5,33	2,62					6,00	6,00			2,16
Свинина (пудов)	3,58	3,00		4,15			4,00	4,00	2,40		5,89	6,00	6,06				
Баранина (пудов)								2,00		1,12	1,60						
Конопляное масло (пудов)					10,75	10,00	14,27	12,00					8,80	7,20		8,66	
Масло сливочное (пудов)			11,50				1,22	10,00									
Соль (пудов)	1,00	1,25	0,93	1,10	1,20	1,10	1,60	1,13	1,53	1,50	1,70	1,72				2,00	
Сахар (фунтов)							9,00	1,53	1,60		1,25						
Чай (фунтов)								9,50	7,50								
Овцы (голов)		3,50	9,50				0,30	7,25					4,20				
Куры (шт.)			0,20				0,60					0,25					
Гуси (шт.)							0,80										
Индошки (шт.)							0,40										
Утки (шт.)							0,25										
Холст (аршин)						0,25											
Грубое полотно (аршин)	0,60	0,57						0,59									
Шерсть (пудов)	7,00					11,50	10,25	9,37			6,50	5,45	2,70				
Обувь (пара)										6,50	6,00		5,40				

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 20, 29, 44, 61, 74, 94, 101, 123, 137, 190, 210, 233, 273. Относительно данных в скобках см.: К о з л о в Х. Цены разных продуктов в 1796—1856 годах.—

Экономический указатель, №35, 1857, с. 805-812. (Данные Козлова по Борисоглебскому уезду.)

(обычно рабочая единица, состоящая из мужа и жены) был надел по две *десятины* пахотной земли в каждом из трех полей (озимом, яровом и под паром). К сожалению, дело осложняется тем, что в России XIX в. в качестве меры использовалось два типа десятин — *казенная десятина*, или *указная мера*, равнявшаяся 2400 квадратных сажений (по 1,1 га в каждой), и *хозяйственная десятина*, которая была на треть больше (1,4 га). Десятины указной меры часто называли тридцатной десятиной, поскольку в них было обычно 30 сажений в ширину и 80 в длину, тогда как хозяйственная десятина имела 40 сажений в ширину. Современники часто путались в этих двух мерах или не могли отличить одну от другой¹¹.

Путаница возникала из-за того, что на практике десятина представляла собой десять полосок земли, хотя, по-видимому, не из-за этого меру называли «десятиной». Вот какие наблюдения на этот счет оставил один из современников: собравшись распределять пахотные земли, крестьяне сначала разбиваются на группы по десять человек с тем, чтоб облегчить процесс раздела; первые жребии вытаскиваются на такие десятинные группы, и только затем, внутри каждой группы, нарезаются полосы¹². Если поле позволяет, то длина полосы устанавливается в 80 сажений; считается, что такое расстояние лошадь с сохой проходит без остановки. Однако ширина полосы — количество борозд — может быть разной, впрочем, в XIX в. наиболее распространенными были полосы в 3—4 сажени (6,4—8,5 м).

Большой интерес к размерам крестьянских наделов и барских полей проявило основанное в 1847 г. и изучавшее Тамбовскую, Воронежскую, Тульскую, Орловскую и Рязанскую губернии Лебединское общество сельского хозяйства. В 1848 г. оно разослало своим членам вопросник, и один из корреспондентов — помещик — написал следующее: «По местным условиям Тамбовской губернии Борисоглебского уезда одно крестьянское тягло обрабатывает в каждом поле — на себя и на помещика — по четыре десятины (тридцатной меры) без всякого изнурения»¹³. Таким образом, крестьянское тягло будет иметь шесть десятин (6,6 га), включая две десятины, находившиеся под паром, каждая по 2400 кв. сажений, но в то же время такое же количество земли возделывалось и для помещика. На годовом собрании Общества в 1850 г. все присутствовавшие сошлись во мнении, что «принято две десятины тридцатных в поле на тягло», что «2-десятинная пропорция на тягло есть настоящая в нашем краю и у всех хозяев принимается нормою», что «в наших черноземных губерниях, для которых мы признаем хорошей двухдесятинную пропорцию в поле на тягло» и что «две десятины приняты у нас везде, а где много земли, там хозяева дают крестьянам еще несколько более против господских двух десятин в поле»¹⁴. К 1857 г. эти оценки были слегка изменены. На тучных черноземах, которые легко распахивались и которые не требовали удобрения, теперь считалось, что каждое

тягло легко может поднять три десятины (каждая по 2400 кв. саженей) для барина и три для себя в расчете на каждое поле. И лишь если земля была от природы менее плодородной и ее требовалось унавоживать раз в 9—12 лет (конечно, каждое поле в свой черед), то норму необходимо было снизить до двух десятин на каждое поле¹⁵. Поэтому в соответствии с мнением общества, которое пользовалось в своих расчетах меньшей, казенной десятиной, в год тягло могло поднять от 4,4 до 6,6 га на свои собственные нужды, исключая пар.

Однако две казенные десятины на одно поле на тягло, видимо, были минимальным крестьянским наделом, а не средним. Так, в 1858 г. живший в соседнем с селом Петровским уезде помещик заметил: «Почти все крестьяне Тамбовского уезда, находящиеся на запашке, получают от помещиков по 2¹/₂ десятины указной меры, очень редко по две, а у немногих помещиков дается и по три десятины»¹⁶. Для крепостных соседнего (в нескольких километрах от села Петровское) Кирсановского уезда пять десятин на тягло на все три поля считались недостаточными для поддержания хозяйства крепостного крестьянина. Шесть десятин (6,6 га) считались общепринятой нормой, но только в тех имениях, где земли было не в избытке. Семь десятин считались достаточными, восемь — льготными, а случаи надела более восьмью десятинами неизвестны¹⁷. Крестьяне деревни Тарбеевка Спасского уезда Тамбовской губернии получили от барина на тягло по три десятины на каждое поле. Приходский священник села Голушь и Новомихайловское, что в 350 километрах прямо на запад от села Петровское, но уже в Тульской губернии, писал, что здесь на крепостное тягло приходилось по две хозяйственных десятины в каждом поле, или 5,8 га обрабатываемой земли и еще 2,0 га — под паром¹⁸.

В начале 20-х гг. XIX в. в поместье М.С.Лунина, что в Кирсановском уезде, всего в 40 км от села Петровское, крестьяне имели возможность получить от своего помещика 7,26 десятины на тягло на трех полях. Но крепостные брали у соседних помещиков в аренду дополнительные 1,7 десятины обрабатываемой земли на тягло, впрочем, трехпольная система не всегда практиковалась на этих землях. К сожалению, автор статьи об этом поместье историк Б.Д.Греков, который позже ограничил свои научные изыскания Средневековьем, не уточнял, о каких из двух типов десятины идет речь. Но судя по тому, что он изучал документы, относящиеся к имению (особенно по 20-м гг. XIX в.), а не правительственные документы или какие-либо официальные публикации, скорее всего, речь идет о хозяйственной, то есть большей, десятине. Таким образом, лунинские крестьяне, возможно, обрабатывали в итоге 7,0 га земли ярового и озимого полей да плюс 3,5 га находились под паром, и это без учета той пахотной земли, которую они арендовали. Если бы речь шла о казенной десятине, то их поле под посевом

составило бы 13,1 десятины, а под паром — 6,5 десятины¹⁹. Советский историк А.Н.Насонов, изучавший поместья семьи Юсуповых в Курской, Воронежской, Харьковской и Полтавской губерниях, утверждает, что в 1831—1846 гг. средний надел крепостного в расчете на тягло колебался в границах 6,24—8,40 десятин, но и он не уточняет, какой десятиной велось измерение²⁰.

Однако все эти заявления относительно размеров крестьянских наделов — даже несмотря на то, что измерения, по всей вероятности, довольно точны, — маскируют царившую в полях путаницу, которая была логическим результатом полосного земледелия, периодического перераспределения как крестьянской пахотной земли, так и помещичьих земель и плохо и редко проводившегося в поместьях межевания. В Петровском по крайней мере приказчики никогда точно не знали, сколько земли находилось в крестьянском пользовании. Межевые работы проводились нерегулярно, с разрывом в 17 лет, а их результаты неизменно свидетельствовали, что приказчики занижали величину крепостного землепользования на 5—10%. Очевидно, из года в год крестьяне расширяли свои полосы за счет сопредельных барских земель, выпасов и залежей. Так, в 1837 г. приказчик из Петровского ходатайствовал перед своим начальством в Москве: «Землемер в здешнем имении необходимо нужен, ибо господские поля с крестьянскими так перепутаны, что и самые сеятели господского хлеба едва ли хорошо оныя знают»²¹. Двадцать лет спустя, в 1857 г., был запрос еще на одного землемера, по той же самой причине²².

В некоторых случаях документы, подытоживавшие землепользование в имении Петровском, просто отмечали, что каждое тягло было обеспечено необходимыми шестью хозяйственными десятинами на все три поля (8,7 га) для своих нужд, как того требовали установленные в имении правила²³. Но после каждого тщательного межевания становилось ясно, что крепостные обыкновенно имели от 6,2 до 6,6 десятины (9,0—9,6 га) на тягло, включая по крайней мере часть залежных земель, то есть те пахотные земли, которые являлись частью трехпольной системы. Таким образом, в 1810 г. реальный надел составлял 6,6 десятины; в 1827 — 6,3 дес.; в 1843 г. — 6,3 дес.; в 1849 г. — 6,25 дес. и в 1859 г. — 6,6 дес.²⁴ Зафиксирован лишь один случай падения размеров надела ниже отметки в 6 хозяйственных десятин на тягло. В 1857 г. взятому в поместье землемеру было велено нарезать крестьянам по 5,75 десятины, однако несколько месяцев спустя каждое тягло получило дополнительные четверть десятины²⁵. Тем не менее даже после межевания ситуация продолжала оставаться запутанной. В посевную весной 1858 г. приказчик, к величайшему своему удивлению, обнаружил излишек более чем в 440 десятин (почти 650 га) обрабатываемой земли после наделения каждого тягла требуемым количеством барской и крестьянской земли. И, как потом оказалось, большую часть этой «неожиданно появившейся»

земли крепостные обрабатывали сами. Источником проблем была нестандартизованная десятина в виде десяти полос, а не какой-то строго фиксированной площади. «Нарезка десятины в крестьянских полях очень неправильная», — писал приказчик в 1859 г., снова запрашивая разрешения на привлечение к работе землемера²⁶.

Однако следует иметь в виду, что на самом деле ошибка составляла лишь 5,3% на все имение в 11 тыс. га обрабатываемой земли. Общая сумма потери дохода по всему имению, или получаемая в каждом крестьянском хозяйстве прибавка к доходу, разумеется, могла бы быть более значительной. Но приказчики всегда имели очень хорошее представление (хотя оно никогда не было точным), сколько земли возделывается для барина и сколько для крестьянских нужд. В целом вполне резонно можно заключить, что между 1810 и 1859 годами крепостные села Петровское ежегодно возделывали не менее 5,8 га и не более 6,4 га пахотной земли без пара в расчете на тягло, а с учетом парового клина — от 8,7 до 9,6 га. Эти цифры подразумевают существование крестьянских наделов в пределах 6,0 — 6,6 хозяйственной десятины на тягло по всем трем полям. Ясно, что недостатка в обрабатываемой земле поместье не испытывало, имея в 20-х гг. XIX в. чуть более 500 хозяйственных десятин залежного клина, а в 40-х гг. — свыше 800 (данные имеются только на эти годы). Таким образом, крепостные села Петровское были достаточно обеспечены землей, и их наделы являлись вполне типичными крестьянскими наделами для данного района²⁷.

Архивы Петровского имения не содержат данных по урожайности зерновых на крестьянских землях. А что касается барской земли, то здесь можно определить не только соотношение посеянного и собранного зерна, но и урожайность в центнерах и в гектолитрах на гектар, и хотя эти данные хорошо отражают степень развитости сельскохозяйственного производства, все же некоторые допуски следует сделать, отнеся их на счет погрешностей в межевании имения. В табл. 4 представлена урожайность зернового поля на период 1811—1860 гг., причем были использованы все три показателя урожайности. Табл. 5 и 6 дают сравнение этих урожаев с опубликованными данными по другим крепостным имениям, либо крестьянским деревням южных районов Тамбовской губернии, или с данными по южной части Центрального черноземного района.

Эти данные отражают как резкие годовые колебания, так и заметные местные различия внутри данного региона. Так, например, урожайность в селе Моховое соседней, Тульской губернии была вдвое выше урожайности в селах Петровское и Ватарино Тамбовской губернии. Тем не менее данные по этим одиннадцати поселениям, включая Петровское, отражают уровень производительности сельскохозяйственного труда, типичный для стран тогдашней Европы. Сам-шесть (1:6), сам-семь (1:7) по ржи, другими словами, урожай ржи в 8—9 ц/га был средним для Дании и Франции в XVIII

в. и для Германии в середине XIX в. По овсу сам-пять (1:5) было нормой в Германии в XVIII в., встречалось и во Франции, впрочем, к 20-м годам XIX в. урожайность там перевалила за сам-семь(1:7)²⁸.

Таблица 4

Зерновые урожаи в имении, 1811—1860 гг.

Годы	Рожь			Овес		
	посеяно/ собрано	ц/га	гекто- литр/га	посеяно/ собрано	ц/га	гекто- литр/га
1811—1820	4,9	6,4	9,5	4,6	7,1	18,5
1821—1830	7,4	9,9	14,5	5,9	9,2	23,7
1831—1840	5,7	7,6	11,1	4,3	6,7	17,2
1840—1849	6,5	—	—	5,5	—	—
1851—1852, 1855—1860	6,5	8,7	12,8	4,4	6,9	17,9
В среднем	6,2	8,2	12,0	4,9	7,5	19,3

Годы	Гречиха			Просо
	посеяно/ собрано	ц/га	гекто- литр/га	посеяно/ собрано
1811—1820	4,8	5,2	8,6	—
1821—1830	5,0	5,4	9,0	—
1831—1840	4,6	4,9	8,2	—
1840—1849	6,3	—	—	22,6
1851—1852, 1855—1860	3,1	3,4	5,7	—
В среднем	4,8	4,7	7,9	—

Источники: Данные за 1840—1849 гг. взяты из ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2830а (1849). За другие годы цифры взяты из ежегодных записей урожаев в имении. См.: К о в а л ь ч е н к о И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959, с. 83.

Примечание: За исключением 1840—1849 гг., при имеющемся соотношении посеянного и собранного зерна на одну хозяйственную десятину высевалось 1,36 четверти семян ржи, 2,81 — овса и 1,25 — гречихи. Эти цифры — средний показатель за семь лет в период 1816—1858 гг. А поскольку зерно мерялось четвертями, то есть мерой объема, то вес четверти семян зависел от культуры и размера зерна. Многолетний опыт говорит, что четверть ржи весит 143 кг, овса — 81 кг, гречихи — 126 кг.

Средняя урожайность зерновых (гектолитр/га)

Местность	Годы	Урожайность		
		Рожь	Овес	Гречиха
Петровское, Борисоглебского уезда Тамбовской губернии	1811—1860	12,0	19,3	7,9
Ватарино, Лебединского уезда Тамбовской губернии	1825—1850	10,3	20,7	9,0
Нижнедевицкий уезд Воронежской губернии	1843—1849	14,1	29,9	8,2
Моховое, Новосильского уезда Тульской губернии	1834—1849	23,6	49,0	19,5

Источники: Табл. 4 и *Записки Лебединского общества сельского хозяйства* за 1850 г. (1851), с. 204-205; за 1851 г. (1852), с. 26-29; за 1852 г. (1853), с. 86.

Знатокам русского сельского хозяйства урожаи зерновых села Петровское и некоторых других мест могут показаться удивительно высокими. В действительности мнение, что Россия страдала низкой производительностью в сельском хозяйстве с урожайностью на уровне 1:3,5 (соотношение посеянного зерна к собранному), то есть «более низкой, чем где бы то ни было в Европе», просто неверно²⁹. Подобного рода оценки, особенно те, что делались советскими историками, стремившимися, видимо, занижить соотношение собранного и посеянного зерна, основывались на официальных данных, ежегодно докладываемых губернатором каждой губернии. Признают эти цифры и некоторые из западных ученых³⁰. Однако многие чиновники, помещики и ученые того времени весьма критически относились к данным, сообщаемым в губернаторских отчетах и других официальных бумагах³¹. Опасаясь дополнительных поборов продовольственного зерна и фуража на нужды армии, многие помещики преднамеренно давали заниженные цифры урожая; эта практика была особенно распространена в Центральном черноземном районе³². Местные чиновники, отвечающие за сбор официальных данных на контролируемой территории, смотрели на эту свою обязанность как на нечто второстепенное³³, и, по всей видимости, их легко можно было подкупить. Равным образом и губернаторские отчеты, готовившиеся на первое января каждого года, не учитывали то зерно — а это часто была довольно большая часть урожая, — которое обмолачивалось после Нового года³⁴.

Действительно, современники единодушны в том, что правительственные данные слишком низки. По результатам анкеты Вольного экономического общества от 1765 г., средний урожай

Таблица 6

Соотношение собранных семян к посеянным (по несправительственным источникам)

	Рожь			Овес			Гречиха			Просо			Период наблюдения
	Авг.	Мин.	Макс.	Авг.	Мин.	Макс.	Авг.	Мин.	Макс.	Авг.	Мин.	Макс.	
Тамбовская губерния Петровское, Борисоглебского уезда ^а	6,2	—	—	4,9	—	—	4,8	—	—	—	—	—	1811—1860
Борисоглебский уезд ^б	14,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1853, 1855—1856
Тамбовский уезд ^в	9,3	—	—	8,8	—	—	9,1	—	—	25,7	—	—	Не уточнено
Имение Лунина, Кирсановский уезд ^г	8,6	7,2	9,6	5,2	2,7	8,0	5,8	0,3	12,0	24,9	13,9	40,6	1823—1825
Кирсановский уезд ^д	8,0	—	—	4,6	—	—	7,0	—	—	—	—	—	Не уточнено
Воронежская губерния Нижнедевицкий уезд ^е	8,0	—	—	—	—	—	8,0	—	—	15,0	—	—	Не уточнено
Курская губерния Юсуповские имения ^ж	6,4	2,0	10,8	5,4	2,0	8,0	3,9	0,0	9,5	—	—	—	1831—1859
Обоянский уезд ^з	—	—	15,0	—	—	13,0	—	—	12,0	—	—	60,0	За лучшие годы

^а См.: Табл. 4.^б *Записки Лебедянского общества сельского хозяйства* за 1853 г. (1854), с. 196-197; за 1855 г. (1856), с. 270-273; за 1856 г. (1857), с. 81-83.^в Грузинов И.В. Быт крестьянина Тамбовской губернии. — *Журнал землевладельцев*, 2, №5, ч. 6, 1858, с. 8.^г Греков Б.Д. Тамбовское имение М.С.Лунина в первой четверти XIX в. — *Известия Академии наук СССР*, Отделение общественных наук, сер. 7, №6, 1933, с. 493.^д Кишкин М.Н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии. — *Сельское благоустройство*, №1, 1859, с. 229.^е Малахихин П. Быт крестьян Воронежской губернии, Нижнедевицкого уезда. — *Этнографический сборник*, №1, 1853, с. 2.^ж Насонов А.Н. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян. — *Известия Академии наук СССР*, Отделение гуманитарных наук, сер. 7, №4-7, 1928, с. 350.^з Машкин И. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда. — *Этнографический сборник*, №5, 1862, с. 95-96.

Европейской полосы России составлял 4,9 частей собранного зерна к одной части посеянного³⁵. В дальнейшем статьи в «Трудах» Общества говорят о средней урожайности сам-пять (1:5)³⁶. Аналогично топографические описания, составленные военными в 80-е гг. XVIII в., показали среднюю урожайность сам-пять³⁷. В течение XIX в. Д.В.Блудов и П.А.Валуев (оба — министры внутренних дел), а также директор Центрального статистического комитета П.П.Семенов высказывали серьезные сомнения относительно точности официальных данных по сельскому хозяйству³⁸. И.И.Вильсон — редактор широко цитируемого атласа сельскохозяйственной статистики, впервые опубликованного в начале 50-х гг. XIX в., предупреждал, что если губернаторскими отчетами и можно пользоваться для определения общих тенденций в урожайности, то сообщавшиеся в них абсолютные цифры относительно посеянного и собранного зерна были сомнительны, в частности, по черноземному региону эти цифры оказались слишком низкими. Иначе говоря, губернаторы систематически занижали показатели урожайности приблизительно в той же пропорции. Так, в четвертом издании своего атласа, определяя валовые сборы зерна, Вильсон полагает в качестве среднего показателя для Европейской части России в 50—60-е гг. XIX в. соотношение посеянного зерна к собранному в 1:4,5 для озимых культур и 1:4 для яровых³⁹. Неоднократно также подвергались критике за занижение оценки собираемого зерна данные топографических исследований, проведенных в различных губерниях Генеральным штабом русской армии⁴⁰. Статистик Л.В.Тенгоборский заявлял, что правительственные оценки урожая следует увеличить приблизительно на 10%⁴¹. Тем не менее табл. 7 показывает: в отношении Тамбовской губернии Генеральный штаб и анонимный автор статьи, опубликованной в официальном «Журнале Министерства внутренних дел» придерживались того мнения, что пропорция посеянного зерна к собранному в действительности на 25-40% выше, чем приводимые в отчетах губернаторов и министерства государственных имуществ цифры⁴². В соответствии с данными так называемого «Межевания Менда» начала 50-х гг., совместно проведенного землемерной службой Министерства юстиции, Русским географическим обществом и Генеральным штабом, средняя урожайность по 34 поместьям и деревням Борисоглебского уезда (куда входило и село Петровское) составила 1:7,5 (соотношение посеянного к собранному) для озимых и 1:8,4 для яровых культур, в том числе и для проса. В Петровском же средняя урожайность выражалась соотношением 1:8,5⁴³. Этот показатель, значительно превышающий (см. табл. 4) наблюдаемый по имениям уровень урожайности, является следствием широко распространенного тогда возделывания высокоурожайных сортов пшеницы. Или просто временной отрезок, в который зафиксирована такая урожайность, был непродолжительным, и на него случайно припала урожайность выше среднего уровня.

Таблица 7

**Соотношение собранных семян к посеянным, Тамбовская губерния
(по архивным и официальным правительственным источникам)**

Источник	Озимые		Яровые		По всем культурам										
Ежегодные отчеты губернаторов ^а															
1806—1815	4,03		3,47		3,75										
1841—1850	4,09		3,58		3,85										
1851—1860	3,89		3,20		3,45										
Частичный земельный кадастр ^б Борисоглебского уезда (34 имения и деревни)	7,5		8,4												
Источник	Рожь			Овес			Гречиха			Просо					
	Авг.	Макс.		Авг.	Макс.		Авг.	Макс.		Авг.	Макс.				
Журнал Министерства внутренних дел ^в (среднее за 15—20 лет)															
Северные уезды	—	7		—	—		—	—		—	—				
Южные уезды	—	10-12		—	—		—	—		—	—				
По всем уездам	5	—		<5	10+		5	11+		25	70+				
Источник	Рожь			Озимая пшеница			Овес			Гречиха			Просо		
	Авг.	Мин.	Макс.	Авг.	Мин.	Макс.	Авг.	Мин.	Макс.	Авг.	Мин.	Макс.	Авг.	Мин.	Макс.
Генеральный штаб армии ^г															
Северные уезды	—	—	6-7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Южные уезды	—	—	10-12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Отчеты губернаторов	4,9	—	—	—	—	—	3,3	—	—	—	—	—	—	—	—
По материалам имений (13—23 года в среднем)	5,5	1,5	12	5,8	1,3	11	4,9	2,5	10	4,7	0,0	10,3	25,5	0,0	65

^а К о в а л ь ч е н к о И. Д.. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959, с. 39.

^б ЦГАДА, ф. 1357, оп. 4, ед.хр. 1/211. Составлено в 1850—1853 гг.

^в Очерки Тамбовской губернии в статистическом отношении. — ЖМВД, №7, ч. 3, 1858, с. 41.

^г К у з ь м и н. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1851, т. 13, ч. 1, с. 59-62.

Итак, нельзя полагаться на официальные оценки урожайности зерновых. Для России в целом правительственные данные систематически занижали урожаи на 30%. В плодородном зернопроизводящем районе, там, где и находилось село Петровское, отклонение было еще больше. Данные по отдельным имениям, данные Вольного экономического общества, армии и Русского географического общества говорили о том, что здешние урожаи сопоставимы с урожаями, наблюдавшимися во многих странах Европы в конце XVIII — начале XIX в.

Приказчики из Петровского не вели учета, сколько крестьянской обрабатываемой земли отводилось под какой знак из тех, что крестьяне выращивали для себя. Но подворные зерновые описи, хоть и в грубых мерках (стоги и копны) — достаточный показатель использования земли (см. табл. 8). Озимая рожь являлась основным крестьянским продовольствием и должна была занимать если не все, то большую часть озимого поля. Овес и просо — основные яровые культуры — шли как в пищу человеку, так и на корм скоту. Гречиха, которую ели в виде каши, возможно, была даже более важной культурой, чем о том свидетельствует табл. 8, занимая, по всей вероятности, четверть ярового клина в 50-х гг., но это остается неясным. Горох и картофель, если и выращивались крепостными в середине века, то в очень небольших количествах на пахотных землях поместья, на их огородах наряду с прочими овощами и, возможно, льном. Коноплю выращивали на специальных участках, примыкавших к каждому двору и в отличие от надела пахотной земли считавшихся частью усадьбы.

Таблица 8

**Общие подворные зерновые описи хозяйств крепостных села Петровское
(единица измерения — скирда)**

Культура	2 октября 1813	1 января 1818	1 ноября 1856
Рожь	2114	1680	4166
Пшеница	177	55	0
Овес	1663	1304	798
Просо	627	425	822
Гречиха	152	10	15

Источники: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41, 121; ч. 2, ед.хр. 822.

Примечание: В 1856 г. урожай озимых, особенно гречихи, был крайне низким из-за августовского града. Кроме необмолоченного зерна за 1856 г., в опись были также внесены 922 пуда ржаной муки и 34,4 четверти проса — очень маленькое по сравнению с рожью и просом в скирдах количество.

Пшеница, как известно, не была важным компонентом рациона русского крестьянина XIX в. Тем не менее в октябре 1813 г. почти третья всех дворов села Петровское выращивалась пшеница, скорее всего озимая⁴⁴. На первое января 1818 г., как о том свидетельствует опись, лишь пять дворов имели пшеницу, а в остальных дворах то немногое, что выращивалось, к этому времени уже было съедено или продано⁴⁵. Нет сведений о том, что после 1818 г. крепостные возделывали пшеницу на своих пахотных наделах. Та форма, что использовалась для зерновой описи в феврале 1834 г., даже не содержала колонки для пшеницы, как это было в двух предыдущих зерновых описях⁴⁶. На 1 ноября 1856 г. зерновая опись показала отсутствие пшеницы, складированной в хозяйствах крепостных крестьян, по всему имению⁴⁷.

Впрочем, любое заключение будет неизбежно носить характер поиска, попытки, поскольку сама доказательная база далека от совершенства; пшеница, которая, видимо, являлась товарной культурой в начале века, по неясным причинам незаметно исчезла с полей крепостных крестьян. К 50-м и 60-м гг. только несколько наблюдателей упоминали возделывание пшеницы в Центральном черноземном районе⁴⁸. Сокращение использования крестьянами пшеницы, особенно в целях получения наличных денег — в общем-то странно, поскольку с начала 30-х гг. эта культура стала основным источником дохода для помещиков данного района, главным образом благодаря расширению ее экспорта из черноморских портов⁴⁹. В 1854/55 г. ожидалось, что пшеница в Петровском имении даст 32% доходов от продажи зерна и уступит только ржи⁵⁰. Равным образом вызывают удивление данные, Впрочем скудные, о том, что крестьяне более северных губерний — Ярославской, Нижегородской, возможно, и других — продолжали выращивать яровую пшеницу даже в 50-е гг., достигая урожайности сам-четыре (1:4), сам-пять (1:5)⁵¹.

Трудно дать оценку этому сокращению возделывания пшеницы крепостными села Петровское. Если крепостные потребляли пшеницу, то последствия исключения ее из рациона питания — незначительные. Во всяком случае сомнительно, что и попытки повысить качество жизни путем «обеления» хлеба, и затяжное сокращение производства пшеницы завершились уже в первое десятилетие XIX в. Скорее всего поместье хотело, с одной стороны, предотвратить конкуренцию со стороны крепостных на рынке пшеницы⁵², а с другой — заставить крестьян использовать их пахотную землю под возделывание ржи — более стойкого злака, гарантирующего и более стабильный урожай. Наконец, крепостные могли найти скот более верным и выгодным объектом вложения, а потому расширить производство овса за счет посевов пшеницы. Однако все эти варианты не более чем спекуляции. Тем не менее далеко не очевидно, что прекращение возделывания крепостными пшеницы знаменовало чистое паде-

ние денежных доходов и отрицательно сказалось на уровне жизни крестьян села Петровское.

Обращая внимание на использование крестьянами наделов пахотной земли, исследование по крепостным Кирсановского уезда Тамбовской губернии констатирует, что крестьяне с 7—8 казенными десятинами (7,6—8,7 га) пашни на тягло занимали две десятины под рожь, две — под овес и одну — под гречиху или под просо. Аналогично, в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии, что в 380 километрах от села Петровское, крепостные с довольно маленькими наделами в шесть казенных десятин на тягло выделяли две десятины под рожь, 1,5 — под овес и 0,5 — под гречиху или просо. Следует отметить, что урожайность зерновых в обоих уездах была в среднем несколько выше, чем в Петровском⁵³. В хозяйстве Федора Непряхина — «типичного» крепостного Тамбовского уезда — возделывалось на тягло 2,5 казенной десятины ржи, 1,5 — гречихи, 0,5 — овса, 0,3 — проса и 0,2 — льна, однако урожайность в его хозяйстве была на 50—90% выше, чем тех же культур на землях Петровского имения⁵⁴.

Подворные описи села Петровское за 1813 и 1818 гг. свидетельствуют, что распределение пахотной земли не отличалось от наблюдавшегося в Кирсановском и Нижнедевицком уездах, хоть и не было похоже на непрыхинское использование ярового поля в Тамбовском уезде. Из-за плохого урожая яровых в Петровском в конце 1856 г. трудно на основании подворных описей оценить, как в тот год распределились культуры на яровом клину, а вот что касается озимого поля, то оно целиком было засеяно рожью. Тем не менее, если исходить из того, что на каждое тягло в Петровском приходился надел в 6,0—6,6 хозяйственной десятины, то вполне реально выглядит выделение под рожь самое малое 3,0 га, столько же — под пар и разделение ярового поля в соотношении 3:1 или 2:1 между овсом, с одной стороны, и гречихой или просом, с другой. Что касается пшеницы, то остается неизвестным, как она раньше возделывалась: как яровая или как озимая культура.

Если в Петровском крепостные, засевая в среднем 3,0 га рожью, 2,1 — овсом и 0,9 — гречихой и просом, выходили на урожайность, сходную с той, что давали поля имения, тогда каждое тягло производило 24,2 ц ржи, 15,6 ц — овса и по крайней мере 3,2 ц гречихи (или проса)⁵⁵. Это предположение небезосновательно, поскольку крестьяне на обоих типах полей (крестьянском и помещичьем) использовали те же самые орудия, тягловый скот и посевное зерно. Ни барское, ни крестьянское поля не удобрялись. Еще более важно, что имение работало по системе «*брат на брата*», характерной для большинства барщинных земель; по этой системе каждый день лишь половина тягол работали на барском поле, а остальные в это время трудились на собственных полях. Таким образом, поместье не имело преимуществ в отношении погоды — важнейшего из факторов урожайности. Скорее

наоборот, такая практика поровну делила метеорологический риск и природное непостоянство между имением и крестьянскими полями. В общем, утверждения крепостников о том, что урожайность их полей была выше урожайности полей крестьянских, — утверждения обычные, — являлись скорее вымыслом, чем реальным фактом. В Петровском, и предположительно в других местах, помещичьи и крестьянские поля были так перемешаны, что различия в урожайности были, пожалуй, физически невозможны.

Вычитая из вышеприведенных цифр зерно, необходимое для посева в следующем году, и допуская на потерю при помеле 15% от вса ржи и гречихи, мы получим такие показатели чистого урожая: ржаной муки — 17,2 ц и 2,7 ц — гречневой крупы (или проса). Если работавшие в поле крепостные потребляли столько же, сколько и дворовые с их годовым рационом в 276 кг ржаной муки и 34,5 кг гречневой крупы или проса на человека, то тогда при средней урожайности пахотная земля, выделенная на каждое тягло, могла бы дать ржаной муки на 6,2 человека, а гречихи или проса — на 7,8 человека. Оставшееся от обмолота и помола вместе с 12,4 центнера овса могло пойти на корм скоту. Далее, следует заметить, что вышеприведенные цифры подразумевают надел только в 8,9 га на тягло, включая паровой клин, а тем временем часто крепостные пользовались дополнительной землей — в размере до 0,7 га. В итоге состоящая из мужа и жены производственная единица, возделывая свой полный надел, могла легко содержать себя и еще более четырех неработающих членов, а также достаточно большое поголовье скота. При самых минимальных средствах к существованию — 214 кг молотого зерна на человека в год — одно тягло могло при необходимости прокормить 9,3 человека, не прибегая к потреблению овса. Здесь ключевым моментом является то, что, допуская большую пропорцию «сдоки/работники», производственный потенциал деревни мог поддерживать очень высокий уровень плодovitости. Другими словами, почти половина населения могла состоять из пока еще не работающих детей.

Фактически между 1810 и 1856 гг. одно тягло содержало в среднем от 4,6 до 5,5 крепостного (на основании данных за 13 лет), или на двух работающих приходилось от 2,6 до 3,5 неработающего. Из табл. 9 явствует, что лишь 1/5—1/3 всего деревенского населения жили в крестьянских хозяйствах, имея такие соотношения тягол к сдокам, которые могли вызывать падение зернового производства ниже уровня потребления дворовых. Лишь от 4,4% до 12,5% крепостных села Петровское принадлежали к тем дворам, производство в которых не обеспечивало необходимого прожиточного минимума, включая все хозяйства, основу которых не составляла семейная пара работников, — дворы вдов, солдаток и стариков, часто с детьми. В хозяйствах, в которых были работники, эта цифра редко превышала 4,5% от общего населения. Таким образом, лишь небольшое количество деревенских жителей пуж-

далось в помощи со стороны крестьянской общины или со стороны имения. И действительно, большинство дворов села Петровское явно производили излишки зерна, которые можно было использовать на уплату налогов и прочих денежных обязательств, на покупку сельскохозяйственных орудий, тяглового скота, на бытовую утварь, на обеспечение страхового запаса на случай неурожая и на обеспечение более высокого, чем у дворовых людей, уровня жизни.

В сущности, всю рожь, гречиху и просо крепостные выращивали для собственного потребления; лишь небольшая часть произведенного продавалась на рынке с прицелом на последующие покупки, самой заметной из которых была покупка алкоголя. Основной формой уплаты налогов служила перевозка помещичьего зерна на рынок зимой, когда крестьяне имели гораздо больше свободного времени. И хотя для того, чтобы совершить дальние и тяжелые перевозки, лошадей приходилось кормить овсом, а не соломой или сеном, на рационе крепостного это не отражалось. Более того, перевозки были своеобразной страховкой крестьянина от резких колебаний цен. В противном случае — и здесь примером могут служить 20-е гг. XIX в. — тяглу пришлось бы продавать, применительно к существовавшим тогда ценам, от 1 до 3,7 четверти ржи (143—529 кг) для того, чтобы быть в состоянии выплатить годовой налог и нести прочие денежные повинности. В среднем налоги и повинности достигали 22% чистого (то есть за вычетом семян для посева на будущий год) поступления ржи. А потому перевозки, хоть и были обременительны, имели свою положительную сторону. Относительно других возможных статей расходов заметим, что тот скот, в котором крестьяне нуждались, они разводили сами. На грубый и простой хозяйственный инвентарь крестьяне тоже не тратились, изготавливая его дома.

Уровень благосостояния крепостных в Петровском имении лучше всего отражает количество находившегося во владении крестьянской семьи поголовья скота. После земли скот считался наиболее важным элементом жизни крепостного. Без лошади или быка крепостной не смог бы обработать свои поля, без овец не смог бы одеть себя и свою семью, без коров, свиней и домашней птицы — «разбавить» бесконечно монотонный зерновой рацион и обогатить белками пищу. К тому же земля являлась наименее подверженным изменениям элементом хозяйства крепостного, тогда как поголовье скота — особенно того, что разводился для личного потребления, — гибко и быстро реагировало на изменения обстоятельств крестьянской жизни.

Кроме надела пахотной земли у крепостных села Петровское были общинные пастбища (*выгоны*) и луга (*сенокосы*). Но в отличие от пахотной земли, которая распределялась по всему имению и тем самым каждое тягло обеспечивалось равным количеством земли, выгоны и сенокосы для удобства пользования давались

Таблица 9

Хозяйства с низким или недостаточным числом тягла в расчете на человека

Тягло/ Человек	1813				1814				1818			
	Дворов		Человек		Дворов		Человек		Дворов		Человек	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
1:7,0—9,5	14	21,9	132	25,2	7	10,8	61	11,4	10	15,6	100	17,5
1:9,5+	4	6,3	43	8,2	2	3,1	21	3,9	1	1,6	10	1,7
Нет тягла	4	6,3	7	1,3	2	3,1	5	0,9	4	6,3	18	3,1
Всего	22	34,5	182	34,7	11	17,0	87	16,2	15	23,5	128	22,3
Тягло/ Человек	1821				1824				1826			
	Дворов		Человек		Дворов		Человек		Дворов		Человек	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
1:7,0—9,5	10	14,5	93	16,9	12	16,2	101	17,6	16	21,3	143	24,0
1:9,5+	2	2,9	20	3,6	3	4,1	23	4,0	1	1,3	10	1,7
Нет тягла	10	14,5	35	6,4	7	9,5	23	4,0	5	6,7	16	2,7
Всего	22	31,9	148	26,9	22	29,8	147	25,6	22	29,3	169	28,4
Тягло/ Человек	1827				1834				1856			
	Дворов		Человек		Дворов		Человек		Дворов		Человек	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
1:7,0—9,5	14	18,4	123	20,6	9	11,5	93	14,6	7	5,6	59	8,3
1:9,5+	3	3,9	24	4,0	4	5,1	28	4,4	2	1,6	16	2,2
Нет тягла	4	5,3	12	2,0	4	5,1	12	1,9	26	20,8	73	10,3
Всего	21	27,6	159	26,6	17	21,7	133	20,9	35	28,0	148	20,8

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ед.хр. 1495; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41, 59, 121, 186, 344, 357, 515; ч. 2, ед.хр. 822.

Примечание: Соотношение тягло/человек меньше, чем 7, в крестьянских дворах будет означать, что его члены имели меньше в расчете на душу зерна, за исключением овса, чем дворовые люди. Пропорция меньше 9,5 будет означать, что данное хозяйство не производило достаточно продуктов и ему требовалась помощь для того, чтобы выжить. Двор без тягла вообще не имеет трудовых обязательств и земельного надела, кроме вдовьего надела или такого же маленького участка, выделяемого общиной.

каждой из восьми деревень по отдельности, закреплялись за каждой деревней, но использовались они всею деревней коллективно. С течением лет в землеобеспечении тягла по разным деревням накопились существенные различия. Например, в 1857 г. в селе Петровское — одном из двух старейших поселений имения — было лишь 120 хозяйственных десятин (175 га) общинных выгонов на 156 тягло (125 дворов). Но в деревне Викторовна, основанной в 1848 г., примерно столько же земли приходилось на вдвое меньшее количество тягло и дворов⁵⁶. Новое межевание, предпринятое в 1858 г., исправило эти неравномерности, наделив каждое поселение из расчета одна хозяйственная десятина (1,5 га) выгонов и сенокосов на одно тягло, впрочем, эти земли продолжали оставаться в совместном пользовании всех жителей деревни⁵⁷. В первой половине XIX в. общее количество пастбищ и лугов, доступных для использования крестьянами Петровского имения, оставалось примерно тем же самым, но колебалось от 0,9 до 3,4 га на тягло в разных деревнях, при этом различия в распределении общинных выгонов оказались большими, чем в распределении сенокосов⁵⁸.

Таким образом, овес, сечка и мякина были кормом для скота, в который добавлялась трава и отава общинных выгонов, парового клина и леса. На этом корме крестьяне села Петровское могли содержать скотину в таком количестве в расчете на душу населения, которое отражено в табл. 10. Держали и домашнюю птицу — главным образом кур, немного уток и гусей, а случалось — и индюшек. Данные по птице имеются только за 1843 г., и из них следует, что на душу населения приходилось в среднем более двух штук птицы⁵⁹.

Дополнительные источники свидетельствуют, что такое поголовье было характерно и для окрестностей имения Петровского. Х.Козлов, бывший предводитель дворянства в Борисоглебске и автор многочисленных статей на темы хозяйственной жизни этого уезда, в одном из эссе, представленном на организованный в 1848 г. Ученой комиссией министерства государственных имуществ конкурс, писал:

«Число лошадей в уезде равняется числу мужского народонаселения, потому что обязательно каждое тягло имеет езжалую лошадь с подростком, который ходит в бороне; но есть немало и таких домохозяев, кои имеют кроме подростков по две езжалые лошади на каждого рабочего человека, а иные зажиточные имеют и излишек лошадей и продают их по третьему и по четвертому году... Количество рогатого скота верно исчислить не возможно, но приблизительно можно сказать, что на каждое семейство, состоящее из пяти душ, приходится от одной до трех коров с подтелками... Число овец простирается на наличну душу мужского пола до 5 голов... Число свиней простирается до 2 голов на душу»⁶⁰.

По этим стандартам у крепостных села Петровское было хоть и существенно меньше того максимума, который отметил Козлов, по овцам и свиньям, однако они имели такое количество лошадей,

Поголовье скота на душу в селе Петровское

	Лошадей			Коров			Овец	Свиней	Ульев
	Рабочих	Жеребят	Всего	Взрослых	Телят	Всего			
Май 1810	0,40	0,17	0,57	0,24	0,17	0,41	1,56	0,69	0,81
Октябрь 1813	—	—	0,43	0,24	—	—	1,80	0,55	0,33
Апрель—Май 1814	—	—	0,41	0,25	—	—	1,60	0,48	0,30
Январь 1818	0,37	0,17	0,54	—	—	0,40	1,89	0,65	0,23
Апрель 1821	0,40	0,19	0,59	0,23	0,21	0,44	1,55	0,38	0,40
Конец 1823	0,37	0,10	0,47	0,27	0,16	0,43	1,11	0,47	0,36
Май 1824	0,38	0,09	0,47	0,27	0,14	0,41	1,17	0,47	0,38
Май 1826	0,35	0,13	0,48	0,26	0,16	0,42	1,32	0,52	0,45
Май 1827	0,35	0,14	0,49	0,26	0,16	0,42	1,32	0,52	0,43
Февраль 1834	0,33	0,16	0,49	0,19	0,10	0,29	1,06	0,28	0,29
Ноябрь 1856	0,38	0,12	0,50	0,18	0,11	0,29	1,36	0,43	0,12

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 256, 1495; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41, 59, 121, 186, 249, 344, 357, 515; ч. 2, ед.хр. 822.

которое можно характеризовать как средний уровень, а также были хорошо обеспечены поголовьем коров. Аналогично, топографическое описание Тамбовской губернии, изданное Генеральным штабом армии в 1851 г., отмечало, что чуть ли не каждый крестьянский двор держал от двух до семи лошадей, от одной до пяти коров, от пяти до десяти овец, а кроме того — неопределенно большое количество свиней и домашней птицы⁶¹. В деревне Федора Непряхина, этого «типичного» крепостного Тамбовского уезда, самый богатый двор имел шесть лошадей и пятьдесят овец на работника мужского пола, а самый бедный — лишь две лошади и пять овец из того же расчета. Сам Непряхин охарактеризован как «ни богатый, ни бедный», имеющий в своем дворе, насчитывающем 16 человек, а из работников — двух мужчин и трех женщин, — 9 рабочих лошадей, пять жеребцов, две молочные коровы, одну телку, сорок овец, девятнадцать свиней, сорок кур, десять гусей, три индюшки и двадцать пять ульев⁶². Несомненно, его семья жила много лучше, чем большинство семей в селе Петровское. Наконец, тягло в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии, состоящее приблизительно из пяти человек обоего пола, как правило, могло содержать трех лошадей, одного жеребенка, одну корову, двух телок, семь овец и четырех свиней⁶³. Эти цифры немного выше аналогичных показателей по Петровскому.

Многочисленность поголовья скота в Петровском и постоянно низкие цены местных рынков на мясо, птицу и яйца в течение всей первой половины XIX в.⁶⁴ делали маловероятной саму возможность хронического белкового дефицита у крепостных, особенно — нехватки лизина. И хотя нет данных о количестве мяса, ежегодно съедавшегося крепостными крестьянами-землепашцами из Петровского, у которых на душу приходилось по две курицы, почти полторы овцы и полсвиньи, ясно, что в каком-то виде мясо все же было им доступно если и не каждый день, то наверняка каждую неделю. Тогдашние наблюдатели крестьянской жизни в южной, Тамбовской губернии и в близлежащих районах сходились во мнении, что мясо было на большинстве крестьянских столов по большим церковным праздникам, по дням, отмечавшимся в данном приходе, в дни свадеб и похорон, и только самые бедные не могли себе позволить мясо даже и по этим случаям. В Кирсановском уезде преуспевающие крестьяне ели мясо ежедневно, покупая как свежее, так и солонину осенью и зимой, забивая овец летом, и никогда не оставались без яиц и масла, как сливочного, так и растительного⁶⁵. Семья Непряхина каждое воскресенье клала в щи курицу, а за год съедала 263 кг солонины, 12 ягнят, 18 гусей, сало от трех свиней и 20 поросят — что составляло свыше 45 кг мяса на душу в год⁶⁶.

Фрукты, овощи и растительные масла, другие существенные компоненты сбалансированного рациона поставлял огород, половину которого занимала конопля — источник масла и корм для скота.

К сожалению, приходно-расходные книги по Петровскому имению не содержат данных относительно структуры крестьянских *усадеб*, например количества земли, отводившейся под жилище, надворные постройки, стойла для скота, молотильный ток и огород. Однако ясно, что крестьянские усадьбы даже в одном и том же селе — в Петровском — не были одинаковы по размеру, впрочем, усадьбы в более старых поселениях, как правило, были больше⁶⁷. В 1848 г. 522 крестьянские усадьбы Петровского имения занимали в общей сложности 298 хозяйственных десятин, при этом средний размер участка, приходившегося на двор, составлял 0,8 га или, если взять только Петровское, то — 1,0 га⁶⁸. Аналогично в 1862 г. в результате освобождения крепостных крестьянам в Петровском выделили на приусадебные участки в среднем 1,0 га⁶⁹. Таким образом, земельная реформа избежала громадных трудностей перераспределения приусадебных участков, прежде никогда не включавшихся в периодические переделы земли⁷⁰.

Кишкин сообщает, что в Кирсановском уезде приусадебный участок в 600 кв. саженей (0,3 га), ровно разделенный между строениями, током для обмолота и садом-огородом, считался достаточным. Но количество земли, дававшееся крепостным для усадьбы, было далеко не равным по всему уезду. Нередко встречались участки в 1200 кв. саженей (0,6 га), вся же дополнительная площадь использовалась на расширение огорода. С маленького огорода в 200 кв. саженей (0,1 га) крестьянский двор мог получить 200 кочанов капусты, 12,3 кг конопляного масла, семена конопли на сев будущего года и некоторое количество других овощей⁷¹. Капуста и огурцы были основой овощного рациона, их дополняли небольшие количества помидоров, свеклы, репы, моркови, редиса, картофеля, а также яблоки и крыжовник⁷². Сколько всего этого добра приходилось на душу населения, определить представляется невозможным.

Подытоживая материалы по продовольственному рациону крестьян села Петровское, можно сказать, что ежедневно на каждого дворового крепостного приходилось ржи, гречихи и проса 860 граммов, и данные говорят о том, что потребление крепостных земледельцев было сопоставимым, если не сказать даже несколько чрезмерным. Потребление картофеля, в основном связанное в обыденном сознании с «определенным относительным обнищанием» в Западной Европе XVIII в., занимало незначительное место среди продуктов питания крепостных в селе Петровское⁷³. Возделывание картофеля ограничивалось приусадебным участком. Отсутствие же пшеницы в рационе крепостного не имело никакого значения в плане количества и качества питания. Самым важным является то, что мифическая семейная свинья на дворе французского крестьянина и «та самая курица», которую «ощипывали в течение двух последних веков» Старого Режима, в Петровском 1810—1856 гг. были реальностью⁷⁴. А с одной молочной коровы,

даже если предположить, что в год она давала всего 500 литров, молока, масла и других молочных продуктов всегда должно было хватать на 4—5 человек.

За исключением отдельных лет сельскохозяйственных кризисов, крестьяне села Петровское в итоге питались лучше, чем их французские или бельгийские собратья на рубеже XVIII и XIX вв., и, разумеется, лучше, чем большинство населения сегодняшних развивающихся стран⁷⁵. Постоянно уменьшающееся потребление мяса, что было характерно для большинства европейских стран после XVI в., в Петровском гораздо меньше ощущалось. И хотя вряд ли крепостной в Петровском ел столько же мяса, сколько его ели в средневековой Европе, то есть 100 кг в год, но наверняка не лишено основания предположение, что употреблял он мяса в три раза больше, чем его современник на Западе. Ясно, что крепостные села Петровское меньше страдали от несбалансированности протеинов, особенно животного происхождения, и углеводов, чем многие французские, бельгийские или немецкие крестьяне, у которых потребление мяса ограничивалось специальными праздниками и сводилось к нескольким килограммам на человека в год. А более сбалансированный рацион неизбежно должен был выразиться в повышении биологической сопротивляемости и понижении подверженности эпидемическим заболеваниям⁷⁶. Короче, крепостные были здоровее. Тем не менее это более благоприятное продовольственное положение относительно, и его не следует идеализировать. В соответствии с современными методами анализа режим продовольственного потребления среди крестьян села Петровское можно оценить в целом как базирующийся на зерне, примерно половину протеинов которого (42—66%) составляют протеины зернового происхождения, что было характерно практически для всех западноевропейских стран со Средних веков до XIX в., а во многих странах — и позже⁷⁷. Но даже при той же самой структуре питания крепостные села Петровское питались обильнее.

Однако в неурожайные годы существование этих крестьян становилось безотрадным и жалким. В Петровском за весь рассматриваемый период продовольственные кризисы и эпидемии обычно принимали катастрофические масштабы. Возрастное распределение для села Петровское за 1850 г. демонстрирует, насколько опустошительными оказались голод и холера 1848—1849 гг. для самого молодого поколения. Согласно составленной тогда же подворной описи лишь 20,1% жителей села находилось в возрасте 0—9 лет, в то время как в 1813—1827 гг. данная возрастная категория составляла в среднем 29%. В результате приблизительно треть этой возрастной группы была потеряна для деревни из-за кризиса 1848—1849 гг. и сопровождавших его повышенной младенческой и детской смертности, отложенных браков и, по всей вероятности, более позднего — из-за голода — полового созрева-

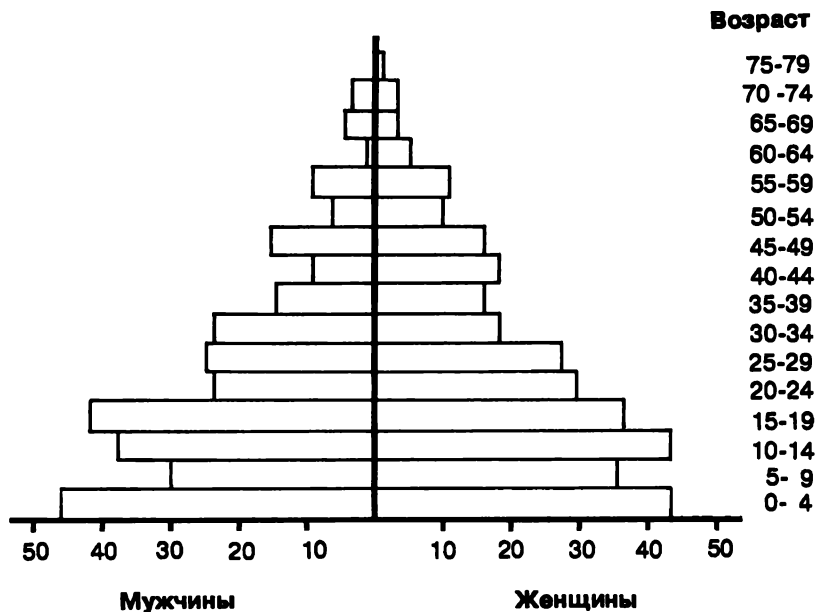

Рис. 1: Возрастная пирамида, село Петровское, 1827 г.

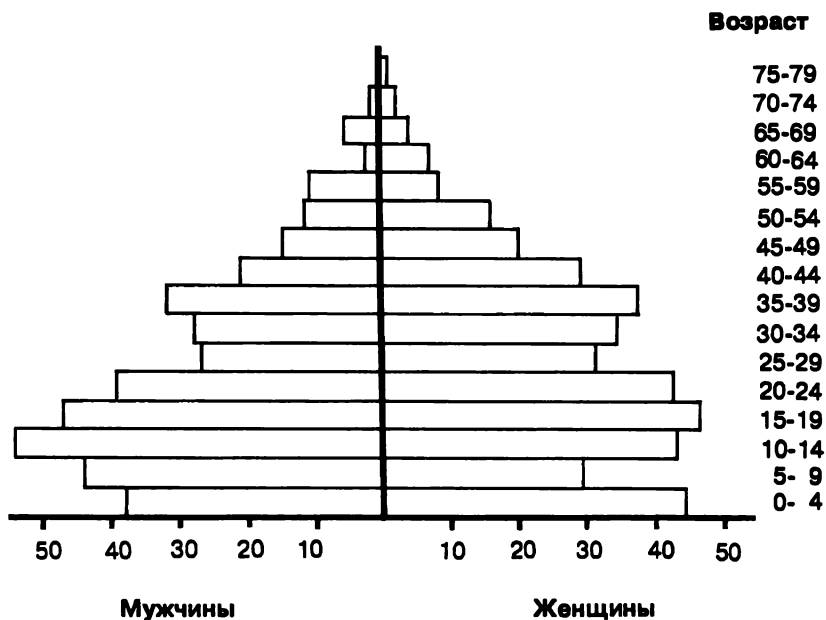

Рис. 2: Возрастная пирамида, село Петровское, 1850 г.

ния. Аналогичные, хоть и не столь жестокие последствия для структуры населения имел неурожай 1821 г. Возрастная группа 5—9 лет в 1827 г., членам которой зимой 1822 г., когда ощущалась нехватка продовольствия, было 0—4 лет, представляла только 10,7% всего народонаселения, тогда как в 1813—1824 гг. в эту группу входило 14,6% народонаселения (см. рис. 1 и 2).

После неурожая в конце лета 1833 г. еженедельные отчеты приказчика содержали подробные описания лишений, постигших народ. В середине сентября приказчик запретил крепостным продавать их собственное зерно и приказал бурмистру объехать окрестные базары, дабы убедиться, что его запрет не нарушается⁷⁸. В середине октября приказчик писал своему начальству в Москве: «Крестьяне день ото дня приходят более в правление с требованиями на пищу себе хлеба — от коих правление кое как в выдачи уклоняется, а производится само-необходимым и беднейшим, проса с частию ржи»⁷⁹.

Начиная с ноября, месячный рацион ржи на дворовых крепостных был сокращен на 25% — с 23,0 до 17,3 кг на душу⁸⁰. В середине декабря зерновые запасы в имении были открыты для наиболее нуждающихся, а с 28 декабря каждый крепостной в Петровском стал получать месячный рацион. Процитируем вновь еженедельный отчет приказчика: «В разсуждение производства крестьянам наеденье хлеба, от вотчиннаго правления избраны первостатейные старики и приведены в Церкви божей к присяге, ибо прикащику и бурмистру за всем тем неусмотреть. Производство же им положено от старого и до 2 лет в месяц по 1 четверик [ржи] на душу»⁸¹.

Один четверик ржи равен 17,3—18,1 кг зерна, а это позволяло довести ежедневный рацион до уровня чуть больше 0,5 кг на душу, что составляло лишь 63% обычного дневного рациона дворовых. Однако имевшиеся в поместье запасы были не единственным источником зерна в это время, ведь и крепостные еще не успели израсходовать свои запасы.

И все же в новом году положение сильно ухудшилось. В январе приходский священник хоронил и тех крепостных, кого он смог соборовать перед смертью, столь многим были необходимы его услуги. Это говорит о возросшей смертности⁸². Восьмого февраля приказчик писал в своем отчете: «Крестьяне кормом для своего скота крайне нуждаются, раскрывают даже кровли, покупкою же отыскать нигде не могут»⁸³. С тем чтобы постоянно держать московскую контору в курсе дела относительно развития кризиса, приказчик в конце февраля производит ревизию запасов крестьянского зерна и поголовья скота. В селе Петровское 2/3 дворов оказались вовсе без зерна, свыше 3/4 не имели ржи. Опись выявила лишь 243 четверти молотого и немолотого зерна и не более 358 центнеров различных зерновых. Более чем наполовину это был овес, и все это составляло лишь 1/3 от необходимого для по-

сева весной количества. Запасы гречки и проса были начисто подобраны, так что даже ничего не осталось на майский сев. Поголовье овец, свиней и молочных коров в расчете на душу находилось тогда на самом низком из когда-либо наблюдавшихся здесь уровне, а вот поголовье лошадей сохранялось на довольно высоком уровне (см. табл. 10)⁸⁴. Разумеется, хорошие ресурсы поголовья домашнего скота смягчали последствия кризиса, обеспечивая богатую белками пищу. Проедая свои запасы, потребляя больше мяса и птицы, крепостные подрывали тем самым качество своего рациона будущих лет, однако альтернативы у них не было. В конце марта истощение зерновых запасов в имении привело к очередному сокращению продовольственной помощи со стороны помещика крепостным, и впервые отсутствие кормов затронуло и тягловую скотину. 22 марта приказчик писал:

«Касательном на продовольствии крестьян каждое семейство лично- стию обзрели и многия из них найдены в самом горестном положении неимея возможности пропитать себя, суток по четверо и более находились без пищи. Каковое сострадание и вопль детей обратило принять все возможные меры клонящиеся к пользе Его Сиятельства... по обходности на первом случаи сделан месячное положение на каждую душу по 30 *фут*, малолетних по 10 *фут*, а притом приказано сделать для совершенного дознания подворную опись, ибо у многих найдено что неимеют лошадей»⁸⁵.

К сожалению, в архивах имения не удалось обнаружить экземпляра описи, впрочем, в свете вышесказанного сама необходимость писать второй отчет в течение одного месяца говорит о происшедшем с февраля ухудшении положения и о существенном понижении уровня жизни крестьян. Месячный рацион взрослых тогда составлял 12,3 кг зерновых на душу. Лишь очень немногие дворы были в состоянии дополнить этот рацион из собственных запасов, для большинства же крестьян ежедневное потребление зерна свелось к 0,3 кг, что составляло всего лишь 37% от обычного ежедневного рациона дворовых. Это меньше 800 ккал в день, то есть значительно ниже любого прожиточного минимума, и мало вероятно, что повышенное потребление мяса и птицы могло восполнить существенную нехватку калорий, получаемых с пищей. Остававшийся скот был, по-видимому, ослаблен и истощен, а кризис все более и более отрицательно сказывался на его состоянии до тех пор, пока весной его не выгоняли на пастбища. К тому же и забой, и истощение рабочих лошадей в имении лишили многие дворы возможности обработать свои поля.

Недостаток калорий уже в апреле подрывал способность крепостных работать. Недосадание в течение шести месяцев препятствовало подготовке ярового поля. В том же апреле приказчик отмечал: «Многие [крепостные] немало беспокоятся о предбудущем». Ему представлялось, что крестьяне безответственны и «нерадивы», особенно «земли свои отдают засеивать в посторонние руки»⁸⁶. Беспокойство приказчика было вызвано безразличием крепостных

к их собственному благополучию. Управляющий имением замечал, что крестьяне «более приучены брать нежели платить долги, будучи уверены, что Господин их кормит, колыми паче нерадивые»⁸⁷. Однако столь вялое и безразличное поведение, наблюдавшееся весной 1834 г., следует рассматривать как следствие продолжительного недосадания, от которого крепостные, несомненно, страдали.

Неспособность российского общества исключить «великие кризисы» 1821—1822, 1833—1834, и 1848—1849 гг., как об этом свидетельствуют события в Петровском, — одна из основных характерных черт, отличавших в XIX в. Восточную Европу от Европы Западной. Действительно, более, чем что-либо, в основу демографической революции XVIII в. и начала XIX в. легло «понижение пиков, а не плато смертности». «Иначе говоря, это было не столько сокращение смертности в «обычные» годы, которое дало бы соответствующее извечной тенденции понижение уровня смертности, сколько явное смягчение «великих кризисов». Прежде всего — исчезновение чумы, но, видимо, также и очень ошущаемое ослабление продовольственных кризисов стали главными факторами увеличения продолжительности жизни»⁸⁸.

В Петровском же имении сохранился старый демографический мир. Продовольственные кризисы продолжались, а в XIX в. они сопровождались новой инфекцией — холерой. Поэтому относительный успех крепостных села Петровское, так использовавших свои сельскохозяйственные ресурсы, что они получали больше продовольствия и больше высококачественных белков, чем крестьяне Запада, тем не менее оказался недостаточно внушительным, чтобы разорвать порочный круг неурожаев и голода, хотя в общем более высокий уровень благосостояния смягчал подобные кризисные явления.

В то время как неожиданные неурожаи и эпидемии, полностью разрушавшие привычный образ жизни крепостных, обрушивались на Петровское лишь спорадически, жилищная, бытовая неустроенность и антисанитария были постоянными, привычными чертами жизни в имении. Они оказывали значительное влияние на жизнь крепостных, так как межличностные отношения членов одного двора в большой степени определялись ограниченным жизненным пространством.

Главная же причина плохих жилищных условий заключалась в нехватке лесных массивов, из которых можно было бы получать дешевый и требовавшийся в большом количестве строительный материал, ведь Борисоглебский уезд находился на границе со степью. Большинство здешних лесных угодий было плохого качества, имелось больше кустарников, чем деревьев, а вырубасмый лес не восстанавливался⁸⁹. В 1848 г. средняя цена десятины пахотной земли, лугов, степной целины, просяного поля, залежи или участка под застройку в Петровском имении колебалась в преде-

лах 60—70 рублей серебром. Участок же под строевым лесом ценился втрое дороже⁹⁰.

Имение Петровское было уникальным в том отношении, что оно владело 1200 хозяйственными десятинами (1749 га) под строевым лесом, почти на 2/3 состоявшим из ольхи, а остальное — дуб и осина. К тому же имелось еще 500 десятин (729 га) под лесом, годившимся на дрова, и более 270 десятин кустарников. Из этих запасов имения, оценивавшихся в 276 тыс. рублей, крепостные из Петровского обеспечивали себя по мере надобности бревнами, пиломатериалами, дровами и лучиной. В свою очередь те тягла, что пользовались лесом, работали в сенокос или в уборку урожая восемь дополнительных дней в году, или, как это обычно имело место, если половина тягла призывалась выполнять барщинную отработку — то 16 дней⁹¹.

Нет свидетельств, что это условие было выгодным петровским крепостным, поскольку близость леса, несомненно, делала гораздо более легкой его кражу. На растопку, для обогрева крестьянских изб, как правило, шла солома. Рубить лес на дрова разрешалось только в неурожайные годы. На лучину шла в основном береза и бесполезный кустарник. Во всяком случае, как дрова, так и лучину часто добывали воровством. А вот за строительный лес, который украсть было значительно сложнее, крестьянам приходилось расплачиваться дополнительной работой на барина. Размер крестьянских изб в Петровском не оставляет сомнений в том, что крепостные не очень много получали из господского леса.

Крестьянские избы обыкновенно ставились попарно — одна к другой с одной общей стеной или забором, что экономило древесины. Бревенчатые крестьянские избы располагаются при дороге, но войти в них можно лишь через сени — крытые постройки, пристроенные к каждой избе. Поэтому общая для двух усадеб стена идет перпендикулярно дороге и разделяет не только избы, но и сени. Чаще всего сени тянутся во всю избу; та сторона, что ближе к дороге, несколько короче — от 1,3 до 2,2 метра в длину⁹². В сенях устроены один-два чулана — большие перегороденные пространства, предназначенные для хранения продовольствия и одежды, а летом там можно было спать. Обычно одно или два украшенных наличниками окна были обращены на дорогу, и эта сторона избы называлась *лицо*.

Изба оставалась главным жизненным пространством семьи, особенно в зимнее время, поскольку это была единственная отапливаемая постройка. Однако крестьянам приходилось самое малое четыре месяца в году делить свою избу с домашней птицей и молодняком поголовья, чтобы защитить их от холода. А в очень сильные морозы в избу заводили также и взрослую скотину.

Архивы Петровского имения содержат мало информации о крестьянских избах. Предприятия в 1819 и в 1849 гг. описи собственности имения сообщают, что большинство из тех изб, в

которых проживали дворовые люди, имели от 19 до 57 кв. метров площади (см. табл. 11). Небольшое количество очень больших изб — площадью свыше 57 кв. метров — были у приказчика и у не состоявших в крепостной зависимости служащих, работавших в имении, или же в них устраивали спальные бараки для неженатых дворовых, привезенных в Петровское из других имений. Хотя таблица показывает, что средний размер крестьянской избы к 1849 г. уменьшился по сравнению с годом 1819-м, но это произошло из-за того, что к тому времени большие бараки были снесены. В основном в течение этих лет, по-видимому, мало что изменилось. Разумеется, избы крепостных крестьян-землепашцев были довольно похожи.

Таблица 11

Размер изб у дворовых людей в имении Петровское

площадь (кв. м)	1819	1849
< 19	0	2
19-27	1	4
28-37	5	8
38-46	8	19
47-56	5	4
57	9	2
Всего	28	39

Источники: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 150, л. 1-8 (1 сентября 1819 г.); оп. 1, ч. 1., ед.хр. 2833, л. 59-64 (29 января 1849 г.).

В имении Петровское большинство изб занимали менее 47 кв. метров площади, из которых 10—20% занимала печь, пространство имело большую ценность, мебели было мало, и никто не мог уединиться. Такие же условия жизни характерны для многих соседних деревень. В самом деле, один прогрессивный помещик подсчитал, что изба в 37,5 кв. аршин (38 кв. метров) была бы улучшением быта для двора из десяти человек, хоть это и давало менее 3,8 кв. метров на душу. В общем, по-видимому, большинство изб в данном регионе имели площадь в 18,5—41,6 кв. метров, что очень напоминает ситуацию в Петровском⁹³.

В 1813 г. из 64 дворов в селе Петровское 47 дворов (то есть 73% от общего их числа) имели лишь одну избу, впрочем, 6 дворов из этого числа имели еще и горницу — пристройку к избе без спальных полатей. Неясно, отапливались ли горницы и использовались ли для приготовления и приема еды. Четырнадцать дворов имели по две избы (22%), а по трем дворам информация отсутст-

вует⁹⁴. В 1856 г. положение оказалось, в сущности, тем же самым. Село теперь состояло из 126 дворов; в 94 из них (75%) было по одной избе, в 28 (22%) — по две, а в одном дворе — целых три. (Три случая остались несвязанными.)⁹⁵ Хозяйства с двумя избами имели сени, которые соединяли эти избы.

В самой избе, в правом углу стены против двери, располагалась печь. В имении работал кирпичный завод, и небольшая часть его продукции использовалась крестьянами, вот почему некоторые печи в крестьянских избах были сложены из кирпича и имели трубы, а не как это было истари заведено — из глины и без труб⁹⁶. Но большинство изб в данном районе труб не имели, то есть строились как *черные* или «*курные*» избы — всегда прокопченные дымом и покрытые сажей. В таких избах дым и копоть стелились по потолку и выходили наружу через отверстие в стене, покрывая чернотой внутреннюю часть избы, или выпускались из избы просто через открытую дверь. И Министерство государственных имуществ, и Лебедянское общество сельского хозяйства неоднократно обращали внимание помещиков на неудобство и опасность для здоровья постоянных дыма и копоти. Врачи утверждали, что в этом крылась основная причина слепоты. Возможно, что в результате именно этих предостережений к середине XIX в. распространенным явлением стали *белые избы* — чистые избы с кирпичной трубой⁹⁷.

Однако наличие трубы имело и некоторые недостатки. В трубу выходило много тепла, и поэтому на отопление белых изб шло больше топлива. В тех районах, где, как в Петровском, в качестве топлива использовалась солома, трубы значительно повышали вероятность пожара, поскольку горящая солома могла легко вылететь через трубу на соломенную крышу. Дополнительный расход кирпича на трубу увеличивал издержки на строительство избы, кроме того, трубу надо было часто прочищать, а иногда и чинить. Короче говоря, труба требовала дополнительных хлопот⁹⁸.

В этих маленьких избах не было места для кроватей, поэтому крестьяне сооружали *полати* — высокие платформы над печью и вдоль стен. Каждый вечер их застилали свежей соломой, делая подобие матраца; на следующий день солому сжигали. Если не было соломы, то люди спали на собственной одежде. У изб совершенно отсутствовал фундамент, и полы почти всегда оставались земляными. Даже в северных частях России, где древесины было в изобилии, деревянные полы стелились только в богатых избах. Мебель состояла из стола и нескольких скамей, расположенных, как правило, вблизи стола или в дальнем левом углу, под иконой. Там также находились один или два шкафа для посуды.

Дворы с двумя или более избами обычно имели одну избу с трубой (печью), а вторую — без нее. Тем не менее зимой все домочадцы собирались в *черной избе*, то есть той, которую было легче топить. Чистой избой — где было приятнее готовить обед и

спать — пользовались лишь в теплое время года. При средней величине крестьянского двора в Петровском за период между 1782—1856 гг. (полученной на основе данных за двенадцать лет наблюдений) в 7,9 человека (см. табл. 12) крестьянская изба имела площадь 47 кв. метров; за вычетом по крайней мере 10% на печь, на человека оставалось 5,4 кв. метра. Большинство крестьян жили в более стесненных условиях.

Таблица 12

Средняя численность крестьянского двора в селе Петровское

Год	Число дворов	Мужчин	Женщин	Всего	Средняя численность
1782	72	304	304	608	8,4
1810	92	358	355	713	7,7
1813	64	257	266	523	8,2
1814	65	260	273	533	8,2
1818	64	273	300	573	9,0
1821	69	258	293	551	8,0
1824	74	267	306	573	7,7
1826	75	277	320	597	8,0
1827	76	283	315	598	7,9
1834	78	—	—	638	8,2
1850	104	365	397	762	7,3
1856	126	351	364	715	5,7

Источники: Помимо девяти списков дворов, ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, ед.хр. 1575 (1782?), л. 6; ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 256 (1 мая 1810 г.); оп. 4, ч. 1, ед.хр. 515 (февраль 1834 г.).

Итак, теперь мы можем ясно понять, в каких жалких хибарках они жили. Внутри воздух был спертый от помета животных и птиц. Стены и потолок покрывал толстый слой сажи и копоти. Дым — особенно по утрам, когда разжигали печь, — заполнял верхнюю часть избы. По вечерам копоть от лучины выедала глаза. Земляной пол всегда был сырой, а весной и осенью — представлял из себя грязь. От лезших в еду тараканов невозможно было избавиться, и, более того, они даже стали своеобразным символом изобилия, материального достатка и счастливой приметой. Действительно, при переезде в новый дом глава семьи брал несколько тараканов и выпускал на волю. В таких условиях жили крепостные по крайней мере треть года⁹⁹.

Напротив, теплое время года в большой мере снимало бремя убожества жизни в избе, и психологический эффект этого, по всей вероятности, был велик. Скотину, конечно, выводили из избы, печь топили реже — летом ею пользовались только для готовки. Более продолжительный световой день делал лучину (для освещения. — *Рег.*) не столь необходимой. Испражнения животных всегда сразу выносили из избы и складывали во дворе, но с приходом тепла все это разлагалось и источало нестерпимый запах. Крепостные теперь не были привязаны к избе в течение всего дня, где им часто нечего было делать. Жизнь практически шла вне стен зимнего дома, она переходила в белые избы у тех, кто ими располагал, а для большинства крестьян — в многочисленные неотапливаемые части избы. По крайней мере треть хозяйств в селе Петровское имели *клету* — сараи за избой для складирования праздничной одежды и других предметов личного обихода. Летом одна женатая пара спала здесь, а в некоторых дворах клету делали для каждой супружеской пары. В целом 33 хозяйства в Петровском — а это 61% проживавших на селе — имели самое малое по две избы или избу с горницей или клетью. Практически все дворы имели сени. Тем не менее избы, сени, клету и горницы не следует воспринимать как отдельные жилые помещения. Все они пристраивались одно к другому, правда, не всегда соединялись дверью, а этнографы считают эти пристройки частями крестьянского дома. Эти постройки перекрывались одной соломенной крышей, под которой крестьянская семья ела из одного горшка¹⁰⁰.

Большинство надворных построек строились в непосредственной близости с избой и с летними спальными помещениями, впрочем, в XIX в. их все чаще и чаще возводили поодаль, в целях противопожарной безопасности. В 1813 г. 57 дворов Петровского (90%) имели зерновые амбары. Эти небольшие хранилища сооружались из бревен, по большей части похожих на те, из которых складывали избы, а снаружи их часто причудливо украшали резьбой по дереву. Крестьяне уделяли много времени амбару — важному элементу в системе выживания, а выживет ли крестьянин, во многом зависело от того, сухо ли зерно и как хорошо оно защищено от грызунов и других мелких животных. А вот сараи — эти хранилища сельскохозяйственных орудий, телег и соломы — выглядели более грубыми. Собственно говоря, *сарай* — это крытый молотильный ток, часто огороженный лишь плетнем. Свыше 60 дворов имели по крайней мере один сарай.

70% дворов в Петровском строились совершенно закрытыми: то есть все строения так соединялись друг с другом, что был виден лишь фасад из бревен и досок. Этим обеспечивалась довольно большая степень уединенности жизни двора и большая защищенность от краж соседями. Сам план расположения надворных построек не поощрял к активному общению даже тогда, когда люди

не были привязаны, как зимой, к избе. Таким образом, крестьянский двор оставался миром, отделенным от деревни, от общины целиком, пребывающим в условиях минимального вмешательства или контроля за делами двора со стороны общины.

На самом конце приусадебного участка на некотором удалении от избы и других строений, и часто даже за огородом, крестьяне возводили *овины* и *бани*. Связанные в снопы рожь, просо и гречиха просушивались в овинах, другие культуры провисивались на ветру. Овины представляли значительную опасность и часто ассоциировались с деревенскими пожарами и неожиданными смертями, и это все несмотря на их отдаленное расположение от изб. Тем не менее, больше половины дворов в Петровском имели овины, предположительно те дворы, у которых не было овина, арендовали его у соседей. Наконец, Петровское расположено было на берегу реки, из которой крестьяне брали воду, 16 хозяйств (1/4 всех дворов) имели бани, где они мылись и парились. Те, у кого бани отсутствовали, на время превращали в бани свои избы — единственная доступная в этом убожестве роскошь¹⁰¹.

Довольно трудно дать всеобъемлющую оценку материальной базы жизни в Петровском. Хотя количественные измерения полезны в оценке соответствия рациона питания физиологическим требованиям, но что касается удовольствия от разнообразия питания или тех психологических благ, которые давали дополнительные квадратные метры жилой площади — хотя они и являются реальными благами, — то их не так-то легко подсчитать. Тем не менее стоит отметить ряд моментов.

Как мы увидели, крепостные села Петровское не находились в каком-то особом положении в том, что касалось размера земельного надела, урожайности зерновых, поголовья скота или жилищных условий. Общий уровень благосостояния, даже если он и удивляет, не уникален для данного имения, он был характерен для всей округи. Крепостным гарантировалась патерналистическая, хоть и ограниченная, система социального обеспечения. Впрочем, это было хрупкое и тощее благополучие, которое очень быстро исчезало во время кризиса и медленно восстанавливалось потом.

Крестьянский двор, физически отрезанный от общины, оставался эмоциональным центром большей части жизни крестьянина. Подавляющее большинство дворов сами обеспечивали себя продовольствием, но все крепостные жили в жалких бытовых условиях. Однако крепостные села Петровское были земледельцами с большим по европейским меркам количеством земли, даже для имевшего места экстенсивного земледелия, и с большим поголовьем скота. Таковой являлась база пусть слабого, но хоть какого-то процветания, на которой существовала система крепостного права, сводившая человека до положения вещи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Bloch Marc. Feudal Society. Chicago, 1961, p. 72.
- 2 Wrigley E.A. Population and History. N.Y., 1969, p. 164-180.
- 3 Цит. по: Clark C. and Haswell M. The Economics of Subsistence Agriculture. N.Y., 1967, p. 19.
- 4 Blum Lord and Peasant, p. 7. Во многих местах барщина заменялась оброком, однако такого не было ни в Петровском, ни в округе.
- 5 Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр, 1861-1898 гг. М., 1972, с. 46-50.
- 6 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 20, 1811-1812; ед.хр. 29, 1812-1813; ед.хр. 44, 1813-1814; ед.хр. 58, 1814; ед.хр. 61, 1814-1815; ед.хр. 74, 1815-1816; ед.хр. 137, 1819-1820; ед.хр. 210, 1822-1823; ед.хр. 233, 1823-1824; ед.хр. 377, 1827; ед.хр. 415, 1828-1829; ч. 2, ед.хр. 649, л. 46-47, 1855; ед.хр. 866, л. 62-65, 1859.
- 7 Clark and Haswell. The Economics, p. 53-54. См. также: Albritton E.C. (ed.). Standard Values in Nutrition and Metabolism. Wash., D.C., 1954, tables 27-32, 68, 72, 80.
- 8 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 377, 1827; ед.хр. 649, 1854-1855.
- 9 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 862, 1856, л. 6.
- 10 Teutberg H.J. The General Relationship between Diet and Industrialization. — In: European Diet from Pre-Industrial to Modern Times (ed. E.Forster and R.Forster). N.Y., 1975, p. 77.
- 11 Журавский Д.П. Об источниках и употреблении сведений. Киев, 1846, с. 115.
- 12 Бабарыкин В. Сельцо Васильевское Нижегородской губернии Нижегородского уезда. — ЭС, 1, 1853, с. 12-13.
- 13 Козлов Х. Хозяйственные вопросы. — ЗЛОСХ за 1848 г. (1849), с. 89.
- 14 ЗЛОСХ за 1850 г. (1851), с. 90-91.
- 15 ЗЛОСХ за 1857 г. (1858), с. 247-248. См. также: Обзорение действий Лебединского общества сельского хозяйства за первое десятилетие с 1847 по 1857 год. М., 1858, с. 21.
- 16 Грузинов И. Р. Быт крестьянина Тамбовской губернии. — Журнал землевладельцев, 2., №5, ч. 6, 1858, с. 7. См. также: Возможность улучшения быта помещичьих крестьян (Тамбовской губернии). — Журнал землевладельцев, 4, №13, ч. 4, 1858, с. 20-21.
- 17 Кишкин М.Н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. — Сельское благоустройство, №1, 1859, с. 234-235.
- 18 ЗЛОСХ за 1851 г. (1852), с. 390-392; Руднев А. Село Голунь и Новомихайловское Тульской губернии Новосильского уезда. — ЭС, 2, 1854, с. 106.
- 19 Греков Б.Д. Тамбовское имение М.С.Лунина в первой четверти XIX века (материал к вопросу о разложении крепостной системы хозяйства). — Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук, сер. 7, №6, 1933, с. 489-490.
- 20 Насонов А.Н. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России. — Известия Академии наук СССР, Отделение гуманитарных наук, сер. 7, №4-7, 1928, с. 346-347. См. также: Насонов А.Н. Из истории крепостной вотчины XIX века в России. — Известия Академии наук СССР, сер. 7, №7-8, 1926, с. 505-506.

- 21 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 558, 14 июня 1837 г.
- 22 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 846, 15 октября 1857 г. и 20 мая 1858 г.
- 23 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 121, 1 января 1818 г., л. 60-61; ед.хр. 161, 19 июля 1820 г., л. 1-2; ч. 2, ед.хр. 906, 1848 г., л. 44-48; ед.хр. 866, 22 мая 1859 г. Документы по с. Петровскому ясно показывают, что в качестве меры использовалась хозяйственная десятина. Но если бы даже и не было таких сведений, то это стало бы очевидно из источников, поскольку части казенной десятины не могут превышать 2400 кв. саженей, в то время как в хозяйственной десятине 3200 кв. саженей.
- 24 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 256, 1 мая 1810 г.; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 369, 1827-1828; ед.хр. 615, декабрь 1843 — апрель 1844 г., л. 5-11; оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2830а, 1849, л. 2-3; оп. 4, ч. 2, ед.хр. 866, 22 мая 1859 г. Источники, из которых взяты цифры, — это земельные кадастры имения и подробные описи, сделанные как в связи с переходом имения по наследству, так и по достижении владельцем совершеннолетия.
- 25 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 846, 22 мая 1858 г.
- 26 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 866, 22 мая 1859 г.
- 27 В ходе дальнейшего сравнения данных, собранных правительством накануне освобождения крестьян по 29 барщинным поместьям Борисоглебского уезда с более чем сотней крепостных душ мужского пола, выявилось следующее: в 17 поместьях за крепостными было от 6,6 до 7,7 га пахотной земли на тягло (вместе с паровым клином), в пяти — от 7,7 до 8,7 га на тягло, а в семи — свыше 8,7 га на тягло. Однако те обстоятельства, при которых собирались данные, поощряли помещиков и управляющих занижать истинные цифры. Так, управляющие гагаринских имений смотрели на правительственные запросы о крестьянском землевладении с подозрением, ибо ошибочно полагали, что запросы эти каким-то образом связаны с ссудами под заклад поместья Петровское, а не с грядущим освобождением. Управляющий Петровского дезинформировал правительство, что крестьянские наделы пахотной земли составляли всего лишь 6,6 га на тягло по всем трем полям, а это приблизительно на треть меньше истинного количества находившейся в распоряжении крестьян земли. Видимо, все это можно сказать и в отношении тех официальных цифр, что должны были отражать верхние пределы крестьянского землевладения. — Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения по помещичьим имениям. СПб., 1860, т. 3. Тамбовская губерния, с. 12-17, а также ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 846, 1857 г., л. 4; ед.хр. 862, 1858 г., л. 3.
- 28 S l i c h e r v a n B a t h B. H. The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500-1800. L., 1863, p. 280-291, 331-333; B l u m J e r o m e. The End of the Old Order in Europe. Princeton, 1978, p. 144-145.
- 29 B l u m. Lord and Peasant, p. 330.
- 30 Н и ф о н т о в А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М., 1974, с. 61, 72-76, 121-123, 275. После детального изучения губернаторских докладов и данных Министерства внутренних дел и Министерства государственного имущества за 50-е гг. XIX в. Нифонтов определяет соотношение посеянного и собранного зерна в 1:3,5 для всей Европейской России. В период 1780-1796 гг. (за исключением 1781 и 1784 гг.) это соотношение в среднем составляло, по губернаторским докладам, 1:3,2. См.: Р у б и н ш т е й Н. А. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 355-356. О периоде начала XIX века см.: К о в а л ь ч е н к о. Русское крепостное хозяйство в первой по-

- ловине XIX века, где показано, в общем-то, постоянное соотношение 1:3,4 на протяжении полвека. Аналогичные результаты получены и использованным губернаторские доклады В.К.Яцунским (Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. — В: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961); Федоровым В.А. (Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974, с. 39); см. также: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М., 1958, т. 2, с. 350; Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1974, т. 1, с. 522; в них даны схожие оценки урожайности зерновых.
- 31 См.: Пифонтов. Зерновое производство, с. 16-34, где дан обзор имевших хождение в XIX в. мнений относительно достоверности правительственной сельскохозяйственной статистики.
- 32 Журавский. Об источниках и употреблении сведений. Киев, 1846; Рубинштейн. Сельское хозяйство, с. 358.
- 33 Голлицын Н. С. О мерах к устройству статистических источников и работ в России. — ЖМВД, №3, 1860, с. 9; Журавский. Об источниках и употреблении сведений, с. 157.
- 34 Кузьмин. Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 13, ч. 1, Тамбовская губерния. СПб., 1851, с. 63.
- 35 Рубинштейн. Сельское хозяйство, с. 355-356.
- 36 См.: Confino. Domaines et seigneurs, p. 124-125.
- 37 Рубинштейн. Сельское хозяйство, с. 355-356.
- 38 См.: Пифонтов. Зерновое производство, с. 17-21, 25-26.
- 39 Вильсон Н. И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869, с. 75-113.
- 40 Главный Генеральный штаб. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, в 25 томах. СПб., 1859-1869; Домонтович М. Черниговская губерния. 1865, с. 183; Защук А. Бессарабская область. 1862, с. 230, 233-234; Зеленский И. Минская губерния. 1864, ч. 2, с. 14; Коревое А. Виленская губерния. 1861, с. 443 и 451; Липинский А. Симбирская губерния. 1868, с. 336, 400; Михалевич В. Воронежская губерния. 1862, с. 77; Цибриков М. Смоленская губерния. 1862, с. 193.
- 41 Генгоборский Л. В. О производительных силах России. М., 1854, т. 1, с. 198-199. См. также: Веселовский К. С. Несколько данных для статистики урожаев и неурожаев в России. — ЖМГИ, №52, ч. 1, 1857, с. 26-27. Веселовский полагал, что долгосрочный анализ различных хозяйственных описей, проводившихся в поместьях, может дать более точное представление об урожайности зерновых, чем те сведения, которые содержатся в документах Министерства государственных имуществ.
- 42 Аналогично для расположенной на северо-запад от Тамбова Рязанской губернии губернаторские отчеты показывали среднее соотношение посеянного и собранного зерна в 1841—1859 гг. как 1:3,3. Однако живший в Раненбургском уезде, плодородном зернопроизводящем регионе, не располагавшем богатыми степями, помещик писал, что самое худшее соотношение посеянного к собранному было 1:3. Семенов М. Хозяйственные ошибки от неурожая. — Земледельческий журнал, №6, 1840, с. 448.

- 43 ЦГАДА, ф. 1357, оп. 4, ед.хр. 1/211, л. 3-4.
- 44 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41.
- 45 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 121.
- 46 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 515.
- 47 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 822.
- 48 Семенов. Хозяйственные ошибки от неурожая, с. 445-446; Кузьмин. Военно-статистическое обозрение Российской Империи, с. 61; Малыгин П. Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда. — ЭС, №1, 1853, с. 8; Кишкин. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 234-240; Греков. Тамбовское, имение М.С.Лунина в первой четверти XIX в., с. 491. Относительно Курской губернии см.: Малыгин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда. — ЭС, №5, 1862, с. 94.
- 49 Насонов. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России, с. 352-357; Абло в Д.И. Разсуждение Вице-Президента Общества Дмитрия Ивановича Абло в о стоимости озимаго хлеба. — ЗЛОСХ за 1847 г. (1848), с. 95-99; Козлов Х. Хозяйственные вопросы. — ЗЛОСХ за 1852 г. (1853), с. 141-142.
- 50 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 649, л. 93.
- 51 Барыкин. Сельцо Васильевское Нижегородской губернии Нижегородского уезда, с. 16-17; Аргангельский А. Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда. — ЭС, №2, 1854, с. 44; Преображенский А. Волость Покровско-Сицкая Ярославской губернии Моложского уезда. — ЭС, №1, 1853, с. 80-82.
- 52 Насонов. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России, с. 343.
- 53 Кишкин. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 234-238; Малыгин. Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда, с. 232-233.
- 54 Грузинов. Быт крестьян Тамбовской губернии, с. 7-8.
- 55 Из-за невозможности получить точные данные о количестве пахотной земли под гречихой и просом, для того, чтобы определить, сколько производило каждое тягло, я предположил, что выращивалась только гречиха. Этот злак имеет худшее, чем просо, соотношение засеянного к собранному, даже несмотря на то, что просо теряет почти 40% веса при сушке. См.: Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук, в 12 томах. СПб., 1900-1912, т. 3, с. 1035.
- 56 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 846, 15 октября 1857 г.
- 57 Там же, 20 мая 1858 г.
- 58 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 256, 2830а, 2833; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 589, 615.
- 59 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 615.
- 60 Козлов Х. Сельскохозяйственная статистика Борисоглебского уезда. — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, №29, 1890, с. 86-89.
- 61 Кузьмин. Военно-статистическое обозрение Российской Империи, с. 67-78.
- 62 Грузинов. Быт крестьян Тамбовской губернии, с. 6-8.
- 63 Малыгин. Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда, с. 232-233.

- 64 См. табл. 3, а также: К о з л о в. Сельскохозяйственная статистика Борисоглебского уезда, с. 87-89.
- 65 К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 231.
- 66 Г р у з и н о в. Быт крестьян Тамбовской губернии, с. 10-11.
- 67 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 846, л. 65.
- 68 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 902, л. 44-45.
- 69 Там же, л. 41.
- 70 В документах, подготовленных Редакционными комиссиями в 1858 г., где строились планы освобождения крепостных, отмечалось, что 630 дворов имения Петровское занимали 642 казенных десятины, или по 1,1 га на участок. — ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 862, л. 4, опубликовано в «Приложениях к трудам Редакционных комиссий», №3, с. 12-17. В трех остальных имениях Борисоглебского уезда, насчитывавших более сотни крепостных мужского пола и в отношении которых было ясно, что посевы конопли включались в общий подсчет участков, средний размер усадьбы составлял 1,5 га, в соответствии с документами Редакционных комиссий. Остальные 24 имения уезда с более чем сотней душ крепостных мужского пола в каждом, по которым нет данных относительно включения конопляных посевов в площадь усадьбы, показали средний размер участка в 0,9 га, медиана — 0,6 га. Как было отмечено выше, правдивость этих данных вызывала серьезные сомнения, а цифры, сообщенные приказчиком имения Петровское комиссиям, свидетельствуют о том, что он знал о неточности передаваемых им данных. См.: Л и т в а к. Русская деревня, с. 34-36.
- 71 К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 230, 235-236.
- 72 К у з ь м и н. Военно-статистическое обозрение Российской Империи, с. 65; К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 237; М а ш к и н. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда, с. 97; Т р о и ц к и й П. Село Липицы и его окрестности, Тульской губернии, Коширского уезда. — ЭС, №2, 1854, с. 84-85.
- 73 M o r i n e a u M. The Potato in the Eighteenth Century. — In: Food and Drink in History (ed. R.Forster and O.Ranum). Baltimore, 1979, p. 31-32. (Впервые опубликовано: *Annales*, E.S.C., №25, November-December 1970.)
- 74 H e m a r d i n q u e r J. The Family Pig of the Ancien Regime: Myth or Fact? — In: Food and Drink in History (ed. R.Forster and O.Ranum). Baltimore, 1979, p. 58-59, 66-72. (Впервые опубликовано: *Annales*, E.S.C., №25, November-December 1970.)
- 75 B u r k M. and E z e k i e l M. Food and Nutrition in Developing Economies. — In: Agricultural Development and Economic Growth (ed. H.M.Southworth and B.F.Johnston). Ithaca, N.Y., 1967, p. 334-337.
- 76 L e R o y L a d u r i e E. The Peasants of Languedoc. Urbana, Ill., Chicago, 1974, p. 103.
- 77 A y m a r d M. Toward the History of Nutrition: Some Methodological Remarks. — In: Food and Drink in History (ed. R.Forster and O.Ranum). Baltimore, 1979, p. 5. (Впервые опубликовано: *Annales*, E.S.C., №30, March-June 1975.)
- 78 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 496, 17 сентября 1833 г.
- 79 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 496, 17 октября 1833 г.
- 80 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 496, 14 октября и 2 ноября 1833 г.

- 81 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 496, 14 декабря и 28 декабря 1833 г.
- 82 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 507.
- 83 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 496, 8 февраля 1834 г.
- 84 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 515, февраль 1834 г.
- 85 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 496, 22 марта 1834 г.
- 86 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 496, 12 апреля 1834 г.
- 87 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 518, сентябрь 1834 г.
- 88 H e l l e i n e r K.F. The Vital Revolution Reconsidered. — In: Population in History (ed. D.V.Glass and D.E.C.Eversley). London and Chicago, 1965, p. 85; см. также: W r i g l e y. Population and History, p. 165; C h a m b e r s J.D.. Population, Economy and Society in Pre-industrial England. Oxford, 1972.
- 89 К о з л о в. Сельскохозяйственная статистика Борисоглебского уезда, с. 95; К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 229; Г р у з и н о в. Быт крестьян Тамбовской губернии, с. 3; ЗЛОСХ за 1855 г., ч. 1, с. 92-96; Обзорение действий, с. 53; К е л л е р Л. Р. Описание крестьянской избы с глиносоломёнными стенами и сводом. — ЖМГИ, 29, №4, ч. 3, 1848 г., с. 1-3.
- 90 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2833, л. 38-54.
- 91 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 862, л. 7.
- 92 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 150 (1 сентября 1819 г.), л. 8; оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2833 (29 января 1849 г.), л. 59-64.
- 93 Б а х т е я р о в Я. П. Двойные крестьянские избы с одною топкою. — ЗЛОСХ за 1857 г. (1858), с. 131; Г р у з и н о в. Быт крестьян Тамбовской губернии, с. 3; К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 230-231; С е м е н о в а—Т я н ш а н с к а я О. П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии, 39. СПб., 1914, с. 79-83.
- 94 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 41, октябрь 1813 г.
- 95 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 822, ноябрь 1856 г.
- 96 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 615 (апрель 1844 г.), л. 9; С е м е в с к и й В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в.; — Устои, №1, 1882, с. 112-113; Русские: историко-этнографический атлас в 2 томах (под ред. В.А.Александрова и др.). М., 1967-1971, карта 26.
- 97 Д м и т р ю к о в А. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии. — Московский телеграф, №10, 1831, с. 264; К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 229-230; М а л ы х и н. Быт крестьян Воронежской губернии, Нижнедевицкого уезда, с. 208-211; Б а х т е я р о в. Двойные крестьянские избы с одною топкою, с. 127-128; The Village of Viriatino (ed. P.I.Kushner). N.Y., 1970, p. 58-60; М а ш к и н. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда, с. 4-6; С е м е н о в а—Т я н ш а н с к а я. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний, с. 79-82.
- 98 Б а х т е я р о в. Двойные крестьянские избы с одною топкою, с. 127-128; С е м е в с к и й. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в., с. 112-113.

- ⁹⁹ Р у д н е в. Село Голунь и Новомихайловское, Тульской губернии, Новосильского уезда, с. 101; Б о н д а р е н к о В. Поверья крестьян Тамбовской губернии. — В: *Живая старина*, 1, ч. 2, №3, 1890, с. 118-119; ЗЛОСХ за 1855 г. (1856), ч. 1, с. 92-96; К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, с. 229-230; С е м е в с к и й. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в., с. 112; М а л ы х и п. Быт крестьян Воронежской губернии, Нижнедевицкого уезда, с. 208-209; Т р о и ц к и й. Село Липицы и его окрестности, Тульской губернии, Каширского уезда, с. 83-84; С е м е н о в а—Т я н ш а н с к а я. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний, с. 78-83.
- ¹⁰⁰ Б л о м к в и с т Е. Е. и Г а н ц к а я О. А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX — начала XX в. — В: *Русские: историко-этнографический атлас*. М., 1967, т. 1, с. 131-149.
- ¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РАМКИ

В производственной способности Петровского имения содержать большое количество детей нерабочих возрастов заключена одна из фундаментальных основ социального контроля — четко регулируемый большой патриархальный крестьянский двор. В сущности, материальная база и демографические рамки жизни в Петровском создавали основу всем аспектам жизни. Однако крестьянский двор был функцией комплекса демографических факторов, которые и следует рассмотреть в первую очередь.

Поскольку от приказчиков Петровского имения периодически требовали составлять *подворные описи*, то, имея последние, мы в состоянии изучить демографические характеристики населения, проживавшего на территории имения. В этих описях учитывались возраст, пол, семейное положение, трудовые повинности, если таковые были, каждого члена крестьянского двора. Вдобавок по каждому хозяйству велся учет поголовья скота, жилых и хозяйственных построек и запасов зерна. Таким образом, главная Московская контора габаритских имений легко могла оценить производственную мощь имения и составить представление об уровне благосостояния крепостных в рамках трудопотребительской единицы — крестьянского двора. Имея подворные описи, главные управляющие поместий могли контролировать приказчика в повседневной работе и проверить, не подорвет ли тот объем трудовой повинности, который он налагает на крепостного, способность крестьянина работать в долгосрочной перспективе.

Приказчики со своими помощниками и писарями при достаточном опыте в счетоводстве, несомненно, были в состоянии правильно фиксировать эту информацию. Внутренние демографические проверки данных свидетельствуют, что они были исключительно точны. Демографический анализ выявляет небольшое количество ошибок в отчетности по возрастам. Распределение по возрастам показывает незначительный недоучет или полное отсутствие недоучета младенцев и детей — эта проблема часто встает перед исторической демографией. Результаты подворных списков подчиняются биологическим детерминантам, воздействующим на народонаселение, и соответствуют тем демографическим параметрам, которые были характерны для крестьянского общества в предшествующий современности период. И еще одно замечание: несмотря на то что на протяжении многих лет записи велись разными приказчиками, в демографических данных нет несоответствий.

Единственный случай, когда демографические данные вызывали сомнение, касается равных соотношений полов, что было отмечено в 1782 г. и в 1810 г. (табл. 12). Эти цифры взяты не из подворных описей, а из итоговых данных, представленных приказчиком. Это неожиданное равновесие в соотношении полов, возможно, явилось следствием столь значительной иммиграции мужского населения в тот период, что она компенсировала его убытие по воинскому набору. Миграционные движения, как правило, были по преимуществу мужскими, и в первые годы габаринского владения крепостных переводили в Петровское из других фамильных имений. Разумеется, именно в мужчинах — писцах, плотниках, конюхах — была здесь основная нужда в те годы. Конец этой иммиграции, пришедшийся на начало XIX в., объясняет также и отмеченное ранее сокращение бараков с 1819 по 1848 гг.

Архивы Петровского имения содержат девять подворных описей, семь из которых составлены между 1813 и 1827 гг., остальные же две — в 1850 и в 1856 гг.¹ Если и имелись какие-либо другие описи, то они утеряны. Из-за ограничений в работе в советских архивах оказалось невозможным собрать демографические данные по всему имению. Поэтому в этой главе базой для анализа будет село Петровское — самое большое из восьми входивших в имение Петровское селений. В селе проживало от 523 до 762 крепостных, и этот случай подходит для демографического анализа, предпринимаемого в рамках данной работы.

Подворные описи включали не всех проживающих в поместье, а только крепостных, таким образом, в них не попадали приказчик, конюзаводчик и врач, а также солдаты, отбывшие воинскую повинность и вернувшиеся домой, все лица духовного звания и являвшиеся не крепостными семьи всех вышеупомянутых лиц. Единственным исключением были *солдатки* — жены тех крепостных, которых забрали в армию, — и их незаконнорожденные дети; будучи людьми свободными, они тем не менее включались в первые семь описей, если продолжали оставаться в имении при своих крепостных родственниках, как это обычно имело место. Лишь последние две описи давали возможность проследить судьбу каждого крепостного в период 1850—1856 гг., тогда как в более ранних описях очевидны случаи иммиграции, но невозможно провести различие между эмиграцией и смертью.

В архивах также находятся ежемесячные сводки о рождениях, смертях и миграциях в 1854—1858 гг.² Однако эти цифры нельзя проверить, и их приходится принимать на веру. Тем не менее и они представляют значительный интерес, поскольку дают независимое подтверждение описей, да и сами по себе они довольно интересны.

Благодаря тому, что в подворных описях, а для демографических целей — в именных списках от 1850 и 1856 гг. можно раз-

личить случаи миграций и смерти, появляется возможность подсчитать по полам уровни смертности в разных возрастных группах. В свою очередь эти уровни можно легко перевести в вероятности смерти, исходя из которых можно определить продолжительность жизни при рождении. Табл. 13 дает уровни смертности по разным возрастным группам, уровни вероятности смерти и оценки продолжительности жизни при рождении у жителей села Петровское. Из-за краткости периода наблюдения и немоногичности выборки использовался возрастной интервал в 10 лет. Сравнение наблюдавшихся уровней вероятности смерти с модельными таблицами смертности — в нашем случае с принстонскими «западными» таблицами — дает оценку продолжительности жизни³.

Таблица 13

Возрастные коэффициенты смертности, вероятность смерти и продолжительность жизни с момента рождения в селе Петровское в 1850—1856 гг.

Население				Всего смер- тей	Коэффи- циенты смерт- ности	Вероят- ность смерти (10 ⁴ X)	Продолжи- тельность жизни с мо- мента рожде- ния (e ⁰)
Возраст	1850	1856	Средн				
Женщины							
10-19	71	70	70,5	4	9,5	91,3	29,3
20-29	63	52	57,5	6	17,4	161,7	24,2
30-39	67	59	63,0	8	21,2	193,9	25,1
40-49	50	54	52,0	9	28,8	255,2	20,6
Мужчины							
10-19	83	78	80,5	4	8,3	80,1	27,2
20-29	56	69	62,5	3	8,0	77,4	(42,5) ^a
30-39	56	42	49,0	5	17,0	158,3	30,7
40-49	35	49	42,0	6	23,9	215,4	31,4

^a Из подсчета исключено; см. объяснение в тексте.

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 822.

Средняя цифра для оценки продолжительности жизни при рождении за рассматриваемый шестилетний период — 24,8 лет у женщин и 29,8 у мужчин, если не принимать в расчет у мужчин возрастную группу от 20 до 29 лет, ибо в противном случае это повысит оценку еще на 3,1 года. Эта группа была исключена, поскольку, по всей вероятности, данные для этой возрастной группы мужчин деформированы значительными рекрутскими наборами на

Крымскую войну. Между 1850 и 1856 гг. из села были взяты 22 крепостных, 18 из которых представляли как раз эту возрастную группу. Одно из возможных объяснений высокой оценки предстоящей продолжительности жизни для данной возрастной категории состоит в том, что приказчик и сельская община при выполнении рекрутской квоты поставили себе цель освободить имение от крепостных, слабых здоровьем и из бедных хозяйств, то есть тех, кто повысил бы уровень смертности, останься они в селе. Это была бы разумная политика. Действительно, причина большей продолжительности жизни у мужчин, чем у женщин, для всех возрастных групп, за исключением самой молодой, возможно, заключается в рекрутировании в солдаты, хотя более высокая женская смертность имеет причиной осложнения при родах — фактор, несомненно, более важный.

Несмотря на проблемы в исследовании, возникающие в связи с рекрутчиной, можно подсчитать продолжительность жизни при рождении в селе, исходя из данных по контингенту 10—49 лет (за исключением мужчин в возрасте 20—29 лет); она составит 27,3 года. Однако эту оценку не следует понимать в том смысле, что мало кто из крепостных переживал 30-летний рубеж. Продолжительность жизни подразумевает высокую младенческую и детскую смертность. Вероятно, из 1000 новорожденных до пятилетнего возраста не доживало 450. Для сравнения, те, кто прожили 5 лет, умирали в среднем в 40 лет. Соответственно, ожидалось, что двадцатилетние могли прожить в среднем еще 32 года.

То же самое имело место почти во всех странах доиндустриальной Европы, а сегодня такое положение можно наблюдать в развивающихся странах. И хотя в 1850 г. средняя продолжительность жизни европейцев и скандинавов составляла 41,6 лет, это было достижением недавнего прошлого⁴. В Англии и Уэльсе с 1781 по 1821 г. продолжительность жизни оставалась довольно стабильной — 31,5 лет⁵. Во Франции в конце XVIII в. она составляла 28,8 лет⁶. Однако в обоих случаях наблюдались существенные местные и региональные различия в величине данного показателя, и в приведенных цифрах объединены все социальные классы.

Продолжительность жизни при рождении — полезный инструмент измерения, ибо он учитывает все условия смертности, и хотя на смертность влияет комплекс факторов, важнейшие из них — питание, личная и общественная гигиена. О селе Петровское в данном случае можно сказать лишь то, что наблюдавшийся уровень вероятности смерти был не выше и не ниже европейских стандартов до 1800 г. Нет оснований полагать, что крепостной строй оказывал какое-то особое воздействие на смертность. В этом отношении демографические данные подтверждают полученные ранее выводы. По-видимому, положительное влияние

на здоровье чуть лучшего питания крепостных села Петровское сводилось на нет крайне плохими санитарными условиями, приводившими к такому же уровню смертности, какой наблюдался среди крестьян в Европе. Тем не менее, поскольку в данное время нет сопоставимых данных по другим имениям в России, вопрос об отношении крепостного строя к уровню смертности следует оставить открытым. Однако ясно, что те демографические изменения, которые имели место во многих местах Европы в течение первой половины XIX в., не распространились на Петровское к 1856 г.

Объединяя наблюдаемый уровень вероятности смерти с данными из именных списков, показывающих возрастную структуру населения, можно определить грубые коэффициенты рождаемости и смертности, хотя последний может быть дан лишь с большим допуском. Однако для оценки этих показателей необходимо применить теорию стабильной популяции, что рождает ряд проблем, поскольку темп прироста населения был непостоянным в селе Петровское, и возрастная структура населения в течение лет изменялась. В частности, неурожаи 1821 и 1848 гг. совпали со значительным ростом уровня смертности. Эти демографические кризисы явно дестабилизировали население Петровского, затрудняя применение устойчивых демографических моделей. Неожиданный скачок смертности снизит показатель уровня рождаемости для возрастных групп, на которые больше всего повлиял кризис. Но при более стабильных условиях возрастная структура будет формироваться в основном под воздействием плодovitости, в то время как смертность окажет на нее очень небольшое влияние. В данном случае вряд ли будет оказано какое-либо воздействие на оценки уровня рождаемости, даже если будут использованы только научные предположения об уровнях смертности⁷.

Для того чтобы оценить уровни рождаемости и плодovitости для села Петровское, мы должны допустить, что условия смертности там в период 1813—1827 гг. были приблизительно теми же, что и в 1850—1856 гг. Такое предположение необходимо, ибо более ранние списки — относящиеся ко времени до 1827 г., — не дают возможности подсчитать вероятность смерти, а возрастная структура населения в 1850 и в 1856 гг. также испытала на себе сильное воздействие кризиса 1848 г. Тем не менее это вполне резонное предположение. Представленные в предыдущей главе материалы показывают, что с 1813 по 1856 гг. в селе Петровское не произошло серьезных изменений в уровне жизни крепостных и, естественно, никаких изменений в размере их земельных наделов или количестве находящихся в их собственности лошадей. Если продолжительность жизни была бы ниже в начале века, то в результате мы получили бы заниженную оценку уровня рождаемости. Но, как будет показано, такая возможность маловероятна. В

любом случае при стабильной численности народонаселения различия в продолжительности жизни в 2,5 года изменяют оценку уровня рождаемости лишь на 2 промилле. Таким образом, несмотря на явные трудности, приложение уровней вероятности смерти 1850-х гг. для более раннего периода не даст существенного отклонения от истины.

Таблица 14

Оценки коэффициентов рождаемости на основе кумулятивного возрастного распределения, село Петровское

Возрастная группа	1813	1814	1818	1821	1824	1826	1827
0-4	54,2	55,7	53,1	(45,9)	(36,4)	(45,7)	(45,6)
5-9	54,6	55,1	57,3	53,6	(44,0)	(45,7)	(42,8)
10-14	54,0	53,7	55,7	58,0	51,5	51,0	(47,4)
15-19	54,0	54,5	53,4	55,8	55,1	54,3	51,8
20-24	56,5	52,1	54,1	56,2	54,7	52,7	51,0
25-29	52,5	52,6	50,3	54,1	53,4	54,1	52,1
30-34	52,7	52,3	52,0	53,9	53,1	52,6	52,4
35-39	52,8	53,3	53,2	51,6	52,4	52,5	50,9
40-44	55,7	56,4	51,3	53,7	52,4	50,4	49,6
45-49	51,2	54,1	55,6	51,7	52,4	52,5	53,0
50-54	52,4	51,7	51,3	58,4	55,7	50,7	50,9
55-59	60,1	59,4	49,3	49,2	52,1	59,4	56,6
Медиана	54,0	53,9	53,1	53,8	52,4	52,5	50,9
Среднее	54,2	54,2	53,1	53,5	51,1	51,8	50,3

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 1495; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41, 59, 121, 186, 344, 357; ч. 2, ед.хр. 822.

Примечание: У мужчин $e_0^0 = 29,8$; у женщин $e_0^0 = 24,8$. Оценки в скобках низкие; см. текст.

Табл. 14 показывает оценку уровней рождаемости для обоих полов вместе. Она сделана на основе возрастной структуры населения села Петровское в период 1813—1827 гг. Результаты по полу, представленные по годам, даны в табл. 15 и 16. Для женщин был использован 3-й уровень смертности из принстонской «западной» модели стабильной популяции. Для мужчин — 6-й уровень смертности⁸. Эти уровни приближают среднюю оценку к ранее установленной продолжительности жизни.

**Оценки коэффициентов рождаемости женщин на основе кумулятивного
возрастного распределения, село Петровское**

Годы	Оценка 1	Оценка 2	Годы	Оценка 1	Оценка 2
1754—1758	54,8	—	1790—1794	44,9	49,9
1755—1759	61,0	—	1792—1796	51,5	50,1
1759—1763	55,8	54,8	1793—1797	50,3	—
1760—1764	58,3	—	1794—1798	48,0	51,0
1762—1766	54,0	—	1795—1799	48,5	51,6
1764—1768	57,7	57,8	1797—1801	54,5	54,3
1765—1769	59,6	56,2	1798—1802	52,3	—
1767—1771	64,0	61,0	1799—1803	49,2	52,7
1768—1772	55,5	—	1800—1804	48,1	55,0
1769—1773	59,9	58,8	1802—1806	56,0	53,4
1770—1774	58,4	56,8	1803—1807	51,2	—
1772—1776	54,1	50,1	1804—1808	48,7	55,1
1773—1777	50,9	—	1805—1809	48,1	55,5
1774—1778	52,6	53,0	1807—1811	58,4	55,0
1775—1779	52,6	54,8	1808—1812	51,0	—
1777—1781	55,8	52,5	1809—1813	42,6	56,1
1778—1782	51,9	—	1810—1814	44,0	51,8
1779—1783	54,3	55,0	1812—1816	56,1	52,7
1780—1784	53,9	52,3	1813—1817	(48,8)	—
1782—1786	53,2	51,0	1814—1818	61,2	—
1783—1787	49,7	—	1815—1819	(50,3)	—
1784—1788	51,6	54,3	1817—1821	(51,4)	—
1785—1789	52,9	53,0	1818—1822	(43,2)	—
1787—1791	52,6	49,9	1820—1824	(35,4)	—
1788—1792	48,5	—	1822—1826	(45,7)	—
1789—1793	45,7	46,7	1823—1827	(43,3)	—

Источник: См. табл. 14.

Примечание: $e_0^0 = 24,8$. Оценки в скобках — низкие; см. текст.

Оценки коэффициентов рождаемости мужчин на основе кумулятивного возрастного распределения, село Петровское

Годы	Оценка 1	Оценка 2	Годы	Оценка 1	Оценка 2
1754—1758	65,4	—	1790—1794	59,4	56,4
1755—1759	57,8	—	1792—1796	56,7	55,1
1759—1763	49,1	43,9	1793—1797	54,5	—
1760—1764	45,2	—	1794—1798	60,0	57,3
1762—1766	44,4	—	1795—1799	60,6	55,2
1764—1768	44,8	44,9	1797—1801	58,0	53,9
1765—1769	48,7	48,1	1798—1802	51,9	—
1767—1771	52,8	57,8	1799—1803	58,8	54,1
1768—1772	57,8	—	1800—1804	59,4	54,4
1769—1773	51,5	52,5	1802—1806	55,6	52,0
1770—1774	54,5	54,7	1803—1807	50,9	—
1772—1776	49,4	52,3	1804—1808	60,6	56,3
1773—1777	50,9	—	1805—1809	62,2	54,8
1774—1778	53,0	49,6	1807—1811	57,6	53,7
1775—1779	54,1	50,1	1808—1812	52,7	—
1777—1781	51,7	52,5	1809—1813	65,8	58,6
1778—1782	54,2	—	1810—1814	67,5	51,3
1779—1783	51,2	51,5	1812—1816	51,2	49,4
1780—1784	50,7	52,6	1813—1817	(46,0)	—
1782—1786	50,1	49,8	1814—1818	45,0	—
1783—1787	49,6	—	1815—1919	(37,7)	—
1784—1788	52,9	49,7	1817—1821	(40,4)	—
1785—1789	52,4	51,9	1818—1822	(42,5)	—
1787—1791	55,3	55,1	1820—1824	(37,5)	—
1788—1792	53,3	—	1822—1826	(45,7)	—
1789—1793	58,4	53,9	1823—1827	(48,0)	—

Источник: См. табл. 14.

Примечание: $e_0^0 = 29,8$. Оценки в скобках — низкие; см. текст.

Ясно, что примененный метод имеет некоторую неопределенность. Расхождение между данными по полам иногда очень велико, впрочем, на деревенском уровне такое различие не редкость⁹. Те оценки уровня рождаемости, что основывались на данных по возрастным группам, в наибольшей степени затронутых кризисом 1821 года, неизбежно, низкие и поэтому помещены в скобки.

Семь именных списков, составленных в период 1813—1827 гг., показывают исключительно высокий и стабильный уровень рождаемости. Медиана всех 84 оценок, включающих всех рожденных между 1754 и 1827 гг., равна 52,9, среднее значение — 52,6. А поскольку эти показатели самые высокие из когда-либо регистрировавшихся, то недооценка населения Петровского маловероятна, что дополнительно подтверждает точность исходных данных¹⁰. Вдобавок маловероятно, что продолжительность жизни при рождении, лежащая в основе этих оценок, должна быть ниже, так как это еще повысило бы коэффициент рождаемости.

При продолжительности жизни у женщин в 24,8 года их возрастное распределение в период 1813—1827 гг. отражает брутто-коэффициент воспроизводства населения в 3,46 — очень высокий уровень плодovitости. Иначе говоря, типичная женщина, дожившая до конца детородного периода, рожала почти семерых детей. Нетто-коэффициент воспроизводства составлял всего 1,36, что подразумевало высокую смертность. На основе отмеченных уровней смертности общие коэффициенты смертности составят 38 промилле: 34 — у мужчин и 41 — у женщин. Уровень для женщин, возможно, ближе к реальному положению вещей из-за вызванных рекрутскими наборами трудностей в определении продолжительности жизни мужчин. Однако определение смертности и нетто-коэффициента воспроизводства может содержать значительные погрешности. Небольшие изменения продолжительности жизни приводят к большим различиям в оценках коэффициента смертности, и именно с учетом этого должны рассматриваться приводимые цифры.

Продовольственный кризис 1848—1849 гг. оказал на Петровское значительно большее воздействие, чем кризис 1821 г.; он дестабилизировал народонаселение до такой степени, что почти любые попытки определить коэффициент уровня рождаемости на основе списков от 1850—1856 гг. оказались бы безуспешными. Возрастная группа 0—4 года из списка 1856 г. явно не испытала воздействия кризиса, и ее можно использовать для определения, правда, очень грубого, уровня рождаемости в 1852—1856 гг. Рост уровня рождаемости следует ожидать как одно из проявлений процесса восстановления, сменяющего кризис; тем удивительнее показатель уровня рождаемости — всего 40,6 промилле. По всей вероятности, плодovitость снизилась вследствие рекрутских наборов на Крымскую войну. Также ни внебрачные, ни законные дети солдаток, рожденные в течение первых девяти месяцев прес-

бывания их мужей на военной службе, не были включены в эти списки, и эти упущения еще больше понизят значение оценки.

Последнюю оценку можно сравнить с ежемесячными сведениями о всех зарегистрированных рождениях, относящихся к тому периоду и обнаруженных в архивах. Опять-таки незаконнорожденные дети не упоминались, сомнительно также, что в списки включались мертворожденные дети или умершие до крещения. С 15 октября 1850 г. по 31 октября 1854 г. приказчик записал 121 рождение в селе Петровское, таким образом, средний коэффициент рождаемости составлял 40,2 промилле. В течение следующих двенадцати месяцев уровень рождаемости упал до 27,2, а между 1 ноября 1855 г. и 31 октября 1857 г. — даже до 19,4. С учетом девятимесячного лага падение уровня рождаемости точно совпадает с тем, как шло рекрутирование. Из 22 мужчин, поступивших на военную службу в период 1850—1858 гг., 16 были взяты в 1854 и в 1855 гг. Однако, к 1858 г., то есть два года спустя после последнего рекрутского набора, показатель рождаемости заметно поднялся и установился на уровне 32,9 промилле¹¹.

Любая краткосрочная система регистрации, видимо, приведет к занижению оценки истинного уровня. Единовременное усилие требуется для составления именного списка, в котором единственный критерий — записывать всех живущих на данный момент в деревне, — что значительно проще, чем изо дня в день кропотливо вести регистрацию рождений и смертей. В связи с этим возникает более сложная, но важная для статистики проблема учета младенческой рождаемости и смертности. Тем не менее интересно то, что раскрывается через имеющиеся данные, а результаты, хоть и низкие, можно считать минимальной оценкой.

Неудивительно то, что уровень рождаемости в Петровском оставался стабильным самое малое семьдесят лет — с 1750 по 1820 г., и, если бы были доступны другие данные, то они, видимо, показали бы, что уровень рождаемости оставался стабильным гораздо большее время, потому что стабильность численности народонаселения — это отличительная черта многих доиндустриальных обществ. Что удивляет, так это то, что рождаемость стабилизировалась на необычно высоком уровне, — факт, имеющий серьезные социальные и экономические последствия. Во-первых, население в Петровском оказалось довольно молодым. Средний возраст всего населения (подсчитанный на основании девяти списков) равнялся 23,4 года, притом что возраст 51,2% населения был ниже 20 лет. Соответственно, соотношение едоков и работников обоего пола (всех, кто моложе 15, и тех, кому 60 лет и старше, — к тем, кому от 15 до 59 лет) было высоким и составляло в период 1813—1827 гг. 0,84. Иначе говоря, имелось очень много лиц нерабочих возрастов по сравнению с количеством тех, кто находился в рабочем возрасте. В те же самые годы доля населения в возрасте до 20 лет в об-

щей численности населения изменялась минимально: с 53,9% в 1821 г. до 51,0% в 1827 г. Во-вторых, средний возраст вступления в первый брак для женщин должен быть низким, и здесь, в Петровском, не могло быть и речи об ограничении деторождения; впрочем, на высокие показатели плодовитости накладывались высокие показатели детской смертности. Наконец, годовой темп роста народонаселения в 0,5—1,5%, видимо, сохранялся в селе в течение сотни лет, по крайней мере с середины XVIII в., нарушаемый периодическими демографическими кризисами, но не нейтрализуемый ими. Неопределенность уровня естественного прироста является отражением проблем, связанных с уточнением коэффициента смертности.

Из именных списков ясно, что крепостные села Петровское не практиковали так называемый европейский тип брака, когда ждали до двадцати с лишним лет, чтобы пойти под венец. Кроме того, в Европе от 40% до 60% женщины в детородном возрасте оставались незамужними. В то же время средний возраст вступления в брак в Петровском для женщин равнялся 18,9 года, а для мужчин — 19,3 года (см. табл. 17). Обычно 30% всех женщин в возрасте от 15 до 19 лет и более 90% в возрасте от 20 до 24 лет были замужем. Даже тогда, когда кризис 1848—1849 гг. вынудил отложить многие свадьбы, в 1850 г. всего лишь 29% женщин в возрасте 20—24 лет оставались незамужними.

Таблица 17

Средний возраст первого вступления в брак, село Петровское

Годы	Мужчины		Женщины	
	Число браков	Средний возраст	Число браков	Средний возраст
1813—1827	68	18,8	67	18,4
1831	—	—	5	19,1
1850—1856	38	20,1	61	19,5

Источник: Кроме девяти именных списков, ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 754.

Примечание: Возможно, что в эти данные были включены несколько повторных браков, поскольку крепостные, зарегистрированные как холостые/незамужние в одном списке и как женатые/замужние в следующем списке, могли в этот период сочетаться браком более одного раза. Для периода 1813—1827 гг. максимальный интервал равнялся 3,75 года, для периода 1850—1856 гг. — шести годам, так как здесь не было опросных листов. Расхождение в данных по количеству браков для мужчин и для женщин на период 1850—1856 гг. явилось результатом рекрутских наборов. Незамужние женщины в 1850 г., ставшие солдатками в 1856 г., явно вышли замуж в эти годы. Однако рекрутированных крепостных, женившихся после 1850 г., но до того, как пойти в армию и на флот, нельзя отличить от просто холостых мужчин, призванных в армию.

Процент женщин детородных возрастов: незамужних, вдов, солдаток

Годы	Незамужние					Вдовы				
	15—19	20—24	25—29	30—39	40—49	15—19	20—24	25—29	30—39	40—49
1813	68,0	5,0	0,0	2,9	0,0	0,0	0,0	0,0	11,4	35,7
1814	71,4	5,6	0,0	2,9	0,0	0,0	0,0	2,8	5,9	36,7
1818	77,8	4,2	0,0	2,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	31,0
1821	74,1	8,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	12,5	25,9
1824	55,3	3,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	14,6	24,1
1826	62,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	3,0	24,2
1827	77,8	3,4	3,7	0,0	0,0	0,0	6,9	0,0	0,0	14,7
1850	91,3	28,6	6,5	5,6	2,0	0,0	2,4	3,2	9,9	34,0
1856	57,1	12,0	10,3	8,5	0,0	0,0	4,0	0,1	8,5	14,8
Годы	Солдатки					Всего				
	15—19	20—24	25—29	30—39	40—49	15—19	20—24	25—29	30—39	40—49
1813	0,0	10,0	29,0	8,6	0,0	68,0	15,0	29,0	22,9	35,7
1814	0,0	5,6	27,8	5,9	3,3	71,4	11,2	30,6	14,7	40,0
1818	0,0	0,0	10,5	18,4	6,9	77,8	4,2	10,5	20,4	37,9
1821	0,0	0,0	0,0	15,0	11,1	74,1	8,3	0,0	27,5	37,0
1824	0,0	0,0	5,6	9,8	13,8	55,3	3,7	5,6	24,4	37,9
1826	0,0	0,0	4,0	9,1	9,1	62,2	0,0	4,0	12,1	33,3
1827	0,0	0,0	3,7	8,8	8,8	77,8	10,3	7,4	8,8	23,5
1850	—	—	—	—	—	91,3	31,0	9,7	15,5	36,6
1856	—	—	—	—	—	57,1	16,0	10,4	17,0	14,8

Источник: См. табл. 14.

Как отмечал один этнограф XIX в., говоря о высокой склонности к брачной жизни у крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии, что в 300 километрах севернее села Петровское, прямо на север, «не женятся в селах только физические и нравственные уроды»¹². Действительно, женщины в возрасте от 20 до 40 лет — наиболее плодотворная группа — редко были без мужей, а дефинитивный целибат здесь был неизвестен (см. табл. 18). Таким образом, давление общества и семьи, видимо, поощряли ранние и всеобщие браки. Данные говорят о том, что исключения из этого правила были редки.

Таблица 17 позволяет предположить, что за 1813—1856 гг. произошло небольшое увеличение возраста первого брака; аналогичное увеличение отмечалось также Петером Цапом¹³. Но, видимо, дело обстоит не так, во всяком случае, необходимо иметь больше данных для такого вывода. Более высокие возраста, отмеченные в 1850—1856 гг., — скорее всего, результат временной отсрочки заключения браков, вызванной прежде всего продовольственным кризисом и эпидемией холеры 1848—1849 гг. и рекрутским набором во время Крымской войны. Разумеется, это не дает достаточных оснований для вывода, что в XIX в. здесь имело место постепенное растянутое во времени повышение возраста вступления в первый брак.

Высокая плодovitость создала возможность для существования больших сложных по своей структуре трехпоколенных дворов. Они существовали по большей части из-за запретов на раздел двора и в меньшей степени — из-за действия системы усыновления детей и слияния дворов и семей. Под «двором» здесь понимаются все живущие под одной крышей, делающие друг с другом место пребывания, совмещающие с проживанием потребительские и производственные функции, когда вся собственность, по сути, общая. Именные списки проводят четкое различие между просто членами двора и теми его членами, которые связаны кровными узами, так что нет осложняющей исследование путаницы между двором и семьей в источниках. В реальности же в очень небольшом количестве дворов проживали не члены семьи. Не было обычая брать в дом слуг, подмастерьев или постояльцев. Что же касается сирот, то при существовавшей в Петровском структуре дворов, несмотря на высокую смертность, вероятность того, что малыши останутся без работающих в хозяйстве опекающих их взрослых родственников, была мала. Если умирали родители ребенка, то не было нужды в усыновлении. Сироты почти что во всех случаях продолжали жить с дедушками-бабушками, с тетками-дядьями, и эти дети не представляли проблемы ни в отношении их дальнейшего брака, ни в отношении получения земли. Было очень мало случаев, когда приказчику или общине приходилось заниматься подселением сирот в чужие дворы. По-видимому, подселение производилось туда, где имелось свободное место.

Таблицы 19, 20 и 21 показывают двор соответственно по структуре, по супружеским семейным единицам, приходящимся на двор, и по количеству поколений. В целях сравнения классификация дворов в табл. 19 — это слегка модифицированный вариант системы Ласлетта, согласно которой семья (а если быть более точным, то «супружеская семейная единица») «состоит из супружеской пары, или супружеской пары с потомством, или вдовы/вдовца с потомством»¹⁴.

Структура крестьянского двора, село Петровское

Структура двора	1813		1814		1818		1821		1824		1826		1827		1850		1856	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Одиноким																		
Вдовы	2		1		0		3		2		2		1		5		8	
Одиноким или с неизвестным брачным статусом	0		0		0		0		0		0		0		2		3	
Всего	2	3	1	2	0	0	3	4	2	3	2	3	1	1	7	7	11	9
Нет семьи																		
Сестры/братья, проживающие совместно	0		0		0		0		0		0		0		1		0	
Другие родственники, проживающие совместно	0		0		0		0		0		0		0		1		1	
Лица, явно не состоящие в родстве	0		0		1		1		1		1		1		1		0	
Всего	0	0	0	0	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	3	3	1	1
Дворы простых семей																		
Только супружеские пары	0		0		0		0		1		1		1		0		3	
Супружеские пары с детьми	6		7		3		4		10		12		9		7		18	
Вдовцы с детьми	0		0		0		0		0		0		0		0		1	
Вдовы с детьми	2		2		1		3		2		2		2		10		8	
Солдатки с детьми	1		1		1		2		1		0		0		0		0	
Всего	9	14	10	15	5	8	9	13	14	19	15	20	12	16	17	16	30	24

Структура двора	1813		1814		1818		1821		1824		1826		1827		1850		1856	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Дворы расширенных семей																		
Расширение вверх	2		1		5		6		4		2		3		5		11	
Расширение вниз	0		0		2		3		1		2		2		4		5	
Горизонтальное расширение	3		2		0		0		2		1		3		3		3	
Сочетание вышеупомянутых расширений	0		0		1		3		3		5		5		2		6	
Неизвестно	0		0		0		0		0		0		0		1		2	
Всего	5	8	3	5	8	12	12	17	10	14	10	13	13	17	15	14	27	22
Дворы со многими супружескими парами																		
Вторичные единицы вверх	15		14		13		6		11		9		12		11		13	
Вторичные единицы вниз	9		13		14		13		3		5		5		4		12	
Единицы на одном уровне	2		2		5		6		10		9		9		6		7	
Единицы братьев	5		6		5		5		6		4		4		9		6	
Другие единицы	17		16		13		14		17		20		19		32		18	
Всего	48	75	51	78	50	78	44	64	47	64	47	63	49	64	62	60	56	45
В итоге:	64	100	65	100	64	100	69	99	74	101	75	100	76	99	104	100	125	101

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 1495; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41, 59, 121, 186, 344, 357; ч. 2, ед.хр. 822.

Таблица 20

Супружеские семейные единицы поколений, село Петровское

Супружеские семейные единицы	1813		1814		1818		1821		1824		1826		1827		1850		1856	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
0	2	3	1	2	1	2	4	6	3	4	3	4	2	3	10	10	12	10
1	14	22	13	20	13	20	21	30	24	32	25	33	25	33	32	31	57	46
2	32	50	36	55	32	50	28	41	30	41	27	36	31	41	29	28	34	27
3	11	17	10	15	11	17	12	17	8	11	13	17	12	16	20	19	16	13
4	5	8	5	8	7	11	3	4	8	11	6	8	6	8	11	11	4	3
5	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	0	0	—	—	2	2	2	2
6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Всего	64	100	65	100	64	100	69	99	74	100	75	99	76	101	104	101	125	101

Источник: См. табл. 14.

Таблица 21

Дворы по количеству поколений, село Петровское

Количество поколений	Количество дворов																	
	1813		1814		1818		1821		1824		1826		1827		1850		1856	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
1	3	5	2	3	0	0	3	4	3	4	3	4	2	3	11	11	17	14
2	25	39	25	38	16	25	28	41	31	42	30	40	31	41	53	51	63	50
3	29	45	32	49	39	61	33	48	36	49	38	51	38	50	37	36	41	33
4	4	6	3	5	3	5	1	1	1	1	2	3	3	4	1	1	1	1
Неизвестно	3	5	3	5	6	9	4	6	3	4	2	3	2	3	2	2	3	2
Всего дворов	64	100	65	100	64	100	69	100	74	100	75	101	76	101	104	101	125	100

Источник: См. табл. 14.

В 1813—1834 гг. средняя численность двора (СЧД) в Петровском варьировала от 9,0 человек в 1818 г. до 7,7 в 1824 г., причем последняя цифра — это первое после неурожая 1821—1822 гг. наблюдение. При отмеченных в Петровском показателях ожидаемой продолжительности жизни, возраста вступления в первый брак, структуры двора и брутто-коэффициента воспроизводства средний размер двора в 8—9 человек тяготеет к биологическому максимуму. Другими словами, демография села была основной детерминантой численности двора, а раздел двора имел хоть и большое, но все же второстепенное значение. Крестьянский двор не мог быть существенно большим, если только преобладавшая структура кровно-родственных отношений внутри него не изменялась вследствие разрешения существовать множеству семейных дворов, чьи представители отстояли в кровном родстве друг от друга дальше, чем двоюродные братья и сестры. Но такие большие дворы были редкостью¹⁵.

То, что СЧД тяготеет к биологическому пределу, подтверждается относительной редкостью разделов дворов. В период 1813—1827 гг. в Петровском было отмечено 68 случаев заключения первого брака и 14 повторного брака, но количество дворов увеличилось с 64 до 76, другими словами — один двор на каждые 5,7 первых браков. Однако все эти новообразованные пары остались в селе и почти во всех случаях невеста присоединялась к тому двору, в котором проживал ее муж. Ни женитьба, ни даже смерть главы двора не предусматривали обязательного образования новых дворов¹⁶.

Из 12 прошедших в 1813—1827 гг. через раздел дворов лишь в двух случаях появились новые дворы с новой главой. В то же время за отмеченные четырнадцать лет умерли 32 главы двора. Средний возраст, при котором мужчины становились во главе двора после смерти предшественника (имеется в виду, что и женщины-наследницы могли оказаться в этой роли), составлял 38,5 года. У тех же лиц, кто возглавлял двор после его раздела, средний возраст равнялся 40,8 годам. Таким образом, женившись в 19 лет, молодой крепостной, которому статистика сулила еще 30—35 лет жизни, мог рассчитывать стать полноправным хозяином собственного двора лишь после двадцатилетнего ожидания.

В жизненном цикле крестьянского двора крепостной мужчина устанавливал единоличную власть в своем дворе как раз в то самое время, когда он мог стать дедом (35—45 лет). Если это выразить в вероятностных терминах, используя модельные таблицы смертности, 74% всех двадцатилетних мужчин доживут до 40 лет и станут главами дворов. Это означает, что опасения никогда не выйти из-под власти старших были ограничены. Если же этим самым крепостным так повезет, что они проживут еще 20 лет, то цикл повторится еще раз; средний возраст глав, чьи дворы подвергались разделу, равнялся 58,7 годам.

Темп, в котором делился двор, был ключевым фактором регуляции деревенской жизни и одним из наиболее важных аспектов социального контроля. Поддержание только что описанного жизненного цикла давало возможность постоянно реализовывать идеал трехпоколенного многосемейного двора. В то же время абсолютное запрещение, табу на разделение двора имело бы своим результатом чрезмерно большие, структурированные в родственном плане хозяйства, похожие на отдельные варианты югославской *задруги*. Но как показывает табл. 22, характер разделения — это свидетельство явного желания уберечь двор от безграничного разрастания, от сосредоточения в дворе родственников, отстоящих друг от друга дальше, чем двоюродные братья.

Таблица 22

Тип разделения двора

Старый глава/Новый глава	1813—1827	1850—1856
То же самое поколение		
брат/брат	4	7
свойки/своиченицы	2	7
двоюродный брат/двоюродный брат	1	3
Всего	7	17
Разные поколения		
дядя/племянник	2	5
тетя/племянник	—	3
свекор/сноха	2	1
отец/сын	—	1
отец/пасынок	—	1
мать/пасынок	1	—
Всего	5	11

Источник: См. табл. 14.

Примечание: За период 1850—1856 гг. разделилось лишь 22 двора, но они дали в итоге 50 дворов — 22 старых и 28 новых, поскольку старые дворы иногда делились на три—четыре новых.

Мужчины в возрасте 40 лет, готовые стать во главе собственных дворов через разделение, олицетворяли собой, образно говоря, полный цикл, который, если бы не завершился, угрожал бы подрывом патриархально-матриархальной основы двора, делая его большим, слабым по внутренней связи двором. Равно важно, что в 1813—1827 гг., когда количество дворов соответствовало чистому росту народонаселения (см. табл. 12), не было разделения отцов с сыновьями при разделе двора. То же самое справедливо и по отношению к более позднему периоду — 1850—1856 гг., даже тогда, когда количество дворов росло значительно быстрее, чем численность сельского народонаселения за короткий отрезок времени¹⁷. Частично отсутствие разделов по линии

отец-сын можно приписать демографии данного села, в котором лишь у небольшой части сорокалетних крепостных оставались в живых отцы. Но и эти несколько сыновей явно не отделялись от своих отцов.

Таким образом, поскольку средний возраст новоиспеченного главы двора составлял 40 лет и сыновья редко жили врозь с отцами, раздел должен был происходить между двумя более дальними родственниками и более конкурирующими друг с другом центрами трехпоколенной власти во дворе, чем снималось напряжение, производимое неосуществленными притязаниями на патриархально-матриархальные права. Для большинства мужчин-крепостных возраст в 35—45 лет совпадал с переходом на положение главы двора, новоиспеченного старейшины и новоиспеченного деда. Аналогично изменялся статус и у их жен. Таблица 23 показывает, что отклонения от этого среднего возраста были невелики.

Таблица 23

Процент мужчин по разным возрастным группам, никогда не становившихся главами двора, село Петровское

Возраст	1813	1814	1818	1821	1824	1826	1827	1850	1856	Среднее
25—29	91,7	100,0	93,8	100,0	81,8	88,5	91,7	84,6	87,5	91,1
30—34	66,7	73,3	91,7	80,0	68,4	70,0	73,9	92,6	75,5	76,9
35—39	56,3	52,6	61,1	100,0	66,7	53,3	71,4	77,4	45,5	64,9
40—49	33,3	29,4	33,3	31,8	42,7	35,0	29,2	40,0	32,7	34,2
50—59	21,7	11,1	10,0	8,3	7,1	0,0	6,7	9,5	16,7	10,1

Источник: См. табл. 14.

Примечание. В качестве глав дворов могут быть и женщины.

Самый интересный вопрос из возникающих в ходе изучения раздела двора относится отнюдь не к демографическим факторам, делающим возможным существование больших родственных дворов, а к давлению, оказываемому на крепостных, чтобы те не делили двор до тех пор, пока потенциальному новому главе (хозяину) двора не исполнилось 40 лет. Отрицательные стороны нечеткого или неурегулированного раздела двора в тех районах, где имела место переделывая община, были хорошо известны и помещикам, и приказчикам дореформенной России¹⁸. В Петровском ощущалась необходимость принуждать крепостных жить в «искусственно» больших и сложноструктурированных дворах. Неумение поддержать хрупкое равновесие жизненного цикла — этой основы трехпоколенного патриархального крестьянского двора —

приводило бы, как считалось, к экономическому разорению крестьян и социальному разладу в поместье.

Когда в 1834 г. новый приказчик принял дела в Петровском, он отметил в своем еженедельном докладе московскому начальству:

«Раздел между крестьянами бывшим правлением невоспрещен был, каждой выполнял прихоти свои, отделились дядя от племянника, брат от брата, отчего и довели себя до крайности, а по нынешним временам тот и крестьянин которой имеет семейство, одиноким же ни в барщине ни в домашестве заняты успеть ни может, и всегда бывают нищим. На каковой предмет тот строго воспрещено раздроблять самовольно стариками семейству без воли правления»¹⁹.

Подобные чувства выражены другим новым управляющим, прибывшим в Петровское в 1858 г.:

«От невнимания [прежних управляющих] к быту крестьянскому, многие из них разделились на самые мелкие семейства, последствиям такого раздела бедность, а при бедности является воровство, пьянство, и много других пороков... Раздел крестьян на будущие времена запрещен»²⁰.

Тот факт, что некоторым взрослым мужчинам препятствовали жить в меньших по размеру, менее сложных по структуре дворах, в которых они хотели жить, подтверждается записями приказчиков в штрафных книгах. В 1818 г. все имение насчитывало 418 дворов. В течение следующих 25 лет через разделение образовалось приблизительно 125 новых дворов, или по пяти на каждый год с ростом чуть более 1%. Выйти своим двором хотелось большинству хозяйств (семей). В 1821—1840 гг. по крайней мере 37 дворов разделились без соответствующего разрешения, что стало поводом для телесных наказаний тех взрослых мужчин, которые хотели обзавестись своим двором, и восстановления единого двора. Записи о наказаниях охватывают только девять из девятнадцати лет, и вполне возможно допустить, что даже большее количество крепостных разделили дворы без разрешения, чтобы скорее получить собственное хозяйство.

То, что приказчики считали оптимальным в отношении численности и структуры двора, не совпадало со стремлениями многих взрослых мужчин избежать над собой власти дяди, тети, старшего брата или двоюродного брата или сестры. Тем не менее опасность постоянной подчиненности принималась во внимание, и ее старались избежать. Тип разделения двора показывает, что добросовестный управляющий тщательно регулирует крестьянские хозяйства так, чтобы сбалансировать демографическое давление, которое могло бы быстро понизить степень родственных отношений внутри него, с желанием независимого, меньшего по размеру, но, как опасались управляющие, более бедного хозяйства, к которому так упорно стремилась повзрослевшая крепостная молодежь. Поэтому приказчикам представлялось, что они понуждают крепостных вести такой образ жизни, который являлся принесением в жертву

межличностных отношений среди домочадцев ради более высокого уровня жизни двора и большей гармонии в деревне как целом. Быть крепостным в Петровском — значило быть лишенным права самому решать свои проблемы и выбирать приемлемый для себя уровень равновесия.

По-видимому, маленькие дворы, которые своим появлением чаще всего были обязаны чьей-то смерти, рекрутскому набору или дисбалансу половой структуры в одном поколении, имели усеченный цикл развития. Вымирание или слияние дворов, однако, было явлением необычным. Так, из 64 дворов, существовавших в Петровском на 1813 г., 57 дворов (или 89%) все еще существовали четырнадцать лет спустя. От некоторых из них отделились новые хозяйства. Имелся лишь один случай слияния, когда одинокая 65-летняя вдова пошла жить в формально чужую семью, хотя принявшие ее вполне могли состоять с ней в дальнем родстве. Судьба шести дворов осталась неизвестной. Одни могли перейти в другую деревню данного имения или, что более вероятно, в другое гагаринское имение. Другие могли умереть. Во всяком случае, их число невелико. Таким образом, именно стабильность и долголетие крестьянских дворов, сохранившихся, несмотря на все происходившие в них изменения, является самой замечательной их чертой.

В итоге, оценки продолжительности жизни при рождении у крестьян села Петровское свидетельствуют, что уровень их жизни был сравним с уровнем жизни многих стран доиндустриальной Европы. Но жизнь в Петровском протекала в рамках стабильной и очень высокой плодovitости, ранних и обязательных для всех браков и больших, тесно связанных в родственном отношении и структурно сложных дворов, объединявших три поколения. Все это сильно отличало Петровское от многих стран Центральной и Западной Европы, где поздний брак и низкая плодovitость создали меньшие по размеру, более простые по структуре крестьянские дворы, ставшие там если не нормой, то, во всяком случае, весьма распространенным явлением. Индивидуальные хозяйства, существовавшие в большинстве европейских стран, оставались более подвижными, мобильными и отличались большим разнообразием форм. В то же самое время для них были характерны сравнительно высокий уровень вымирания и, следовательно, непродолжительность существования двора²¹.

Итак, крестьянский двор в селе Петровское в типологическом плане занимал некое среднее положение между характерной для большинства стран Западной Европы стержневой семьей и очень большими по размерам сербской *загрудой* или балтийской *Gesind*, насчитывавших от 10 до 30 человек²². Приблизительно 3/4 всех жителей села жили в то же самое время во дворах, объединявших по две и более семей, и 2/3 всех жителей — во дворах, объединявших по три и более поколений. Фактически каждый крепост-

ной пребывал в таких условиях много лет, а большинство — и всю жизнь.

Крепостной мужчина редко покидал родной двор при жизни своего родителя. Даже участвовавшееся деление дворов, как о том свидетельствуют сообщения приказчика от 1834 г., не было отделением сына от отца. Смерть главы двора имела минимальные экономические последствия для двора. Тогда брат или сын покойного вступали в права старейшины. При этом племянников и других братьев не обделяли и не выселяли, они оставались в хозяйстве до тех пор, пока не основывали собственной большой семьи, состоящей из трех поколений. При сжатом в 20 лет жизненном цикле двора основные характеристики отдельно взятого двора претерпевали во времени минимальные изменения. Результатом всего этого, и очень важным, являлось то, что колебания в уровне производственной мощности двора минимизировались, а уязвимость со стороны циклических крайностей от нищеты до достатка, имевших место вследствие изменений в структуре двора, — сокращалась. Дворы как трудопотребительские единицы сохранялись постольку, поскольку имели экономический иммунитет к происходившим в них рождениям, бракам и смертям. Эта стабильность и была реальной целью приказчика, что означало беспрепятственное прохождение каждого двора через связанные с жизненным циклом демографические приобретения и потери, в значительной степени облегчающее пользование системой рабского труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 1495; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41, 59, 121, 186, 344, 357, ч. 2, ед.хр. 822.
- ² ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 652, 800, 823, 842.
- ³ «Западные» таблицы были выбраны из-за их большей применимости в случаях высокого уровня смертности и из-за того, что они дают большой набор вариантов, чем другие три модели. Coale A. J. and Demeny P. Regional Model Life Tables and Stable Populations. Princeton, 1966, part 1, p. 35, and part 2, p. 4-7; Hollingsworth T.H. Historical Demography. L., 1969, p. 342.
- ⁴ Wrigley. Population and History, p. 169-175.
- ⁵ Hollingsworth. Historical Demography, p. 346-348.
- ⁶ Wrigley. Population and History, p. 131.
- ⁷ Coale and Demeny. Regional Model Life Tables and Stable Populations, part 1, p. 33-35; Hollingsworth. Historical Demography, p. 341; Henry L. Manuel de démographie historique, 2d ed. P., 1970, p. 36-37.
- ⁸ Coale and Demeny. Regional Model Life Tables and Stable Populations, part 2, p. 78, 180.
- ⁹ Lee R. D. Methods and Models for Analyzing Historical Series of Births, Marriages, and Deaths. — In: Population Patterns in the Past. N. Y., 1977, p. 343.

- 10 W r i g l e y. Population and History, p. 62. См.: Н е е r D. M. The Demographic Transition in the Russian Empire and the Soviet Union. — *Journal of Social History*, №1, 1968, p. 205, где имеется аналогичный комментарий демографических данных, относящихся к периоду после освобождения крестьян.
- 11 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 652, 800, 823, 842.
- 12 З в о н к о в А. П. Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда. — В: *Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. Труды этнографического отдела, №61. М., 1889, т. 9, с.30-31.
- 13 H a n j a l J. European Marriage Patterns in Perspective. - In: *Population in History* (ed. D.V.Glass and D.E.C.Eversley). London and Chicago, 1965, p. 101-143; L e b r u n F. La vie conjugale sous l'Ancien Régime. P., 1975, p. 31-33; C z a p P. Marriage and the Peasant Joint Family in the Era of Serfdom. — In: *The Family in Imperial Russia* (ed. D.L.Ransel) Urbana, Ill., 1978, p. 110-113.
- 14 L a s l e t t P. Introduction: The History of the Family. — In: *Household and Family in Past Time* (ed. P.Laslett). Cambridge, 1972, p. 29-31.
- 15 С е e_0^0 (продолжительность жизни при рождении) в 40 лет, валовом коэффициенте воспроизводства в 4,0 и возрастом заключения брака в 20 лет средний размер двора при расширенной структуре семьи с кормилицами составит 12,4 человека, тогда как при e_0^0 , равном 20, валовом коэффициенте воспроизводства в 3,0 и при том же возрасте заключения брака и той же структуре семьи СЧД составит 6,0 человека. Петровское очень близко подходило к середине этих показателей. В u r s c h Т. К. Some Demographic Determinants of Average Household Size: An Analytic Approach. — In: *Household and Family in Past Time* (ed. P.Laslett). Cambridge, 1972, p. 94-96.
- 16 См. также: Б а р ы к о в Ф. Обычаи наследования у государственных крестьян. — *ЖМГИ*, №91, ч. 2, 1867. с. 8-9.
- 17 В период 1850-1856 гг. крестьянские дворы делились в три раза быстрее, чем за 1813-1827 гг., когда число дворов увеличивалось ежегодно на 1%. Архивы имения свидетельствуют о том, что столь высокая частота деления дворов была явлением сколь необычным, столь же и недолговечным, начавшимся в 1850-е гг. и закончившимся уже к 1858 г. (ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 866, 7 ноября 1858 г.) Это подкрепляется данными из именных списков. Основные характеристики крестьянских дворов села Петровское лишь в небольшой мере оказались затронутыми кризисом 1848-1849 гг., а это значит, что имевший место в 1813-1827 гг. жизненный цикл крестьянского двора сохранился вплоть до 1850 г. Тем не менее формирование массы новых дворов в 50-е гг. резко сократило СЧД и количество многосемейных дворов. Тот возраст, в котором мужчина становился безраздельным главой двора, был лишь немного меньше ранее отмечавшегося, и это явление можно отнести к участвовавшему делению дворов. Продлился этот процесс еще года три или четыре, и тогда бы снижение возраста вступления в роль главы двора оказалось бы весьма значительным. Что касается причин, то главными из них представляются рекрутские наборы, проводившиеся в ходе Крымской войны. Из-за того, что более крупные по размеру дворы могли скорее потерять взрослого мужчину-работника, во время особенно тяжелых рекрутских наборов они были особенно уязвимы. Для того чтобы избежать этого, многие дворы разделялись на более мелкие, что по неизвестным причинам управляющий допускал, хотя это в итоге кончалось отстранением его от службы.

- 18 Д м и т р ю к о в. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде, Курской губернии, с. 267; Р у д н е в. Село Голунь и Новомихайловское, Тульской губернии, Новосильского уезда, с. 107-108; ЗЛОСХ за 1853 г., ч. 1, с. 358-359; Р у д н е в Я. П. Заметки по разным хозяйственным предметам. — ЗЛОСХ за 1854 г., ч. 2, с. 300-301; ЗЛОСХ за 1855 г., ч. 2, с. 117-119; К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 227-228; Н а с о н о в. Из истории крепостной вотчины XIX века в России, с. 506-507; Б р ж е с к и й Н. К. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902, с. 62, 103-104, 112-115; А л е к с а н д р о в. Сельская община в России (XVIII — начало XIX в.), с. 300-301; Е ф и м е н к о А. Семейные разделы. — В: Исследования народной жизни. М., 1884, т. 1, с. 133; М у х и н В. П. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888, с. 41-43.
- 19 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 496, 12 апреля 1834 г.
- 20 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 866, 7 ноября 1858 г.
- 21 W r i g l e y. Population and History, p. 131-134; L e b r u n. La vie conjugale sous l'Ancien Régime, p. 57-63; S h o r t e r E. The Making of the Modern Family. N.Y., 1975, p. 29-39; G o o d e William J. World Revolution and Family Patterns. N.Y., 1963, p. 7-17; L a s l e t t. Household and Family in Past Time. Cambridge, 1972; T i l l y Louise and S c o t t J o a n. Women, Work and Family. N.Y., 1978, p. 24-27.
- 22 S h o r t e r. Making of the Modern Family, p. 35-37.

ПРИКАЗЧИКИ И СТАРЕЙШИНЫ

Совпадение интересов

Типы браков, структура крестьянского двора и уровень плодovitости непосредственно приказчиком, конечно, не предписывались. Для историка необходимо различать экологические, культурные факторы и влияния со стороны помещиков на жизнь крепостных, особенно на развитие семейных групп крепостных. В этой главе предпринимается попытка соотнести материальную базу общества и его демографические характеристики с социальными структурами русского крепостничества, попытка проанализировать последствия физических и личностных ограничений в рамках института крепостного права и описать систему социального контроля, которая существовала с целью экономической эксплуатации. Для этого потребуются рассмотреть вопрос статуса, распределение материальных благ и власти, а также пути осуществления власти в имении.

В аграрном обществе с очень низким техническим уровнем и более чем достаточным количеством пахотной земли, как, например, в Петровском и на большей части Центрального черноземного района Российской империи, труд имел величайшую ценность и именно он в первую очередь определял объем производства. Дополнительные капиталовложения, за исключением затрат на тягловый скот, были крайне ограничены. В России климат оказывал уникальное влияние на структуру организации полевых работ. Поскольку полевой сезон был очень коротким — от пяти с половиной до шести месяцев по сравнению с восемью-девятью в Западной Европе, — то при трехпольной системе жатва яровых и озимых, а также вспашка и засев озимых полей быстро чередовались в рамках шести недель. С середины июля до конца августа продолжался сезон уборки урожая или *«страда́ная пора»*, страда как ее называли русские, то есть буквально — время страдания. Это был период сильнейшего напряжения сил, требовавший одновременного выполнения многочисленных задач. Рабочая единица, или тягло, состоявшая из мужа и жены, представляла собой оптимальную форму организации трудовых ресурсов. Одиноким мужчинам просто не мог выполнить все нужные полевые работы, если он хотел дать злакам полностью вызреть и избежать опасности ранних заморозков¹.

Поэтому в России сложилось четкое разделение полевых работ между мужчиной и женщиной. В период уборки урожая женщины обычно жали серпами рожь, озимую пшеницу, если таковая выращивалась, иногда овес, а мужчины убирали другие виды яровых косами. Озимые хлеба нельзя было косить, так как со стебля осыпалось слишком много зерен, но при уборке менее спелых и невысоких яровых злаков эта проблема отпадала. Затем женщины связывали колосья в снопы для просушки, и мужчины начинали пахать поле под озимые. В то время как они сеяли рожь для следующего урожая, женщины начинали перевозить с полей снопы на телегах, иногда, если время позволяло, им в этом помогли мужья. В целом вспашка, боронование, сенокос и уборка урожая косами считались мужскими полевыми работами, а забота об огороде, конопляном поле, сгребание сена граблями, жатва поспевших зерновых серпом, их связка и перевозка на ток — женскими².

Партнерство было необходимо. Одиноким женщины или вдовы никогда не тянули на тягло, да и мужчины редко когда несли полное тягло в одиночку. Из всех мужчин в возрасте 15—19 лет, то есть периода, когда они впервые начинали выполнять некоторые из трудовых повинностей по полевым работам в имении, получая в обмен участок земли, 38% не несли тягла, причем все были холосты; 32% несли половину тягла, причем только 4% из них были женаты; и 29% несли полное тягло, причем по меньшей мере три четверти из них были женаты³.

Для того чтобы добиться от Петровского имения максимального дохода, приказчик должен был довести до максимума количество тягол. На практике это означало необходимость синхронизации распределения барщинных повинностей с внутренними изменениями в составе двора из-за браков и смертей, чтобы избежать недоиспользования рабочей силы. Как только молодая пара заключала брак, она тут же становилась новым тяглом, увеличивая тем самым производственную мощность имения. Чем раньше крепостные вступали в брак, тем скорее они начинали приносить имению экономическую выгоду⁴.

Но если бы молодым парам пришлось основывать собственный двор, то ранний брак неизбежно вступил бы в противоречие как с задачей накопления капитала, так и с родительскими соображениями по поводу преждевременной потери взрослого работника. Напротив, если бы крепостные из Петровского считали необходимым отложить брак на 7—8 лет, до 25—29 лет, как в Западной Европе, то производительность имения и всех дворов крепостных снизилась бы с 17% (при условии, что все одинокие мужчины старше 19 лет выполняли половину тягла) до 35% (если мужчины до вступления в брак не отбывали барщину)⁵. Если бы браки соответствовали «европейской» модели, то потери валовой продукции зерна составляли бы приблизительно 20%, соответственно, пострадал бы и валовой доход.

Эти проблемы решались в первую очередь за счет того, что право использования надела крестьянской пахотной земли было поставлено в зависимость от выполнения трудовых повинностей в имении. Такая зависимость существовала не только во всем Центральном черноземном районе, но и на большей части территории Великороссии. Это обеспечивало новой паре непосредственный доступ к земельному наделу и самые необходимые материальные средства для его содержания. Таким образом, постоянное перераспределение пахотной земли отражало статистику браков, потерь трудоспособности и смертей (см. табл. 24). Это было то, что называлось передельной земельной общиной, то есть деревня с частичным либо полным периодическим перераспределением пахотной земли. Во-вторых, проживание в семье мужа после заключения брака не только устраняло необходимость значительного дополнительного накопления средств, но и давало дополнительный доход для домашнего хозяйства мужа. Часто одно только появление невестки увеличивало число тягол двора от одного до двух или от двух до трех и, таким образом, увеличивало общую площадь пахотной земли на 50—100%. Разумеется, новое тягло несло с собой новые повинности (этимология слова говорит сама за себя), — как налоги, так и барщину, а также увеличивало потребность в домашнем скоте для выполнения упомянутых повинностей. Однако преимущества все равно имели перевес, и поэтому у родителей был серьезный экономический стимул стремиться к ранней женитьбе своих сыновей. «В восемнадцать лет жениться, чтоб на тягло садиться» — таков был расхожий совет молодым мужчинам⁶. В-третьих, выплата главой семьи жениха семье невесты значительного выкупа за нее, известного как *кладка*, склоняла дворы расставаться со своими взрослыми незамужними женщинами-работницами. Фактически кладка перераспределяла материальные блага между дворами и не нарушала существовавшей в них патриархальной власти.

Кладка носила характер выкупа за невесту (постоянная передача средств из хозяйства жениха в обмен на права на невесту), а также дополнительных расходов, которые Гуди определил как дарение «женихом невесте денег, косвенно шедших на ее приданое»⁷. Это различие, пусть даже стершееся внутри самого обычая кладки, имело большое значение, поскольку выкуп за невесту был «оборотным общественным фондом», перераспределением ресурсов, ограничивающим социально-экономическую дифференциацию между дворами, в то время как косвенное приданое не обязательно влекло за собой окончательное отчуждение какой бы то ни было собственности ни от двора жениха, ни от двора невесты. Косвенное приданое наряду с проживанием жены в семье мужа обеспечивало сохранение всего имущества на прежнем месте. Подарки, покупавшиеся женихом для невесты, вместе с ней переходили

Наложенные на крестьян и снятые с них тягла, 1824—1825 гг.

Номер двора	Имя	Возраст	Тягло	Возраст	Тягло	
					наложено	снято
1	Прохор Матвеев	44	1	45	—	1/2
2	Яков Иванов	16	—	17	1/2	—
—	Иван Петров	43	1	44	—	1/2
11	Мирон Иванов	17	1/2	17	1	—
13	Николай Поликарпов	16	1/2	17	1	—
17	Евтей Тимофеев	16	1/2	17	1	—
22	Яков Фадеев	15	—	16	1/2	—
23	Прохор Матвеев	15	—	16	1/2	—
—	Матвей Михеев	46	1	47	—	1/2
24	Ефим Егоров	15	1/2	16	1	—
25	Терентей Леонов	16	1/2	16	1	—
35	Минай Иванов	17	1/2	18	1	—
—	Савелий Федоров	50	1	51	—	1/2
38	Тимофей Николаев	14	—	15	1/2	—
47	Тарас Васильев	15	—	16	1/2	—
51	Сергей Андреев	18	1/2	19	1	—
61	Василий Степанов	15	1/2	16	1	—
62	Иван Савельев	17	1/2	18	1	—
69	Евтей Максимов	49	1/2	50	—	1/2

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 291, л. 52-53. «Извлечение из подворных списков крестьян, которые точно будут освобождены от тягла за дряхлостью, старостью лет и невозможностью работать вместо тех, на кого тягла будут наложены».

дили в ее новую семью. Таким образом, при косвенном приданом семья жениха не несла никаких материальных потерь⁸.

Брак почти везде сопровождался передачей собственности, но на большей части Великороссии обеспечение новобрачных супружеским имуществом за счет прямого или косвенного приданого не имело большого значения. В Петровском имение обеспечивало дворы пахотной землей через систему земельного передела, а семья жениха в свою очередь обеспечивала и поддерживала ново-

образованный двор, получавший все необходимое, кроме одежды. Фактически обычай прямого приданого, «своего рода осуществлявшееся не после, а до смерти наследование имущества невестой»⁹ от своей семьи, не имел большого значения, если не сказать совсем никакого, там, где существовала земельная передельная община.

В 1871—1874 гг. особая правительственная комиссия, занимавшаяся реорганизацией волостных судов, рассмотрела действие обычного крестьянского права в 15 губерниях европейской России, включая все 12 уездов Тамбовской губернии. В Борисоглебском уезде, где расположено Петровское, было исследовано 10 из 29 волостей, хотя поместье Петровское, являясь само по себе волостью, в их число не входило. Тем не менее в двух соседних с Петровским волостях комиссия отметила, что «приданого не дается, а жених платит за невесту кладку». Из восьми оставшихся волостей в семи приданое «никогда не дают», а в восьмой, ближайшей к уездному городу Борисоглебску, его дают «очень редко»¹⁰.

В XIX в. многие этнографы, к удивлению своему, обнаружили, что крестьяне не давали своим дочерям прямого приданого, и доказательства эти оказались неопровержимыми. Исследователи из Императорского русского географического общества нашли, что кладка была широко распространена в тех районах, где существовала передельная земельная община. Описание архивов Общества, составленное Зелениным, содержит буквально десятки упоминаний о кладке. В начале 1950-х гг. респонденты сообщали советским этнографам, выезжавшим в полевую экспедицию в деревню Вирятино на севере Тамбовщины, что брачные обычаи в прошлом включали «денежную сумму, которую давал жених». Они сделали вывод, что «наличие кладки, в то время как никаких условий относительно приданого не выставлялось, было характерно для тамбовских свадебных обрядов»¹¹. Прямое приданое было обычным только для крайнего севера и Малороссии, где земли находились в вечном пользовании. Фактически после появления передельной общины в Архангельской губернии значение прямого приданого снизилось¹². Как отмечал в XIX в. этнограф В.П.Мухин, «обычай давать за невесту кладку особенно строго соблюдается в тех местностях, где приданого давать не принято, так что кладка является в этом случае как бы суррогатом приданого, идущим со стороны жениха»¹³. В 1874 г. исследовательница крестьянской жизни Александра Ефименко заметила, что там, где кладка была частью брачного соглашения, не выставлялось условий относительно приданого за невестой¹⁴. Тем не менее ничто не мешало семье невесты сделать своей дочери или новым родственникам небольшие подарки или внести вклад непосредственно в свадебное торжество, так иногда и поступали.

Кладка, по сути, представляла собой выплату денег из семьи жениха семье невесты; размер выплаты определялся во время сговора. Зачастую в свадебном соглашении особо оговаривались шу-

ба или другая одежда для невесты. Ни домашний скот, ни, разумеется, земля никогда не приносились в качестве кладки, хотя там, где существовало прямое приданое, они обычно становились его частью. Частично, а иногда и полностью вся денежная сумма кладки использовалась для покрытия стоимости новых личных вещей невесты, которые готовились специально для замужества (*trousseau*), свадебных расходов (так называемые *столовые деньги*) и подарков — обычно одежды — будущему мужу и будущей родне. Эта, названная косвенным приданым, часть кладки не предполагала перераспределения имущества, поскольку все оно возвращалось в хозяйство жениха вместе с невестой, за исключением, конечно, собственно расходов на празднество¹⁵. Однако выплаты кладки обычно составляли существенную сумму, часто значительно превосходящую расходы семьи невесты.

В табл. 25 представлены сведения об обычном размере кладки в середине XIX в. в тех районах, где она была повсеместно распространена. Большинство сведений взято из ответов на вопросники, разосланные Императорским русским географическим обществом в 1848 г. в ходе изучения «простого русского». В качестве респондентов выступали преимущественно деревенские священники, местные помещики, врачи, статистики, учителя и семинаристы — «широкие массы сельской интеллигенции», как охарактеризовал их один архивист¹⁶. Было опубликовано краткое содержание значительного количества ответов, полученных из 36 губерний, от Архангельска до Саратова¹⁷. В 14 губерниях европейской России опрос не проводился. Кроме того, в некоторых из 36 губерний получено только несколько ответов, и часто авторы не указывали размер кладки. Остальные источники содержат мало данных. Таким образом, отсутствие данных по ряду губерний в табл. 25 не обязательно означает фактическое отсутствие там такого обычая.

Неясно, какую часть кладки семья невесты должна была потратить на подарки, но значительную сумму семья оставляла себе, и эта часть являлась выкупом за невесту, то есть приводила к имущественной нивелировке дворов.

Попросту говоря, поскольку передельная земельная община непосредственно обеспечивала двор жениха единицей крестьянской пахотной земли по формировании нового тягла, хозяйство невесты требовало компенсации за потерю работницы и любой ущерб его экономическому и социальному положению в результате ее ухода. В XIX в. Калачов, изучавший крестьянское обычное право, отмечал, что родители девушки, имея в виду потерю работницы, должны были включать в брачный сговор предложение отложить свадьбу до окончания уборки урожая либо «чтобы семейство жениха внесло за нее выкуп, известный под названием кладки»¹⁸. Пахман, также исследовавший крестьянские обычаи XIX в., указывал на двойственный характер кладки: с одной стороны, это была выплата, имевшая своей целью ограничение расходов на

Обычные размеры кладки

Губерния	Уезд	Год	Размер кладки (в рублях ассигна- циями)
Архангельская	Шенкурский	1854	20—35
Владимирская	Муромский	1849	17—35
Воронежская	Павловский	1850	Не более 20
	Коротоянский	1850	50—100
Вятская	Елабужский	1849	35—105
Казанская	Закамский край	1850	25—45
Калужская	Медзынский	1856	40—140
	Жиздринский	1849	9
Курская ^а	Обоянский	1862	3—24 и более
Нижегородская	Сергачский	1850-е гг.	до 50
	Сергачский	1850-е гг.	7—14
	Не уточнено	1849	15—50
	Васильский	1849	40—100
	Княгининский	1849	20—40
	Княгининский	1849	10—60
	Арзамасский	1850	15—30
	Алижгородский	1848	до 100
	Ликояновский	1850	5—80
	Череповский	1850	до 50
Новгородская	Не уточнено	1850	15—20
Пензенская	Керенский	1857	до 50
	Саранский	1853—1854	35—85
	Верхотурский	1848	20—30
Пермская	Ишадринский	1849	10—210
	Зарайский	1867	20—35
Рязанская	Михайловский	1876	5—50
	Спасский	1854	7—50
	Моложский	1853	20—40
Ярославская ^б		1840	Редко более 150
Симбирская ^в		1862	3—105
Симбирская ^г			
Владимирская и Нижегородская ^д		1853	50—100
Ярославская ^д		1853	20—40
Калужская, Кур- ская, Тамбовская ^д		1853	70—245
Великороссия ^е		Вторая полови- на XVIII в.	15—150

бракосочетание, с другой — компенсация «за самое невесту, как за рабочую силу, которой, с выходом девушки замуж, лишается семья»¹⁹. Согласно известной русской этнографистке XIX в. Ефименко, «в некоторых юго-восточных степных губерниях плата за невесту определяется простою конкуренциею»; предложивший наибольшую сумму и получал девушку²⁰. В ходе изучения практики наследования у крестьян Мухин обнаружил, что размер кладки был больше в тех регионах, где женский труд ценился более высоко. В Нижегородской губернии женщины, занятые в производстве лубяных изделий, могли выполнять точно такую же работу, что и мужчины, поэтому семья невесты могла требовать за нее большой выкуп²¹. Выкуп за невесту имел и свою противоположность — «выкуп за жениха». В тех редких случаях, когда мужчина переходил в семью невесты, как правило, из-за отсутствия в этой семье других мужчин трудоспособного возраста, его родители требовали компенсации за потерю работника²². В целом ситуацию можно охарактеризовать словами одного этнографа XIX в.: «Приданое в крестьянском быту не играет большого значения: часто жених не только не получает приданого, но сам должен еще вознаградить родителей невесты за лишение их даровой рабочей силы»²³.

Положение молодых незамужних женщин в их родных семьях было двойственным. Несмотря на то что их труд ценили, на них смотрели как на временных членов семьи. Они не имели права на землю, притом что земледелие оставалось основным занятием, а их уход обеспечивал кладку, которая позволяла родному или двоюродному брату жениться. Дочери, внуки и племянницы брачного возраста были одновременно и едоками, и работниками и приносили небольшие временные доходы, не имея — в противоположность неженатым мужчинам — перспективы приносить значительную долговременную прибыль старшим родственникам. Поэтому крестьяне постоянно соотносили средний брачный возраст (или, другими словами, срок, в течение которого дочь должна была ра-

Источники: З е л е д и н Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского русского географического общества, в 3-х томах. Петроград, 1914—1916. (Все данные, кроме специально отмеченных.)

^а М а ш к и н. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда. — *Этнографический сборник*, 5, 1862, с. 23.

^б П р е о б р а ж е н с к и й А. Приход Станиловский на Сити, Ярославской губернии, Моложского уезда. — *Этнографический сборник*, 1, 1853, с. 141-145.

^в В., Б. Симбирские обычаи почитать невест. — *Отечественные записки*, 9, №7, 1840, с. 28-29.

^г А р и с т о в И. Очерк крестьянской свадьбы. — *Волга*, №13, 1862, с. 49-50.

^а А ф а н а с ь е в А. Критика: Этнографический сборник. — *Отечественные записки*, №9-10, ч. 4, 1853, с. 25.

^е С е м е в с к и й И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. — *Устои*, №2, 1882, с. 76.

ботать на них) с принятым размером кладки, то есть с тем имуществом, которое она могла принести. Это соотношение могло меняться в зависимости от экономических условий.

Приобретение невестки являлось главной статьей расходов, и двор жениха должен был быть уверен, что он получает хорошую работницу, чтобы окупить вложенные средства. Неудачный выбор мог разрушить хозяйство, поскольку дополнительный надел крестьянской пахотной земли и дополнительная работница должны были компенсировать не только кладку, но и расходы на дополнительное едока, более высокие налоги и трудовые повинности. Брак представлял собой слишком важное событие для тех хозяйств, которые стремились либо свести к минимуму свои убытки, либо возместить вложенные средства, весьма ощутимые для общины, которая должна была платить налоги, и слишком важное для имения, стремившегося максимизировать производство, чтобы позволить молодым людям самим выбирать супругов. Брачные обряды включали взаимный *осмотр* (или *смотрины*) дворов родителями и мало чем отличались от торговых сделок. Свату, часто родственнику, которого засылали родители молодого мужчины, как правило, вменялось приветствовать отца потенциальной невесты словами: «У нас есть купец, а у вас товарец», определяя тем самым цель визита. Любовь не была брачным фактором и даже считалась потенциально опасной, поскольку могла вмешаться в вещи более серьезные. Семья жениха принимала во внимание только здоровье, трудовые навыки и трудоспособность женщины; в свою очередь семья невесты хотела быть уверенной в получении соответствующей кладки. Условия оговаривались устно в *брачномговоре* и скреплялись традиционным *рукобятием* двух отцов или глав дворов. Кроме того, эти сговоры иногда освящались священником и всегда праздновались так называемым «запоем» (или «пропоем») ²⁴.

При заключении браков крепостные из Петровского явно руководствовались экономическими соображениями. Дворовые просили разрешения на брак у главной конторы имения в Москве, и архивы имения содержат много родительских обращений такого рода. Язык их формален, составлены они, несомненно, писцом, но причины ясны. Корнея Абрамова, вдова с четырьмя дочерьми, просила разрешения выдать замуж старшую, 18-летнюю Прасковью, «для избежания моего содержания [ее]» ²⁵. Архип Агловин, отец шестерых детей, включая 22-летнюю Елену, имевшую незаконнорожденного ребенка, по той же самой причине просил разрешения выдать ее за некрепостного мужчину» ²⁶.

Родители часто стремились как можно скорее женить сыновей, чтобы привести невестку во двор, как свидетельствует следующее прошение:

Имея у себя 2 сыновей, из коих Савелий находится в Москве по паспорту, а Федот проживает при мне, и оба они достигли совершенно лет находятся не женаты. А как я с женою пришли к старости и дряхлости,

а при том еще имею при себе дочь, которая постоянно одержимый болезнью, то по этому терпил крайней нужду в нижней одежде и других домашних обстоятельствах: почему и осмеливаюсь утруждать Главную Контору покорнейше моею просьбою благоволить обратить милостивое внимание на наше крайне положение, сыну нашему Федоту разрешить вступить в брак. За что должны будет молить Бога о здравии Его Сиятельство и начальствующаго лица Главного Контора

Иван Сметанин²⁷.

Экономические соображения влияли даже на сезонные колебания браков. Как свидетельствуют немногочисленные источники, имеющиеся в нашем распоряжении, большинство первых браков приходилось на осень, между сентябрем и ноябрем, несколько меньше — на январь и февраль, из-за запрета во время рождественского поста; гораздо реже браки заключались весной и почти никогда — летом. Чувства крестьян выражены в поговорках: «Невеста на дворе — мертвец на столе» или же, наоборот: «Зиму я ее прокормил, так пусть она мне летом заработает»²⁸. Таким образом, само по себе время заключения браков было механизмом перераспределения материальных благ.

Именно изобилие земель, их постоянное перераспределение и та часть кладки, которая использовалась в качестве выкупа за невесту, предотвращали развитие социально-экономической дифференциации в большей части крестьянского общества Великороссии, в том числе и в Петровском. Как отмечал Гуди, выкуп за невесту обеспечивал двустороннее рассредоточение собственности. Деньги шли в одном направлении, невеста и земля — в другом. Более того, в новой семье невесты должны были появиться дети, через которых происходило бы дальнейшее рассредоточение материальных благ, получаемых с помощью добавившегося участка пахотной земли²⁹. Кладка представляла собой общий фонд оборотных средств, функционировавший по принципу: «Что уходит с невестой, то вернется с сестрой». Поэтому она выступала скорее как метод регулирования браков, чем как средство увеличения материальных благ отца³⁰. Приданое же невесты, напротив, должно было обеспечить женщине собственность, достаточную для привлечения мужа, равного ей по статусу. Институт приданого существует в обществах со значительной социально-экономической дифференциацией, поскольку его цель — сохранить положение семьи для следующих поколений. Дочь с приданым не должна была выходить замуж за человека более низкого социального положения, и это усиливало расслоение общества. Как отмечал Гуди, «приданое дифференцирует, в то время как выкуп за невесту имеет тенденцию нивелировать»³¹.

В России выкуп за невесту не имел отношения к будущему статусу двора. Скорее выкуп просто облегчал заключение брака, во многом устраняя экономические ограничения. Распределение жен было тесно связано с распределением сестер. Фактически кладка способствовала поддержанию постоянного экономического равно-

весия. До тех пор, пока деревни имели достаточно земли «для удовлетворения нужд *увеличивающегося* количества супружеских пар» или крестьяне располагали другими средствами зарабатывать на жизнь, материальные блага двигались в обоих направлениях³². Кроме того, обычай кладки и доступность земли способствовали преодолению полового дисбаланса среди потомства в отдельных дворах. Если отец, имевший трех дочерей и не имевший сыновей, должен был обеспечить три приданных, вполне возможной становилась ситуация, когда не все они могли выйти замуж, строгое же безбрачие неблагоприятно влияло на уровень производства в имении и в крестьянском хозяйстве. Более того, из-за высокого выкупа за невесту дети часто в значительной степени зависели от главы двора или от своего отца в заключении браков и договоре о надлежащем размере кладки. Плохая сделка — например, слишком маленькая кладка — могла оставить двор с деньгами, которых было бы недостаточно для того, чтобы найти невест для неженатых мужчин данного двора. Поэтому выкуп за невесту непосредственно влиял на социальное положение и материальное благосостояние данного поколения, а потребность в продуманном патриархальном заключении браков повышала власть старейшин крестьянского двора³³.

Бозеруп доказывала, что выкуп за невесту характерен для аграрных обществ, где практикуются весьма примитивные системы земледелия, а большинство сельскохозяйственных работ выполняется женщинами. Напротив, «там, где преобладает плужное земледелие, а женщины заняты на сельскохозяйственных работах меньше, чем мужчины... приданое обычно выплачивается семьей девушки»³⁴. Гуди предположил, что выкуп за невесту и приданое «больше связаны не с непосредственным вкладом женщины в сельское хозяйство, а с проблемой статуса в обществах с различной степенью социально-экономической дифференциации». Тем не менее он не заметил, что более прогрессивное плужное полеводство способствует гораздо более глубокой стратификации, чем примитивные подсечно-огневые и мотыжная техники, а также перекапывание «палкой-копалкой», которые использовались в районах с низкой плотностью населения и там, где обычно не ощущалось недостатка в земельном фонде³⁵.

Объяснить существование выкупа за невесту на большей части территории Великороссии на основе этих предположений было бы довольно трудно. Хотя плотность населения в Великороссии оставалась ниже, чем в других регионах Европы, трехпольная система плужного земледелия закрепилась там уже к началу XIX в., а более примитивные системы земледелия сохранялись только на периферии³⁶. Тем не менее утверждения Бозеруп и Гуди могут помочь в понимании жизни в Петровском и на большей части Великороссии.

Прежде всего, какова была степень социально-экономической дифференциации в Петровском? Несомненно, положение некоторых крепостных дворов было лучше, чем у остальных. «Крестьяне большаи хорошаго состояние, между оными есть часть средственнаго и худаго», — писал приказчик весной 1844 г.³⁷ Советские историки считали расслоение в среде русских крепостных в первой половине XIX в. почти повсеместным явлением, ставшим особенно заметным с 30-х гг. XIX в. и углублявшим кризис феодальной системы вплоть до ее падения в 1861 г. Эта точка зрения фактически превратилась в советской исторической литературе в клише. Ковальченко, рассматривавший данный вопрос на материалах Петровского, сделал вывод, что в 1813—1856 гг. «характерной чертой расслоения крестьянства и в Петровском имении был быстрый рост слоя беднейшего крестьянства», то есть количества хозяйств, имевших менее трех лошадей³⁸.

Анализ расслоения крестьянского общества требует проследить динамику мобильности дворов. Социально-экономическое расслоение представляет собой не равномерное распределение имущества и социального статуса в данный момент времени (определение, принятое как Литваком, так и Ковальченко), а процесс дифференциации с течением времени, приводящий к появлению различных слоев, имеющих собственные экономические интересы, социальную ориентацию, стратегию выживания и средства сохранения и улучшения своего положения. Утверждать, что в любой взятый год одни хозяйства были более благополучны в экономическом отношении, чем другие, просто неверно. Кроме того, анализ расслоения не может проводиться только на уровне двора при игнорировании возможных изменений в его численности и структуре (другая ошибка Ковальченко). Часто более полезными и точными оказываются подушные показатели, как отмечал сам Литвак в острокрытическом отзыве о проведенном Ковальченко анализе поместий Гагарина³⁹.

В Петровском вплоть до 1825 г. ежегодно весной производилось частичное перераспределение крестьянских земельных наделов, повинностей по обработке господской запашки и налогов, причем все они определялись количеством тяглов. Позже это перераспределение проводили раз в два года. Необходимость в общем переделе никогда не возникала, так как постоянный процесс регулирования учитывал все браки крепостных, рекрутские наборы, побег, миграции, освобождения от работ и смерти. При системе переделов общая площадь пахотной земли того или иного двора распределялась с учетом количества тяглов, которое, в сущности зависело от численности двора (см. рис. 3). Сделанный Литваком перерасчет таблиц Ковальченко свидетельствует именно о таком равномерном распределении земли, хотя сам Литвак его не упомянул. Таким образом, более многочисленные дворы имели больше земли, но, как показывает рис. 4, размер земель-

ного надела в расчете на человека был почти одинаковым, вне зависимости от того, сколько тягол или домохозяев приходится на двор. 82% населения села Петровское проживало в дворах, насчитывавших от 6 до 14 человек. В этих дворах средний размер участка по численности двора варьировал от 1,46 до 1,70 десятины на душу, то есть в пределах всего лишь 16%. В очень крупных дворах, объединявших более 14 домохозяев (в таких дворах проживало 8% населения села), средний размер земельного надела на человека оказался не намного меньше и варьировал в пределах 1,22—1,70 десятины.

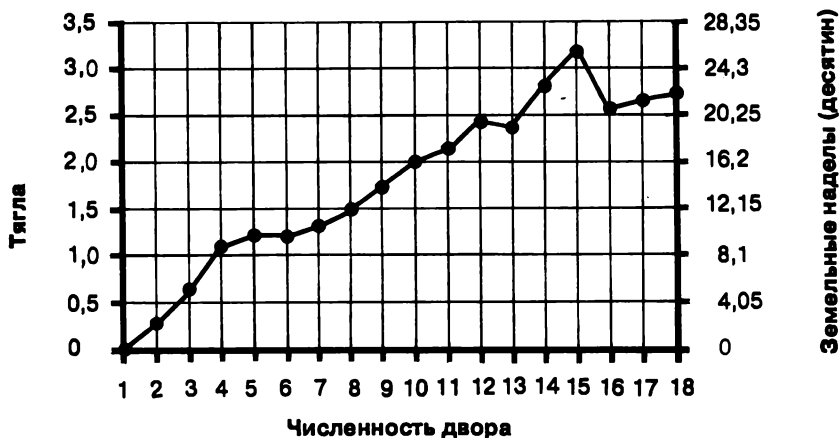

Рис. 3. Тягла и земельные наделы (в указанных десятинах) в зависимости от численности двора, село Петровское, 1813—1827.
 Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ед.хр. 1495; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41, 59, 121, 186, 344, 357.

Дворы же, объединявшие менее 6 человек, отличались большей статистической вариативностью, однако нельзя утверждать, что они были либо богаче, либо беднее многонаселенных дворов. В любом случае объем данных как для очень многонаселенных, так и для весьма малонаселенных дворов слишком ограничен для того, чтобы делать какие-либо выводы. В отношении дворов, насчитывающих от 6 до 14 человек, имеется достаточное количество данных, и они свидетельствуют, что проходивший ежегодно или через год частичный передел земли исключительно эффективно обеспечивал равный доступ к пахотной земле на основе трудового потенциала и потребительских нужд.

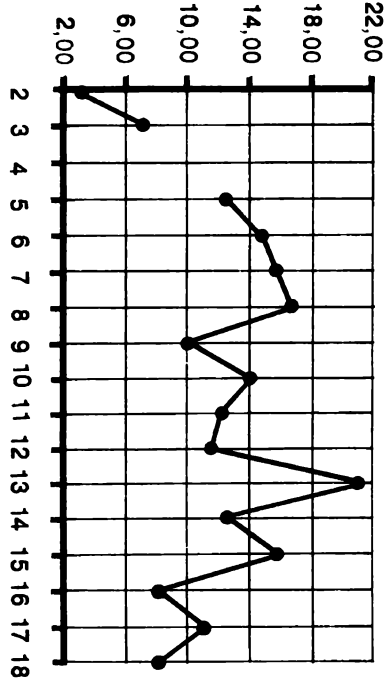
В Петровском существовало немного дополнительных источников дохода, которые в принципе могли способствовать значительному экономическому расслоению. Основным занятием кре-

ствия было выращивание зерновых, причем домашний скот, как имущество, также приобретался за счет земледелия. Ремесла и мелкое домашнее производство не получили в этом регионе значительного развития, и крестьяне Петровского не занимались данными видами деятельности. Существенно ограничен был доступ крепостных к дополнительной земле, имение сдавало в аренду только 90 десятин резерва как для собственных крестьян, так и для не приписанных к имению. Приказчики предпочитали оставлять эти земли необработанными. Зимой крестьяне тратили много времени на обмолот зерна и доставку его на рынок, а также имели возможность заработать, нанимаясь перевозить грузы. Распределение этой работы в значительной степени зависело от распределения лошадей, которое было сравнительно равномерным (см. рис. 4). Архивы имения сообщают, что четверо крепостных арендовали права на занятия рыболовством на озере, являвшемся собственностью имения, что, вероятно, обеспечивало им определенный дополнительный доход, но ссылки на другие случаи такого рода отсутствуют⁴⁰. Хотя возможности найти дополнительную работу оставались ограниченными для большей части Центрального черноземного района, так было не во всей России. Следовательно, в других районах можно предположить наличие определенной экономической дифференциации, хотя и сдерживаемой еще обычаями кладки.

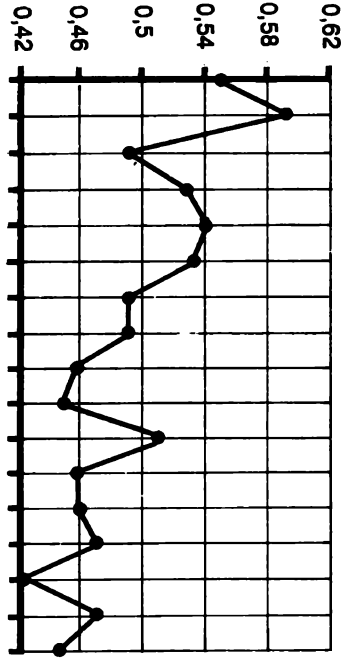
Изучение многих доиндустриальных обществ обнаружило прямую корреляцию между численностью двора и объемом материальных благ на человека. Согласно ряду эмпирических исследований, более многонаселенные дворы тяготели к более высокому соотношению «капитал/работник» и, казалось, получали прибыль за счет более эффективного использования производственных факторов из-за экономии на масштабе⁴¹. Тем не менее, как показывают данные по Петровскому, если преимущества и накапливались в многонаселенных дворах, которые могли функционировать вместе как социальная центрифуга, разделявшая крестьян на различные экономические слои, то таким преимуществам противостояли сильные уравнивательные механизмы⁴². Из табл. 26 видно, что по мере увеличения численности двора соотношение неработающих к работающим имело тенденцию к увеличению, в основном в силу большой доли детей среди них. Это нивелировало отдельные преимущества, которые давал многонаселенный двор. Рис. 4 показывает довольно равномерное распределение материальных благ среди дворов разной численности в Петровском, особенно — для дворов по 6—14 человек, которые охватывали более 80% населения села. Здесь также никаких выводов по поводу малого количества очень больших или очень маленьких дворов сделать нельзя.

Это отнюдь не означает, что среди отдельных дворов не было существенных различий в объеме материальных благ на душу.

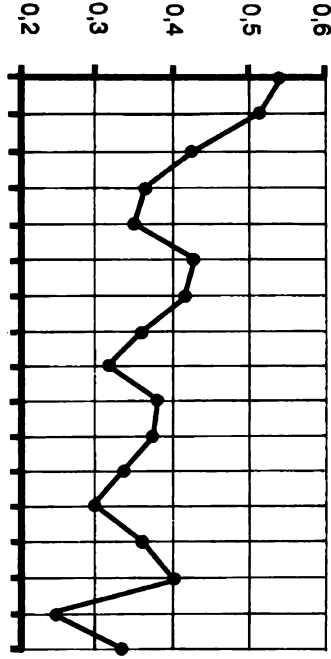
Стоимость лошадей (руб.)
на душу (1821)

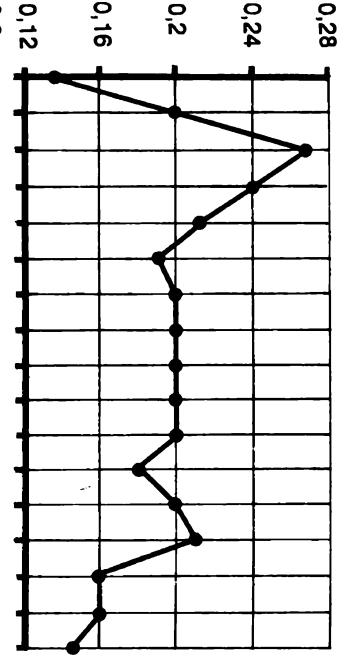
Лошадей на душу

Коров на душу

Тягол на душу

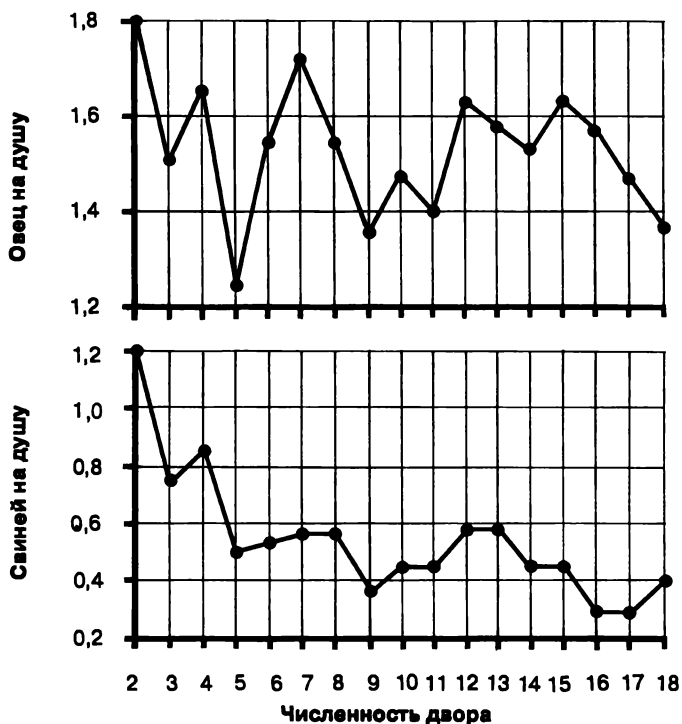

Рис. 4. Подушное распределение земли и скота в зависимости от численности двора, село Петровское, 1813—1827.

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ед.хр. 1495; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41, 59, 121, 186, 344, 357.

Сравните следующие два двора села Петровское в 1813 г.: во главе первого, указанного в описи под №20, находился 45-летний Федор Иванов и его жена Афимья Егорова. У них было трое детей: Иван с жившей при нем женой Афимьей Назаровой, 12-летний слабоумный Андрей и 3-летняя Алена. Всего 6 человек с двумя тяглами, 3 лошадьми, 2 коровами, 15 овцами и 5 свиньями. Двор №25 во главе с Петром Назаровым и его женой Ариной Федоровой находился в гораздо худшем положении. С Петром Назаровым проживали три незамужние сестры, одна из них — хромая, три его собственные дочери и овдовевшая свояченица с тремя неженатыми детьми. Петр Назаров и его жена составляли единственное тягло и должны были поддерживать 12 человек, располагая при этом половиной земли и фактически тем же поголовьем домашнего скота, что и Федор Иванов⁴³.

Но такие различия не были результатом обычая, правовых или институциональных факторов, работавших на углубление эконо-

мической дифференциации. В Петровском объем материальных благ не зависел от наследования, семейного статуса или возможности распоряжаться 'несоразмерным количеством производительных ресурсов. Самое большое влияние на дифференциацию оказывали биологический цикл дворов и удачливость. К несчастью Назарова, его родители умерли, оставив ему трех незамужних сестер, к несчастью, брат Назарова умер, оставив ему четырех нахлебников, и, к несчастью, все его дети были еще неженаты. Напротив, к Федору Иванову судьба была благосклонна, послав ему четырех взрослых работников при хозяйстве в 6 человек. Как писал Т. Шанин, «отнюдь не являясь необычными случаями, кризисы и удачи составляли неперемный элемент крестьянской жизни» и «поэтому они должны были вызывать заметную социально-экономическую мобильность среди крестьянских хозяйств»⁴⁴.

Действительно, судьба могла быть благосклонной, но только временно. В Петровском, то ли в силу биологических факторов, то ли в силу случая, богатый становился беднее, а бедный богаче. Анализ динамики крестьянских дворов, за исключением тех, что подверглись разделению, слиянию или прекратили свое существование (эти серьезные изменения являются неотъемлемым уравнивательным механизмом)⁴⁵, показывает наличие на селе очень сильных уравнивательных тенденций. В табл. 27 отражена судьба тех 40 дворов села Петровского, которые в 1813—1827 гг. не подверглись ни разделению, ни слиянию. Они составляют 63% от общего количества дворов. Как видно из таблицы, чем больше тягол (и, соответственно, пахотной земли) имел двор в 1813 г., тем больше вероятность того, что в 1827 г. это количество уменьшилось. Из 14 дворов с двумя или более тяглами в 1813 г. восемь (57%) имело к 1827 г. меньше тягол, три (21%) — то же самое количество и три — больше. Напротив, из 26 дворов с менее чем двумя тяглами в 1827 г. 14 (54%) имело больше, 9 (35%) — то же количество и только три (12%) — меньше.

Распределение лошадей — показатель, который чаще всего используется советскими историками при анализе экономического расслоения. Данные о Петровском отчасти замаскированы совокупным увеличением на 40 голов общего числа лошадей, которыми владели дворы, вследствие принятого именем решением помогать крестьянам в покупке лошадей. Тем не менее ситуация оставалась той же самой. Дворы с малым количеством лошадей (от 0 до 2) в 1813 г. в целом улучшили свое положение к 1827 г. Дворы с большим количеством лошадей (5—6) в 1813 г. спустя, условно говоря, 14 лет становились беднее. Наконец, следует отметить, что мобильность в дворах, не подвергшихся слиянию или разделению, имеет тенденцию к некоторому увеличению, вызванную ростом народонаселения.

**Возрастная структура в зависимости от численности двора, с. Петровское,
1813—1821 гг.**

Численность двора									
Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9
0—19	0,0	30,0	43,8	39,6	43,7	46,2	53,0	54,6	53,2
20—59	16,7	60,0	52,1	58,3	54,9	52,2	42,9	42,5	41,5
60+	83,3	10,1	4,2	2,1	1,4	1,6	4,1	2,9	5,4

Численность двора									
Возраст	10	11	12	13	14	15	16	17	18
0—19	55,6	55,5	54,6	53,8	59,5	56,2	60,4	64,7	55,6
20—59	41,2	42,6	41,3	41,9	36,3	41,1	35,4	32,4	33,3
60+	3,2	1,9	4,2	4,3	4,2	2,7	4,2	2,9	11,1

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, сд.хр. 41, 59, 121, 186.

Примечание: В процентном выражении.

Проанализировать ситуацию после 1827 г. невозможно, так как интервал до следующих подворных описей слишком велик. При больших интервалах между описями и соответствующими изменениями в составе и структуре двора, притом что у большинства крестьян не было фамилий, проследить изменения в отдельных дворах с какой бы то ни было определенностью не представляется возможным. Литвак отмечает, что из 42 бедных дворов (по его подсчетам) во всем Петровском имении в 1813 г. только два оставались в той же категории в 1856 г. Но сам он справедливо полагает, что многие из этих дворов оказались вне поля зрения. Тем не менее Литвак признает потенциальную пользу динамического анализа и резко критикует Ковальченко за то, что тот не провел такого анализа, хотя сам он от подобной попытки воздержался, определив ее как сложную методологическую проблему⁴⁶.

Как свидетельствуют все данные, материальные блага в Петровском распределялись на строго уравнительной основе, ограниченной только биологическими колебаниями и случайностями, над которыми крепостные, община и имение почти или вовсе не имели контроля. Более того, здесь не выявлено какой-то постоянной или ярко выраженной экономической дифференциации, не было кулаков или *бедняков* в советском смысле слова, а имелись лишь находящиеся в состоянии постоянного изменения дворы. Мобильность оставалась эндемической; стратификации не существовало. Социальный статус, если бы таковой имел место в Петровском, не мог бы определяться на основании земли — наиболее ценного ак-

Динамика крестьянской мобильности, с. Петровское, 1813—1827 гг.

Количество лошадей	Количество дворов в 1813 г.	Количество дворов в 1827 г.		
		Меньше лошадей	Столько же лошадей	Больше лошадей
0	1	—	—	1
1	2	—	—	2
2	11	1	3	7
3	9	3	2	4
4	9	3	1	5
5	7	2	1	4
6	1	1	—	—
Всего	40	10	7	23

Количество тягол	Количество дворов в 1813 г.	Количество дворов в 1827 г.		
		Меньше тягол	Столько же тягол	Больше тягол
0,0	2	—	—	2
1,0	22	3	9	10
1,5	2	—	—	2
2,0	10	5	2	3
2,5	4	3	1	—
Всего	40	11	12	17

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ед.хр. 1495; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41, 59, 121, 186, 344, 357.

тива общества, — поскольку крепостные не распоряжались землей, она регулярно перераспределялась, ею наделяли в соответствии с возможностью обрабатывать участок. Наличие домашнего скота, являясь потенциальной базой статуса, находилось в зависимости от выращивания зерна и общинных пастбищ и, следовательно, отражало их распределение. Кроме земли и домашнего скота, мало что имело ценность.

Таким образом, утверждение Гуди о том, что выкуп за невесту укреплял экономическое равенство и практиковался в «сравнительно однородных» обществах с незначительной социально-экономической дифференциацией и несущественной ролью статуса, применительно к Петровскому представляется верным. Примитив-

ный уровень сельскохозяйственной технологии не являлся предпосылкой института выкупа за невесту. Сформировавшиеся механизмы — переделъная земельная община, биологические жизненные циклы, разделение, слияние и вымирание дворов, а также случайная многонаправленная мобильность — могут обеспечить ту же уравнительную социально-экономическую структуру. Более того, верно предположение Бозеруп о том, что выкуп за невесту характерен для аграрных обществ, где существенную долю полевых работ выполняют женщины, хотя, возможно, большое значение женского сельскохозяйственного труда объясняется экологическими, а не только технологическими причинами.

В Петровском кладка дополняла другие уравнительные действия и тенденции. Она ограничивала экономическую дифференциацию, которая в противном случае неизбежно имела бы место в результате брака и создания новых тягол. Кладка способствовала равномерному распределению дочерей и невесток, то есть происходил как бы обмен одной на другую. Экономическая потеря от неучастия в этом процессе, то есть от наличия незамужней дочери вместо кладки, которую можно было сохранить или использовать для привлечения невестки, была очень высока. «В России организация общины такова, что всегда женатых крестьян более, нежели неженатых; так что редко можно встретить там неженатого человека. И это стремление к женитьбе по экономическим побуждениям привело в некоторых местностях к чудовищным последствиям»⁴⁷. Под последними автор данного утверждения, сделанного в XIX в., подразумевал неслепой ранний брачный возраст мальчиков, иногда даже — 6—7 лет, и *снохачество*, половые отношения между свекром и невесткой, одна из главных проблем, с которыми сталкивались женщины, будучи новыми членами двора. Ни одна из этих проблем, казалось, не стояла серьезно в Петровском. Но при существовавшей доступности пахотной земли как кладка, так и передел земли были связаны с ранними браками, так как они способствовали достижению достатка, увеличивали производственную мощность двора, расширяли общинную налоговую базу и, что наиболее важно, подразумевали разделение этого достатка между дворами жениха и невесты. Несомненно, получить эти выгоды стремились как можно раньше, как только молодая пара была в состоянии выполнять необходимые обязанности.

Такое эгалитарное распределение материальных благ между дворами в соответствии с их численностью или количеством тягол, соотношением земли, трудовых ресурсов и поголовья домашнего скота, было также оптимальным использованием производительных ресурсов при низком уровне сельскохозяйственной техники, а также других ограничителях, имевших место в этом обществе. Любой дисбаланс снижал бы общий объем производства, например, перебор лошадей в одном хозяйстве и их недобор в другом означал ущерб как для имения, так и для обоих дворов. Следовательно,

приказчики и помещики ясно осознавали необходимость справедливого распределения материальных благ. Сэр Дональд Маккензи Уоллэс, описывая свои путешествия по России в 70-е гг. XIX в., отмечал, что владельцы крепостных, «явно преследуя свои интересы, а также по соображениям благотворительности», заранее предотвращали углубление экономической дифференциации. Однако после освобождения крестьян в 1861 г. «общинное равенство, искусственно поддерживавшееся» крепостниками, было ослаблено предприимчивыми личностями, стремившимися повысить свой статус. В начале 1861 г. издатели журнала Императорского московского сельскохозяйственного общества также сообщали своим немногочисленным читателям, что после освобождения от крепостного права следует ожидать гораздо более глубокого экономического расслоения крестьянства. И если вплоть до этого рубежа и бедные, и зажиточные крестьяне имели орудия труда и тягловый скот для обработки земли, что было следствием «помещичьей опеки», то первый же следующий неурожай приведет к краху «искусственных хозяйств», получавших финансовую поддержку имения, которые больше не смогут заниматься земледелием⁴⁸.

Как считал Насонов, в поместьях семьи Юсуповых плохое управление обернулось экономической дифференциацией в среде крепостных. Иными словами, добросовестному приказчику приходилось непосредственно вмешиваться в дела крестьян для того, чтобы предотвратить расслоение, даже если оно было вызвано удачей или биологическим жизненным циклом крестьянского двора. Наибольшее значение при этом имело принуждение к периодическому перераспределению пахотных земель и обеспечение всем дворам одинакового доступа к общинным пастбищам и лугам. Но приказчик в Юсуповском имении получил также указание предотвращать сдачу крепостными друг другу в аренду находившихся в их пользовании земель, ограничить продажу крепостными зерна и домашнего скота и помочь более бедным дворам в приобретении тягловых животных⁴⁹.

Таким образом, управляющие крепостными имениями располагали несколькими способами оптимизации производства: довести до максимума размер господской запашки, максимизировать количество тяглов, то есть регулировать первые браки, повторные браки вдов и вдовцов и возраст, освобождающий от трудовой повинности, уравнивать имущество. В XIX в. управляющие осознали, что одно только увеличение количества тяглов или господской запашки отнюдь не означает неизбежного повышения доходов. На практике такая политика могла разрушить имение, подрывая благосостояние крестьян и истощая их домашний скот. Высокие доходы скорее обеспечивались способностью административных лиц имения сделать каждое тягло в равной степени эффективным при обработке земли, не истощая при этом крестьян и их тягловый скот⁵⁰. Конечно, оптимизация количества тяглов и размера господ-

ской запашки все еще сохраняла определенное значение, но простое увеличение крестьянских повинностей могло привести к крайности. Активный поиск уравнивания производственных мощностей не таил в себе экономического риска.

Размер господской запашки в значительной степени определялся способностью крепостных обеспечить должный уровень обработки земли. В Петровском крепостные отвечали за обработку 5,4 гектара пахотной земли и от 1,1 до 1,4 гектара сенокосного луга на тягло, причем луга использовались для поддержки хорошо развитого в имении коневодства⁵¹. Таков был традиционный объем крестьянских повинностей, выполняемых на господских землях во всем регионе, и, вероятно, простое увеличение количества земли, предназначенной для обработки крестьянами, должно было бы привести к ее менее эффективной эксплуатации и необязательно — к увеличению объема производства⁵².

Регулирование браков, которые существенно влияли на количество тяглов, уже рассматривалось выше. Выгоды старших крепостных, заботившихся о вступлении членов своего двора в брак в молодом возрасте, практически означали, что самому приказчику не вменялось прямо вмешиваться и принуждать крепостных к первому браку. Совпадение интересов главы семьи и управляющих имения, поощрявших ранние и всеобщие браки, скорее заставляло родителей, бабок и дедов, дядьев и теток брать на себя инициативу и ответственность. В Петровском вообще нет доказательств того, что приказчикам когда-либо приходилось устраивать первые браки крепостных землепашцев.

Напротив, новгородский губернатор Сиверс писал, что в конце XVIII в. «землевладельцы в России обыкновенно принуждают к браку молодых людей и делают это для того, чтобы иметь лишнюю пару, то есть новое тягло, на которое можно еще наложить работу или оброк»⁵³. Разумеется, можно привести ряд примеров, когда владельцы крепостных устраивали все браки своих крестьян⁵⁴, но о случаях, когда даже родители пары не имели права голоса, известно мало. Тем не менее представляется логичным, что в деревнях с глубокой социально-экономической дифференциацией, сложившейся в результате редких переделов земли или других причин, особенно из-за доступности несельскохозяйственного труда, должны были бы отсутствовать факторы, стимулировавшие главу семьи к заключению ранних браков, а определение статуса являлось бы более важным стимулом. В последнем случае потребовалось бы непосредственное вмешательство помещиков (в организацию браков) для того, чтобы увеличить количество тяглов. Имеются свидетельства, подтверждающие данное предположение. Так, в небольшой деревне Подольского уезда Московской губернии несколько мужчин из бедных семей не смогли жениться, поскольку родители незамужних женщин по экономическим причинам не разрешали своим дочерям вступать в брак, предпочитая

иметь дополнительные рабочие руки дома. Когда деревня была продана новому помещику, отцы холостых мужчин потребовали, чтобы он заставил девушек выйти замуж. Помещик отметил, что незамужние женщины в соседних имениях не приучены к постоянной работе, являются обузой для своих родственников, способствуют только усилению половой распущенности и падению общественной морали, и приказал им выйти замуж в течение трех лет. «Как... благонамеренным помещикам было не вмешиваться в браки крестьян?» — спрашивал владелец этой деревни⁵⁵. Согласно Калачову, экономическое расслоение среди хозяйств крепостных было главной причиной вмешательства помещиков в брачные союзы. Если же помещик оставался в стороне, то община или деревенские старейшины брали дело в собственные руки, устраивая браки на деревенских сходах. Такое вмешательство воспринималось как неизбежное зло, но крестьянские общины и владельцы крепостных чувствовали, что дополнительное тягло более важно, чем определение статуса хозяйства или социальные издержки, сопровождающие принуждение к браку⁵⁶.

При отсутствии социально-экономической дифференциации гарантировались ранний и всеобщий первый брак и более высокий уровень производства, взаимная выгода глав семей и имения. При этом у приказчика не возникало необходимости вмешиваться в брачный процесс. Когда речь шла о повторном браке, вся социальная и экономическая структура, сговор «власть имущих» и совпадение интересов рушились. Высокий уровень смертности в Петровском и, следовательно, значительное число овдовевших крестьян имели очень серьезные последствия, поскольку существенно ограничивали количество тяглов. В 1813—1856 гг., как показывают 10 лет наблюдений, в среднем 7,3% всех женщин в возрасте 30—39 лет и почти 27% в возрасте 40—49 лет составляли вдовы. Ни одна из этих женщин не была включена в тягло, не несла никаких барщинных повинностей в имении, и, как представляется, вдовам нравилась такая ситуация.

«Крестьянская вдова Авдотьи Каштановой, *выходное письмо*, для выхода в замужество за постороннего крестьянина выдано. Причем Правление осмеливается донести, что по Петровскому имению, очень много вдов, которые избалованы, выдачей им по заведенному порядку, земли, так называемый вдовьи, решительно отказываются выходить в замужество, за своих крестьян, в избежание тягловой работы»⁵⁷.

Приказчик предложил по меньшей мере покончить с практикой разрешения вдовам покупать себе вольную, если они выходили замуж за пределы имения, поскольку это только поощряло их поступать таким образом. Сумма выплаты, затребованная в одном случае в 1854 г. за предоставление вольной, составляла 52,5 рубля ассигнациями (15 рублей серебром), и, вероятно, и это была вполне стандартная цена⁵⁸. Приказчик в Петровском предпочел бы до-

полнительное тягло, но главная контора в Москве была настроена решить вопрос в пользу денег.

Вдова с неженатыми детьми во дворе ее умершего мужа, если только она не возглавляла хозяйство, оказывалась в трудном положении. Ее дети, которых эта семья растила и поддерживала, оценивались с точки зрения их будущей роли в привлечении кладки или получении земельного надела. Поэтому семья не хотела расставаться с ними. Если же вдова вторично выходила замуж в другую семью, то уход ее детей наносил существенный урон прежней семье. Значительно обостряли проблему демографические факторы, поскольку вероятность того, что женщина овдовест, увеличивалась с возрастом, когда ее дети приближались к зрелости. Поэтому вдова с сыновьями и дочерьми, достигшими брачного возраста, являлась завидным приобретением для другой семьи. Но чем моложе была вдова и ее дети, тем менее желательны они были как в их собственном хозяйстве, так и в любом другом, в которое вдова могла выйти замуж. Более того, если вдова вступала в повторный брак, она должна была войти в тягло и работать, и, конечно, ее неучастие в работе не только представляло проблему для приказчика и общины, но и являлось источником серьезных трений в семье ее умершего мужа. Вдовий земельный надел размером не более 1,2 гектара пахотной земли мог удовлетворять продовольственные потребности ее детей, но ничего не давал для содержания домашнего скота или подворья и не обеспечивал излишков для покрытия других расходов.

Все эти факторы, влиявшие на вдовий статус, только усиливали двусмысленность ее положения и способствовали появлению различных вариантов пересмотра неопределенной роли вдовы в семье умершего мужа и в имении. В Петровском приказчик и, несомненно, община как таковая настаивали на повторном вступлении вдов в брак. Вдовы предпочитали не делать этого. Вдовцы, которым после смерти жены назначалась половина тягла, как правило, стремились повторно жениться для того, чтобы получить полное тягло и, следовательно, большее количество земли, а также жену, которая выполняла бы домашние обязанности; но при возможности вдовцы пытались найти для брака одинокую женщину. Рекрутские наборы обычно приводили к появлению избытка одиноких женщин. Управляющие имением могли проводить свою политику разными методами — принуждать вдов к вступлению в брак с крестьянами данного имения, позволять женщинам оставаться одинокими и не принимать участия в работах, избавляться от вдов, разрешая им вступать в брак за пределами имения, чтобы получать деньги за предоставление им вольной, и время от времени приказчики в Петровском прибегали к тому или иному ее варианту.

«Вдовья проблема» была неизбежным следствием поощрения ранних и всеобщих первых браков. Главы семей часто конфликтовали друг с другом и управляющими имения по поводу повторного брака вдовы. В результате нежелания вдовы повторно выходить

замуж и потери обоими заинтересованными дворами определенных выгод широко распространенное вдовство стало одним из социальных, экономических и культурных последствий жизни крепостных. Естественно, что власть приказчика, воля общины и интересы некоторых старейшин не всегда удавалось реализовать.

Достижение возраста освобождения от трудовых повинностей также явно влияло на количество тягол и, следовательно, на уровень производства. Но возраст, в котором крепостные прекращали работать, в значительной степени определялся их физическим состоянием. В этом смысле возможности приказчика были ограничены. Многочисленные инструкции, предназначавшиеся для управляющих имениями, часто указывали, что мужчинам вменяется выполнять тягло до 60 или 65 лет, но это было лишь благим пожеланием⁵⁹. На практике большинство крепостных, как представляется, освобождалось от барщинных повинностей и лишалось земельных наделов в возрасте между 50 и 60 годами⁶⁰. Средний возраст, в котором мужчины из Петровского освобождались от тягла, составлял 54 года. Как свидетельствуют подворные описи, мужчины от 40 до 50 лет не полностью выполняли свои повинности, будучи не в состоянии справиться с ними либо по состоянию здоровья, либо из-за вдовства. 90% всех мужчин в возрасте 45—49 лет работали, но после этого возрастного ценза пропорция резко снижалась. 61% мужчин в возрасте 50—54 лет работали, в то время как только 15% всех мужчин в возрасте 55—59 лет все еще обрабатывали господскую запашку; причем ни один из них не выполнял полное тягло (см. табл. 28). Данные о том, каким образом определялся возраст ухода с работ отдельных людей, отсутствуют, но в целом следовало бы отметить, что крепостные от 50 до 60 лет, скорее всего, должны были иметь внуков и внучатых племянников, приближавшихся к брачному возрасту. По всей вероятности, умение хозяйства сохранять свою экономическую жизнеспособность, соотношение между числом едоков и числом работников, или, как ее называли, «тяглоспособность», служила главной причиной прекращения тем или иным крестьянином выполнения барщинных повинностей.

Таблица 28

Окончание трудовой деятельности у мужчин, с. Петровское, 1813—1827 гг.

Возраст	Не работают (%)	Несут половину тягла (%)	Несут полное тягло (%)
40—44	2	3	95
45—49	10	27	63
50—54	39	30	31
55—59	85	15	0

Источник: См. табл. 27.

Наконец, с целью оптимизации производства приказчики в Петровском, так же как и повсюду, стремились обеспечить справедливое распределение имущества и даже ограничить неравенство, обусловленное случайностями или биологическими колебаниями. Это диктовалось необходимостью сохранить ранний всеобщий брак и предотвратить неэффективное использование имевшихся ресурсов. В Петровском в обязанности приказчика входили надзор за переделами господской запашки и крестьянской земли, организация измерения земель имения, помощь дворам, не имевшим достаточного количества лошадей, в приобретении тяглового скота, предотвращение сдачи крепостными в аренду их земельных наделов или обмена своими барщинными повинностями, освобождение некоторых людей на год или два от трудовых повинностей для того, чтобы помочь им справиться с экономическими трудностями. Все эти меры уменьшали экономическое расслоение.

Распределение земли в соответствии с трудовым потенциалом хозяйства было делом довольно простым, не требовавшим серьезного вмешательства приказчика. Тягла перераспределялись на проходивших весной общинных сходах — часто единственном за год сборе деревенских общин. Спорных вопросов практически не возникало, так как в большинстве случаев объем повинностей был ясен. При необходимости личные полоски земли разыгрывались путем жеребьевки. Проблемы могли возникнуть только при назначении половинных тягол молодым, неженатым мужчинам и при ограничении повинностей пожилых крестьян. Конфликты разрешались либо общиной, либо, как правило, приказчиками, поскольку они никогда не сообщали о проблемах такого рода своему начальству в Москву.

Постоянное расширение господской запашки и крестьянских полей, образование в имении в течение XIX в. двух новых поселений и меняющиеся темпы чистого прироста населения в каждом из 8 сел имения обуславливали проведение периодических землемерных работ. Необходимость отделения крестьянской пахотной земли от господской запашки, необходимость следить за тем, чтобы увеличение количества тягол не создавало дисбаланса между приписанными к каждому тяглу земельными наделами и необходимостью обеспечить каждое поселение общинными землями в соответствии с количеством тягол, — все это требовало найма землемера для перегруппировки, объединения полей там, где это возможно, и перераспределения пастбищных угодий. В Петровском это приходилось делать приблизительно каждые 20 лет.

В отличие от надзора за переделом земли и найма землемера, другие действия приказчика по ограничению экономической дифференциации среди хозяйств требовали более пристального внимания к жизни крестьян. Меры были в первую очередь направлены на обеспечение помощи более бедным дворам с целью повышения их производительности. В частности, в Петровском приказ-

чики вели очень подробные записи о дворах, где имелось слишком мало лошадей для выполнения трудовых повинностей и обеспечения потребительских нужд членов семьи.

Как отмечал приказчик в ходе проверки каждого двора в имении после продовольственного кризиса и недостатка корма зимой 1833—34 г., которые, очевидно, стимулировали значительную экономическую мобильность, обусловленную изменениями в соотношении «едоки/работники» и количестве домашнего скота во многих дворах, приблизительно у 20% всех тяглов оставлось слишком мало лошадей. Почти у 4% всех тяглов лошадей вообще не имелось⁶¹. В течение следующих нескольких лет имение потратило 2,5 тыс. рублей на покупку лошадей для этих тяглов, фактически значительно ограничив экономические последствия кризиса и уравнивая большую часть вызванного им экономического расслоения. К 1839 г. лишь у 11,3% всех тяглов не хватало лошадей для обработки господской запашки и своих наделов пахотной земли, то есть почти у половины от аналогичного показателя пятью годами раньше. Только у 2% не было никаких тягловых животных⁶². Кризисы заставляли помещика вкладывать значительный капитал, для того чтобы сохранить баланс земли, труда и домашнего скота, обеспечить благосостояние крестьян и максимально увеличить производство зерна. Одной из причин составления подворных описей было стремление контролировать положение в отдельных дворах и следить за тем, чтобы каждый двор в зависимости от количества тяглов имел необходимое поголовье домашнего скота, особенно тягловых животных. На основе этих документов приказчики составляли списки дворов, нуждающихся в лошадях, и отправляли свои рекомендации в главную контору в Москве. При этом учитывались характер главы семьи и репутация домочадцев — работающие или ленивые, занимаются домашним хозяйством старательно или спустя рукава. Подобные комментарии влияли на решение управляющих имения о выдаче крепостным денежной ссуды для покупки лошадей. Обычно долги выплачивались в течение двух лет⁶³. Эти меры были также направлены на ограничение расслоения и уменьшение риска невыживания бедных дворов.

Невнимательность к обязанностям на подворье, небрежная обработка надела пахотной земли или сдача его в аренду, засев оставленного под паром поля, продажа зерна и другие несанкционированные формы деятельности подрывали благосостояние семьи, способствуя еще и углублению экономической дифференциации. Более того, в некоторых случаях, касающихся приведенных примеров, отдельные дворы получали выгоду за счет других. Приказчики в Петровском пытались полностью предотвратить подобные действия. Штрафные книги в имении содержат 73 примера наказаний за пять названных видов проступков, наложенных в течение 13 лет (по которым сохранились полные записи). Эти записи сообщают только о 2,2% приведенных в исполнение наказаний, указы-

вая на их сравнительную редкость, хотя недозволенная продажа зерна или домашнего скота легко могли пройти незамеченными. Однако характер других нарушений делает маловероятной возможность того, что они оставались незамеченными, и даже при принятии дисциплинарных мер такие случаи должны были фиксироваться в документах⁶⁴. Следовательно, приказчики эффективно предотвращали участие крепостных в тех видах деятельности, которые способствовали углублению экономической дифференциации, хотя более вероятно, что сами крестьяне, или, точнее, главы семей, воздерживались от такой деятельности.

Крестьянская община имела очень серьезные причины соглашаться с позицией управляющего имения и стремиться к экономическому равенству. Хотя государственные и местные налоги, другие денежные выплаты рассчитывались на одну мужскую душу, согласно ревизии, во многих районах России практиковалось перераспределение налогов на тягло, притом что община в целом отвечала за общую сумму. Так происходило и в Петровском. Если тягло не выполняло своих обязательств по платежам, остальным вменялось в обязанность возместить убытки. Таким образом, крестьянская община была в некоторой степени заинтересована в том, чтобы каждое тягло могло выполнять свои денежные повинности. Но эта заинтересованность подразумевала только обеспечение минимального уровня благосостояния, а не радикальное уравнилельное распределение материальных благ, существовавшее в Петровском.

Как отмечали многие этнографы и социологи, в докапиталистических обществах постоянный страх перед продовольственными кризисами обусловил явление, которое Джеймс Скотт называл «этикой выживания». Считалось, что эта моральная точка зрения была распространена в XIX в. среди французских, русских и итальянских крестьян, а в настоящее время представлена во многих развивающихся странах⁶⁵. Этика выживания предполагала, что в экономическом плане крестьяне стремятся избежать риска, а в социальном — к налаживанию таких взаимоотношений, которые обеспечивали бы помощь во время кризиса. Но, как отмечает Скотт, гораздо более важно то, что эта этика обеспечивает право на «жизненную нишу», а в нормальное время гарантирует «выживание слабейшего»⁶⁶. Общинные земли, поделенные на полоски поля и даже периодический передел пахотных земель, — все это элементы этики выживания. В сущности, общество делило между своими членами также тот риск, который был связан с превращениями природной среды.

Нет оснований считать, что в Петровском придерживались других взглядов и настроений. Но, так же как и в случае с общинным налогом, этика выживания требовала лишь частичного перераспределения материальных благ, необходимых для обеспечения «минимальной продовольственной страховки», а не максимально воз-

возможного ограничения социально-экономической дифференциации⁶⁷. В Петровском распространялась более чем простая этика выживания. Ярко выраженное уравнилельное распределение материальных благ было жизненно важным элементом социального и политического устройства имения. Силы, способствующие нивелировке экономических различий, наряду с ранним и всеобщим браком, высокой плодovitостью, большими патриархальными семьями и стабильными формами дворов служили средствами структурирования и распределения власти среди крепостных, а также реализации основной цели института крепостничества — обеспечения дохода помещика. Все эти стороны жизни крепостных служили главной поддержкой системы контроля, основанной на сговоре и взаимодействии приказчика и старейшин, то есть глав семей.

В центре внимания работ по проблемам социальной стратификации внутри крестьянских обществ, как правило, была дифференциация дворов по имуществу и статусу. Обычно различают мелких собственников земли, крестьян-арендаторов и безземельных тружеников либо крестьян с одинаковым отношением к производственному процессу различают по количеству земельного надела и поголовья скота на душу населения. Разумеется, такой метод анализа бесполезен в применении к Петровскому, где подобные различия отсутствовали. Но и патриархальное общество было также очень стратифицировано. В нем существовало свойственное всем хозяйствам и обеспечивавшее основу для общинного или междворового контроля четкое деление по поколениям.

В основе своей патриархальное общество — это не что иное, как движение материальных благ и власти от младших к старшим. В патриархальной структуре Петровского двор был в первую очередь объектом эксплуатации не только со стороны помещиков, как представителей политической элиты, но и со стороны старейшин из числа крепостных. Старейшина стремился улучшить свое положение не притязаниями на непомерную большую часть материальных благ или производственных ресурсов деревни, не конкуренцией с другими дворами, а как можно более эффективной эксплуатацией своих собственных домохладцев. Его статус определялся положением внутри семьи, способностью контролировать экономические решения и плодovitость, а также способностью сохранять свое превосходство над другими членами семьи.

Равномерное распределение земли, рабочей силы и домашнего скота в Петровском не только оптимизировало производство зерна в крестьянских хозяйствах и в имении в целом, повышая общий уровень жизни, но и сводило к минимуму конфликты между дворами, ограничивало споры по поводу материальных благ и власти внутри политического руководства деревни. Это был правящий слой крестьян, членство в котором определялось в первую очередь возрастом. Эта правящая элита, состоящая из глав семейств,

по ряду вопросов сходилась во мнениях с управляющими имения, а вместе они действовали в рамках социальной системы, выдвигавшей и защищавшей их общие интересы. Сохраняя большую патриархальную семью либо с помощью непосредственного контроля за разделением дворов, либо путем предоставления старейшинам деревни права регулировать размер дворов, приказчики поддерживали саму основу патриархальной власти. Она в свою очередь обеспечивала управляющих имения сильным союзником в борьбе за то, чтобы остальные крепостные работали продуктивно и вели себя должным образом.

Непосредственные экономические выгоды, которые ранний и всеобщий брак обеспечивал как старейшинам, так и имению, уже рассматривались выше. В сущности, в хозяйстве мужчины брак никогда не ухудшал и почти всегда улучшал пропорцию между едоками и работниками и увеличивал размер земельного надела на человека к выгоде всех членов семьи, кроме новой пары. Не менее важно, что при существовавшем высоком уровне смертности высокая плодovitость, которая возникла в результате такой модели брака, была для старейшины и его жены единственным средством избежать в старости нищеты. Более того, высокая плодovitость позволяла крепостным старшего возраста к середине шестого десятка освободиться от повинностей, связанных с полевыми работами, и избавиться, таким образом, от тягостей крестьянской жизни. После 55-летнего возраста большинство старейшин только руководили, в то время как другие домочадцы работали. Но, вероятно, еще до достижения этого возраста главы семейств занимали привилегированное положение, в том числе и по типу и выполняемому ими объему работы. Стабильно высокая плодovitость и большие дворы существенно повышали значение управленческих функций старейшины. Их называли *большаками* как главных лиц, отдающих приказы, а их жен — *большицами* или *большухами*. Русские этнографы XIX в. часто отмечали строгий, почти деспотический контроль, осуществлявшийся старейшинами в своих хозяйствах⁶⁸. В Петровском семье обрабатывали в среднем по 16,8 гектара пахотной земли, включая господскую запашку, причем эти участки состояли из разбросанных в разных местах полосок земли. Большак распределял рабочие руки и скот по отдельным участкам работы и наблюдал за ходом работ, дабы в максимальной степени получить отдачу от земли. Более многочисленные дворы давали возможность специализации труда. Это было особенно характерно для женщин: одни круглый год готовили пищу, другие ухаживали за домашним скотом и присматривали за детьми, а весной и летом работали на полях и обрабатывали огороды. Большица следила за тем, чтобы в результате соответствующего распределения этих обязанностей семья получала максимально возможную выгоду.

В других крестьянских обществах со стабильно высокой плодотворностью преимущества старейшин включали не только вид выполняемой работы, но и лучшее питание и одежду, приоритет при принятии пищи и привилегии в пользовании жилой площадью в доме⁶⁹. В России большак обладал четко зафиксированным правом преимущественного использования помещения избы. Зимой большак и его жена спали на полотах прямо над печью, в самом теплом месте избы. Летом остальные супружеские пары должны были переселяться из избы в различные надворные постройки и кладовые. Красный (святой, образной) угол также считался «старшим» углом. Здесь стоял стол, за которым семья ела, причем место под иконой сохранялось за главой семьи. Только в день свадьбы сына он уступал свое место новобрачным, которые во время свадебного торжества сидели⁷⁰.

Духом-хозяином крестьянского двора и символической идеализацией патриарха, олицетворением его власти и привилегий был *дедушка-домовой*, который, как считали крестьяне Великороссии, разделял экономическую судьбу своего семейства. Вера в домашних духов была свойственна многим регионам Европы, но их характеры зачастую существенно различались. В России каждый двор имел своего собственного домового, который жил за печью под полотами, где спал большак, и которого часто называли «хозяин». Если домовый питал благосклонность к семье, ее лошади были сильны и здоровы; если он начинал сердиться, животные теряли вес и умирали. Домовой замечал все мелочи, происходившие на подворье. Ему нравилась плодовая домашняя птица и скот; он был нетерпим к ненужным тратам. Короче, домовый слыл работающим, бережливым, экономным и старательным, и крестьяне всеми силами стремились не обижать его.

Домовой считался добродушным пожилым сгорбленным и седобородым существом. Наиболее важно то, что при необходимости сообщить семье о надвигающихся событиях, как хороших, так и плохих, он общался только со старшим членом семьи. Если семья переселялась в новую избу, старейшина просил домового сопровождать ее и перенести его благосклонность на новый дом. В качестве приглашения брали несколько горячих углей из очага старой избы и сжигали их в углу новой под иконой, где обычно сидел глава семьи. Домовой всегда принимал приглашение. Борьба между домовыми разных дворов рассматривалась как попытка одного домашнего духа улучшить положение двора за счет другого. Домовой не мог ужиться с другим домовым, и при слиянии двух дворов домовые боролись за контроль над новым хозяйством. Власть домового была столь велика, что такие семьи часто находили совместное проживание невозможным⁷¹.

Неизвестно, лучше ли питались и одевались крестьянские старейшины в Петровском, чем другие члены их семей, но стабильно высокая плодотворность обеспечивала их значительную власть и

привилегии. Более низкая плодovitость и меньший размер дворов ослабляли бы позицию старейшин. В сущности, репродуктивная модель укрепляла модель экономическую и прочно фиксировала градацию материальных преимуществ внутри семьи⁷². В Петровском традиционной высокой плодovitостью была также одним из ключевых факторов, стабилизовавших структуру двора, значительно сокращавших длительность жизненных циклов в семье и обеспечивавших ей постоянную многосемейную комбинацию трех поколений. Наряду с равномерным распределением материальных благ это гарантировало относительное постоянство власти старейшины в семье, поскольку большаку не приходилось приспосабливаться к радикально различным типам семьи, трудовым потенциалам, поголовью домашнего скота и уровням благосостояния⁷³. В целом власть старейшин, поддерживаемая самим экономическим и социальным строем жизни, считалась абсолютной и неизменной.

Стабильность дворов и максимальная производительность были выгодны не только имению и главам семей, но и каждому крепостному в Петровском. Тем не менее имение и старейшины получали наибольшую долю имущества и власти, и основой тому служило совпадение их интересов. В результате конфликт поколений оказывался имманентно присущим жизни в Петровском. На одной стороне находились старейшина с женой, а на другой — эксплуатируемые члены семьи. Но сфера борьбы в этом конфликте не ограничивалась двором. Крестьянская община и приказчик также несли ответственность за сохранение социального и экономического порядка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даже более короткий сезон на Крайнем Севере и в Финляндии не создает таких трудностей. Это происходит или вследствие меньшей плотности народонаселения, обилия лесов и использования подсечно-огневого земледелия, или вследствие больших возможностей заняться и поддержать себя несельскохозяйственной деятельностью, например охотой и рыболовством. См.: К а л а ч о в Н. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях. — В: *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России*. СПб., 1859, №2, с. 25; К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 226; С м и р н о в А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1878, с. 76-78; Н а с о н о в. Из истории крепостной вотчины XIX века в России, с. 518. См. также: C r i s p O l g a. The Pattern of Industrialization in Russia, 1700-1914. — In: *Studies in the Russian Economy before 1914*. London, 1976, p. 21.

² В еженедельных отчетах приказчика из Петровского в Москву обычно отмечались задания мужчинам и женщинам за прошедшие семь дней, и эти документы отражают разделение труда. См. также: М а ш к и н. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда, с. 95-96, 101; П р е о б р а ж е н с к и й. Волость Покровско-Ситская, Ярославской гу-

- бернии, Моложского уезда, с. 79-80; Д. И. Заметки о крестьянской семье в Новгородской губернии. — В: Сборник народных юридических обычаев. *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*, 2. СПб., 1900, №18, с. 266.
- 3 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 1495; оп. 4, ед.хр. 41, 59, 121, 186, 344, 357; ч. 2, ед.хр. 822. Из этой последней группы, по всей вероятности, более 75% были женаты, потому что именные списки часто не делают различия между одинокими мужчинами и теми, кто овдовел вскоре после первого брака. Так, уже в возрасте 15—19 лет мужчины составляют полное тягло после женитьбы и, овдовев, они формально обязаны были нести полное тягло вплоть до очередного перераспределения земли и барщинных повинностей. Тем не менее молодые одинокие мужчины из тех семей, где не было других взрослых рабочих мужчин, несли полное тягло с матерью, сестрами и помогавшими в работе младшими братьями. См. также: Т ю т р ю м о в И. Крестьянская семья: очерки обычного права. — В: *Русская речь*, №7, 1879, с. 135-137.
- 4 Д.И. Заметки о крестьянской семье в Новгородской губернии, с. 262-263; К а л а ч о в. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях, с. 25; К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 226; Н а с о н о в. Из истории крепостной вотчины XIX века в России, с. 518; G e r s c h e n k r o n A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia, 1861-1917. — In: *The Cambridge Economic History of Europe*, 6, part 2. Cambridge, 1965, p. 749; C z a p. Marriage and the Peasant Joint Family, p. 115.
- 5 Эти цифры основаны на общем количестве рабочих человеко-лет, проживших всеми мужчинами в возрасте от 19 до 54 лет, последняя цифра отражает средний возраст ухода от трудовой деятельности для тех мужчин, которые выжили, с учетом продолжительности жизни при рождении, определенной выше. См.: C o a l e a n d D e m e n y. Regional Model Life Tables and Stable Populations, part 2, p. 7.
- 6 Е ф и м е н к о П. Семья Архангельского крестьянина по обычному праву. — В: *Судебный журнал*, июль-август 1873 г., с. 97-98. Ефименко ссылается здесь на обычную практику в центральной России, а не на Крайнем Севере. Д а л ь В. Пословицы русского народа. М., 1862, с. 362. Тягло в этом случае означает кусок выделенной земли, с которой связывается образование рабочей единицы и выполнение барщинных повинностей. О выгодах раннего брака для крестьянских старейшин см.: Б р е с к и й. Очерки юридического быта крестьян, с. 180-181; З о н к о в. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии, Елатомского уезда, с. 30-31; Е ф и м е н к о. Семья Архангельского крестьянина по обычному праву, с. 97; Е ф и м е н к о П. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб., 1872, с. 39-41; З а л о с к и н А. Хозяйственные статистические замечания по селу Абакумово, Рязанской губернии, Пронского уезда, помещика Г...на. — В: *Журнал землевладельцев*, 2, №6, 1858, с. 41; Л е б е д е в Н. Быт крестьян Тверской губернии, Тверского уезда. — ЭС, 1, 1853, с. 186; М ы л ь н и к о в а К. и Ц и н ц и у с В. Северо-великорусская свадьба. — В: *Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР*. Л., 1962, 1, с. 24-27; О т т о Н. Из народного быта: новгородская свадьба. — В: *Северная пчела*, №137, 1862, с. 545; Пр. В. Е-ю. Описание сельской свадьбы в Сенгилеевском уезде, Симбирской губернии. — В: *Этнографическое обозрение*,

- 42, №3, 1899, с. 108-109; Тернер Ф. Г. Три публичные лекции по статистике России. — В: *Экономист*, 3, №1, 1860, с. 68.
- ⁷ Goody J. Bridewealth and Dowry in Africa and Eurasia. — In: *Bridewealth and Dowry* (ed. J. Goody and S.J. Tambian). Cambridge, 1973, p. 1-5.
- ⁸ Ibid., p. 2, 46.
- ⁹ Ibid., p. 1.
- ¹⁰ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873, 1, с. 389-486.
- ¹¹ Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского русского географического общества, в 3-х томах. Петроград, 1914-1916; Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Труды. Село Вирятино в прошлом и настоящем. М., 1958, с. 41-85; Мухин В. П. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888, с. 88-90, 132-136; Тютрюмов В. Крестьянская семья: очерки обычного права, с. 155-156; Ефименко А. Народные юридические воззрения на брак. — В: *Знание*, №1, 1874, с. 15; Смирнов. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа, с. 182-183; Слобода Трехизбянская. — *ЭС*, 2, 1854, с. 7.
- ¹² Чубинский П. Очерки народных юридических обычаев и понятий в Малороссии. — В: *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*, 2, 1869, с. 690-691; Ефименко. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии, с. 8-17.
- ¹³ Мухин. Обычный порядок наследования у крестьян, с. 135-136.
- ¹⁴ Ефименко. Народные юридические воззрения на брак, с. 15. См. также: Пахман С. В. Обычное гражданское право в России, в 2-х томах. СПб., 1877, т. 2, с. 68; Афанасьев А. Критика: этнографический сборник. — В: *Отечественные записки*, 90, №9-10, ч. 4, 1853, с. 25.
- ¹⁵ Зеленин. Описание рукописей ученого архива Императорского русского географического общества, в 3-х томах; Мухин. Обычный порядок наследования у крестьян, с. 113-116, 132-134; Руднев В. Село Голунь и Новомихайловское, Тульской губернии, Новосильского уезда, с. 107-108; Ефименко. Народные юридические воззрения на брак, с. 14; Ефименко. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии, с. 7; Семенов-Тяньшанская. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний, с. 3; Троицкий. Село Липицы и его окрестности, Тульской губернии, Каширского уезда, с. 89; Тютрюмов. Крестьянская семья: очерки обычного права, с. 155; Михеев М. Е. Описание свадебных обычаев и обрядов в Бузулукском уезде, Самарской губернии. — В: *Этнографическое обозрение*, 42, №3, 1899, с. 146-147; Аристов Н. Очерк крестьянской свадьбы. — В: *Волга*, №13, 1862, с. 49-50; Виноградов Н. Народная свадьба в Костромском уезде. — В: Труды Костромского научного общества по изучению местного края, 8, 1917, с. 74-79; Костров Н. Свадебные обряды минусинских крестьян. — В: *Иллюстрация*, №176, 1861, с. 10.
- ¹⁶ Академия наук СССР, Географическое общество. Русские географы и путешественники: Фонды архива географического общества. Л., 1971, с. 9.
- ¹⁷ Зеленин. Описание рукописей ученого архива Императорского русского географического общества, в 3-х томах.

- 18 К а л а ч о в. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях, с. 24. См. также: Т ю т р ю м о в. Крестьянская семья: очерки обычного права, с. 137.
- 19 П а х м а н. Обычное гражданское право в России, 2, с. 60-62.
- 20 Е ф и м е н к о А. Крестьянская женщина. — Дело, №2, 1873, с. 194-198.
- 21 М у х и н. Обычный порядок наследования у крестьян, с. 17-19.
- 22 С е м е в с к и й. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в., с. 77.
- 23 Т ю т р ю м о в. Крестьянская семья: очерки обычного права, с. 155-156; см. также: А ф а н а с ь е в. Критика: этнографический сборник, с. 25; С м и р н о в. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа, с. 122.
- 24 Существует множество описаний свадеб и свадебного ритуала. См.: Е ф и м е н к о. Крестьянская женщина, с. 77, 197-198; С м и р н о в. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа, с. 228-242; Е ф и м е н к о. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии, с. 39-41; Е ф и м е н к о. Народные юридические воззрения на брак, с. 1-22; Е ф и м е н к о. Семья Архангельского крестьянина по обычному праву, с. 32; А р и с т о в. Очерк крестьянской свадьбы, с. 49; Пр. В. Е-ю. Описание сельской свадьбы в Сентилеевском уезде, Симбирской губернии, с. 110-111; Т ю т р ю м о в. Крестьянская семья: очерки обычного права, с. 123-129; О т т о. Из народного быта: новгородская свадьба, с. 545; М и х е е в. Описание свадебных обычаев и обрядов в Бузулукском уезде, Самарской губернии, с. 144-146; В и н о г р а д о в. Народная свадьба в Костромском уезде, с. 74-79; М ы л ь н и к о в а и Ц и н ц и у с. Северно-великорусская свадьба, с. 35-36; Н и к о л а е в А. Крестьянская свадьба в Звенигородском уезде, Московской губернии. — *Северная пчела*, №209-210, 1863, с. 921-925; С у м ц о в Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881, с. 22-34; Ка г а р о в Е. С. Состав и происхождение свадебной обрядности. — В: Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1929, с. 160-163; А л е к с а н д р о в В. А. Вологодская свадьба. — *Библиотека для чтения*, №5, 1863, с. 6-13; Н. Р-в. Свадебные обычаи в Осташковском уезде в половине XIX века. — *Тверская старина*, №2, 1913, с. 39; В. Б. Симбирские обычаи покупать невест. — *Отечественные записки*, 9, №7, 1840, с. 28-29.
- 25 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 649, л. 25 (22 декабря 1854г.).
- 26 Там же, л. 150 (18 октября 1854г.).
- 27 ЦГДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 866, л. 24 (12 января 1859г.).
- 28 С z a p. Marriage and the Peasant Joint Family, p. 107-108; М а ш к и н. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда, с. 23; М у х и н. Обычный порядок: этнографический сборник, с. 121-122; Л е б е д е в Н. Быт крестьян Тверской губернии, Тверского уезда. — *ЭС*, 1, 1853, с. 186; Г а л е н т о р н. Свадьба в Салтыковской волости, Моршанского уезда, Тамбовской губернии. — В: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, т. 1, с. 171-173; Ш т е р н б е р г Н. Новые материалы по свадьбе. — Там же, с. 10.
- 29 G o o d y a n d T a m b i a n. Bridewealth and Dowry, p.13.
- 30 Ibid., p. 5.
- 31 Ibid., p. 17-25, 47.
- 32 Ibid., p. 18; см. также: G e r s c h e n k r o n. Agrarian Policies and Industrialization: Russia, 1861-1917, p. 749, Выделено у Гершенкрона.

- 33 Goody and Tambian. Bridewealth and Dowry, p. 5.
- 34 Boserup E. Women's Role in Economic Development. London, 1970, p. 50.
- 35 Goody and Tambian. Bridewealth and Dowry, p. 23, 46.
- 36 Confino M. Systèmes agraires et progrès agricole. P., 1969, p. 26-55.
- 37 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 615, л. 11 (декабрь 1843 г. — апрель 1844 г.).
- 38 Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века, с. 205-208. Из других исследований, в которых отражена та же самая интерпретация расслоения, см.: Ковальченко. Русское крепостное хозяйство в первой половине XIX в., с. 489-491; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968, с. 21-24.
- 39 Shaniin T. The Awkward Class. Oxford, 1972, p. 45-80; Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века, с. 64; Литвак. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в., с. 90-92.
- 40 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 615, л. 10-11, ед.хр. 649, л. 93; ч. 2, ед.хр. 862, л. 6-7.
- 41 Shaniin. Awkward Class, p. 63-68.
- 42 Ibid., p. 63-121.
- 43 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 41.
- 44 Shaniin. Awkward Class, p. 115.
- 45 Ibid., p. 81-94.
- 46 Литвак. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в., с. 102.
- 47 Цит. по: Ефименко. Семья Архангельского крестьянина по обычному праву, с. 107-113. См. также: Семевский. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в., с. 74.
- 48 Wallace Donald Mackenzie. Russia on the Eve of War and Revolution (ed. Cyril E.Black). N. Y., 1961, p. 342; Несколько слов о земледельческих орудиях. — В: Сельское хозяйство, ч. 2, февраль 1861 г., с. 35.
- 49 Насонов А. Н. Юсуповские вотчины в XIX веке. — В: Доклады Академии наук СССР, серия Б (январь-февраль 1926 г.), с. 1-3.
- 50 Шишков А. Н. Мысли о хозяйстве и отчетности. — ЗЛОСХ за 1855 г., часть 2 (1856), с. 142-146; Насонов. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России, с. 345.
- 51 Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века, с. 271; ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 256, 2830а, 2833; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 615; ч. 2, ед.хр. 902.
- 52 См. гл. 1, прим. 10—16.
- 53 Цит. по: Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, в 2-х томах. СПб., 1881-1901, т. 1, с. 276.
- 54 См. там же, с. 276-281.

- 55 А. П. Описание улучшения быта крестьян Московской губернии, Подольского уезда в имении АВП. — *Журнал землевладельцев*, №13, ч. 5, 1858, с. 5-6.
- 56 К а л а ч о в. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях, с. 25-27.
- 57 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 649, л. 43-44 (апрель 1855 г.).
- 58 Там же, л. 152 (4 ноября 1854 г.).
- 59 С о n f i n o. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII-e siècle, p. 111-112.
- 60 В l u m. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century, p. 513.
- 61 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 521, 541.
- 62 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 396, л. 27 и ед.хр. 558, л. 189.
- 63 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 135, л. 2-7; ед.хр. 101 (июнь 1818 г.); ед.хр. 137 (сентябрь 1819 г.); ед.хр. 190 (октябрь 1821 г.). См. также: Несколько слов о сельскохозяйственных орудиях, с. 35.
- 64 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 889, 1129, 2419; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 345, 380, 408, 428, 447, 463, 479, 503; ч. 2, ед.хр. 824, 823.
- 65 S c o t t J a m e s C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, 1876, p. 2.
- 66 Ibid., p. 3, 41, 43. См. также: В e h r m a n J e r e R. Supply Responses and the Modernization of Peasant Agriculture: A Study of Major Annual Crops in Thailand. — In: Subsistence Agriculture and Economic Development (ed. C.R.Wharton, Jr.). Chicago, 1969, p. 236; М e l l o r J. W. The Subsistence Farmer in Traditional Economies). — In: Subsistence Agriculture and Economic Development, p. 214; М y i n t H. The Peasant Economies of Today's Underdevelopment Areas. — In: Subsistence Agriculture and Economic Development, p. 103; P o l a n y i K. The Great Transformation. Boston, 1957, p. 163-164.
- 67 S c o t t. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia, p. 5.
- 68 З в о н к о в. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии, Елатомского уезда, с. 24-27; Т ю т р ю м о в. Крестьянская семья: очерки обычного права, ч. 1, с. 285; К а л а ч о в. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях, с. 19-20; А. М. Народные юридические обычаи и действующее законодательство. — Дело, №8, 1870, с. 32; С е м е в с к и й. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в., ч. 2, с. 71-72; М у х и н. Обычный порядок наследования у крестьян, с. 62-69.
- 69 С a l d w e l l J. C. A Theory of Fertility: From High Plateau to Destabilization. — *Population and Development Review*, №4, 1978, p. 555-557, 560-561.
- 70 С у м ц о в. О свадебных обрядах, преимущественно русских, с. 186-187; М а л ы х и н. Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда, с. 210-211; С е м е в с к и й. Домашний быт и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии, Елатомского уезда, ч. 1, с. 110-112; Т р о и ц к и й. Село Липицы и его окрестности, Тульской губернии, Коширского уезда, с. 83-84.

- ⁷¹ Б о н д а р е н к о. Поверья крестьян Тамбовской губернии, с. 116-120;
А ф а н а с ь е в А. Дедушка домовый. — В: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, 1, ч. 6. М., 1850, с. 16-22;
Д о б р о з р а к о в И. Село Ульяновка, Нижегородской губернии, Луко-
яновского уезда. — ЭС, 2, 1853, с. 57-59.
- ⁷² C a l d w e l l. A Theory of Fertility: From High Plateau to Destabilization, p.
566.
- ⁷³ Ibid., p. 565.

ФУНКЦИИ ОБЩИНЫ И КОНТРОЛЬ С ЕЕ СТОРОНЫ

Отношение к общине (миру) как к институту, отражающему конфликт поколений в русском сельском обществе, определенно повергло бы в шок Герцена, Гакстаузена, славянофилов и всех тех, кто видел в ней местную форму социализма. Тем не менее община играла центральную роль в поддержании патриархальной власти. Однако это была далеко не единственная ее функция. Община также выступала одной из тех ключевых сил, которые сплачивали это маленькое общество. В большинстве случаев старейшины — главы семейств — старались представлять интересы всех крепостных, и, разумеется, не все конфликты были конфликтами поколений. К тому же община имела коллективный голос и организацию, позволявшие ей входить в отношения с управлением поместья и, более того, с местной властью, таким образом давая крестьянству существенную автономию. Действительно, именно община обеспечивала социальную связанность, чего не мог дать отдельный двор. Власть старейшин в семье могла быть враждебной к молодым, но в общине она часто служила общему благу. Старшее поколение поддерживало глав семейств, признавая за ними право подчинять себе непокорных домочадцев, и в то же время, являясь воплощением мудрости, опыта, интересов и деятельности общины, много делало для того, чтобы сплотить крестьян.

Хотя мир служил предметом жаркого идеологического спора, отдельная община на основании конкретных документов изучалась мало. На то имеются основательные причины. Большая часть подробной информации об общине села Петровское касается ее отношений с правительственными чиновниками. Контора имения вела финансовые документы, в которых записывала все расходы общины. А поскольку посылка крепостного по делам общины в уездный Борисоглебск или губернский Тамбов всегда была связана с дорожными расходами, то и все подобные поездки фиксировались с указанием их цели. Вот почему эти документы, отражавшие решения старейшин, являются замечательным источником, показывающим, как бюрократия на ее низших уровнях взаимодействовала с основной организационной единицей крестьянского общества в России — с общиной. Помимо этих записей община фигурирует эпизодически в докладах приказчиков. Общинные праздники и сельские торжества совсем в них не упоминаются. По всей вероятности, многое улаживалось без бумаги, устно, а прочие заботы общины мало интересовали управляющих имением. Таково, видимо, было положение во многих крепостных имениях.

Архивы Петровского имения не дают сведений о том, как часто собирались деревенские или поместные сходки, хотя кажется очевидным, что они не проводились регулярно. В каждой деревне имелось свое *общество*, и в случае общих поместных вопросов созывались представители от каждого общества — так называемые *первостатейные старики*. Тем самым избегали громоздких общинных соборниц в 400—500 человек. Неизвестно, сколько времени служили эти и другие крестьянские служащие, но приказчик мог уволить их с занимаемых постов, когда считал нужным.

Функции и влияние общины в Петровском были обширны. Кроме распределения тягол и крестьянских наделов, она назначала сумму налогов, собирала и платила налоги и другие денежные сборы, определяла многие общинные расходы и обращалась в главную контору в Москве с жалобами и ходатайствами. Община также отправляла правосудие, улаживая споры, проводя расследования, призывая к порядку своих членов, осуществляя внутренний полицейский надзор в рамках закона. Кроме того, она выбирала крестьянских должностных лиц, надзидала за разделением двора, решала, кому идти в рекруты, поддерживала трудовую дисциплину, устанавливала порядок полевых работ (хотя многое было предусмотрено обычаем) и натуральные повинности, обрабатывала общинную землю для обеспечения зернового резерва («запасных магазинов»), оказывала помощь беднякам, заботилась о многочисленных нуждах приходской церкви и местного духовенства. Община имела дело со множеством местных чиновников, которым в случае необходимости давала взятки и обеспечивала их или воинские части транспортом, продовольствием и размещением на постой.

Перед тем как углубиться в вопрос о функциях общины, было бы полезно описать в самых общих цифрах основной возрастной статус (или различие в положении по возрастам) в Петровском, чтобы увидеть, как это влияло на мир и его роль в крепостном обществе. Во-первых, почти половина населения поместья составляли дети до 17 лет. Редко когда крепостной женился или нес трудовые повинности по имению раньше этих лет. Дети работали с самого малолетства и, даже осиротев, жили в своем родном дворе до тех пор, пока не происходило его деления. Заботы воспитания были делом каждого крестьянского двора. Мало вероятно, чтобы поместье и община вмешивались в отношения между главой двора и домочадцами или родителями и детьми до тех пор, пока не возникала необходимость в назначении барщины или если не нужно было найти приемную семью для сирот и обеспечить их имущественные права. Единственным исключением являлись дворовые, особенно мальчики, начинавшие обучаться мастерству или ремеслу в 10—12 лет, под присмотром со стороны имения.

На другом конце возрастного спектра стояли главы семейств. Они и их жены составляли приблизительно 17—19% от всего населения, и для мужчин это примерно 1/4 всех тягол. Именно данная группа получала многие преимущества в этом маленьком обществе. Все главы дворов принимали непосредственное участие в деревенских сходках, а в поместных — косвенное, через своих представителей. Приблизительно 40% хозяев дворов мужского пола не было назначено полной барщины из-за их преклонных лет. Более того, из остальных членов упомянутой группы выходили все крепостные чиновники поместья: *бурмистр*, *старосты*, *смотрители*, *нарядчики* и, возможно, *сотские*. В 1837 г. в одном только архивном листе упоминалось 40 подобных крепостных из Петровского, немногим более 1/5 всех трудоспособных большаков, и эти должностные лица из крестьян пользовались рядом привилегий в трудовых повинностях¹.

Около 1/3 населения поместья приходилось на взрослых людей, еще не достигших статуса хозяев. Эта средняя группа выполняла 3/4 всех рабочих обязанностей. С момента женитьбы до становления хозяином двора — период, редко длившийся меньше 10 лет и по большей части от 15 до 25 лет, — эти крепостные работали, но не имели привилегий в поместье, общине, своем собственном дворе. Мужчины, которые не справлялись с требуемыми нормами, направлялись в армию, в крайних случаях ссылались в Сибирь. Для взрослой молодежи побег был единственным способом избежать подчинения и эксплуатации, но эта альтернатива редко приводила к успеху.

Рекрутство, раздел двора и поддержание трудовой дисциплины вызывали конфликты между поколениями в функционировании общинной власти. И во всех случаях те, кто работал, но не был хозяином, исключались из процесса принятия решений. Впрочем, раскол между поколениями в общине не столь очевиден, как раскол внутри двора. Хотя сход старейшин преследовал собственные интересы, его судьба была связана с интересами молодых. Более того, проблемы бедности и социальных отклонений нельзя представить лишь как проблемы поколений. Поэтому необходимо более осторожно подходить к рассмотрению власти в общине, а ее более сложные цели требуют соответствующей оценки.

В этой главе мы сначала рассмотрим, как община заботилась об общем благе, в частности помогала бедным; затем будут исследованы усилия общины защитить себя от бюрократического вмешательства местных властей, ее отношения с приходской церковью, отправлением правосудия и, наконец, установление очередности в рекрутских наборах.

Община в Петровском не организовывала и не поддерживала никаких экономических институтов или благотворительных организаций для оказания помощи своим членам. В 1858 г., в преддверии освобождения, правительство разослало вопросник во все по-

местья, где было больше 100 душ крепостных мужского пола. Одна из серий вопросов гласила:

«Нет ли каких-либо в имение экономических и благотворительных заведений как то: мирских капиталов, сельских банков, запасных магазинов, богаделен, больниц, децких приютов и т.п.? На какие средства и как они учреждены и чем поддерживаются? Какие в настоящая время принимают меры к обеспечению существования вдов, сирот, обедневших и престарелых крестьян?»

На это приказчик из Петровского имения отвечал:

«Мирских капиталов, сельских банков, неимеется. Общественный магазин находится в котором указанное количество хлеба по душам в засып, находится сполна. Больница также имеется, которая содержится иждивением помещика; вдовым, престарелым и сиротам крестьян на пропитание выдается под посев хлеба земля, обедневшим дается льгота их рабочих на помещика дней»².

Больница была открыта в Петровском в начале 1820-х гг. и обошлась имению в значительную сумму. Крестьянская община никогда не отчисляла каких-либо сумм на ее содержание, хотя до ее постройки мир тратил часть денег на лекарства для больных. На два или три года имение наняло врача с ежегодным жалованьем в 2 тыс. рублей, с тем чтобы он обучил двух дворовых лекарскому делу — сделал из них *подлекарей* — помощников врача. К тому же с 1821 по 1824 гг. поместье потратило более 1200 рублей на различные лекарства и оборудование³.

Насколько успешно больница способствовала оздоровлению крестьян, установить трудно. Как пишет Ригли: «В Европе вплоть до самых последних лет XIX столетия вклад медицины в сокращение смертности не был значителен»⁴. Отмеченная продолжительность жизни при рождении в Петровском на 1850—1856 гг. вряд ли предполагает, что медицинское обслуживание существенно повлияло на состояние здоровья крестьян. Когда в 1821 г. была построена больница в имении Гагариных Покровском, также находящемся в Тамбовской губернии, местный врач писал князю: «Ваши крестьяне бегут от больницы так, как жид от креста»⁵. Впрочем, врач резко нападает на крестьянские суеверия, но, принимая во внимание способы лечения того времени, нежелание селян лечиться было разумным.

Создание резервных зерновых запасов на случай неурожая предписывалось законом. В материалах 1820 г. по пользованию землей в Петровском сказано, что каждое тягло обрабатывает, помимо своего надела и помещичьей земли, еще поддесятины ярового поля. Вероятно, что зерно с этой земли шло в общинные запасы. Подобные документы 1834-го и 1849-го неурожайных годов ясно показывают, что крепостные обрабатывали дополнительно в общей сложности 3200 казенных десятин (350 гектаров), чтобы пополнить хлебные запасные магазины. Более того, каждый год об-

щина должна была сообщать местным властям в Борисоглебске о величине урожая и положении с запасами⁶.

Помощь отдельным крестьянам заключалась в первую очередь во вспашке и засеве крестьянской земли силами общины. За жатву, перевоз урожая с поля, сушку, веяние и просеивание зерна ответственность лежала на тех, кому оказывалась помощь. Крайне редко имение освобождало трудоспособных взрослых от тягловых обязанностей. В 1837 году — а это единственный год, по которому много подробной информации на данную тему, — из 715,5 тягла в Петровском 25,5 были полностью освобождены от барщины. Большинство из них не несли повинностей из-за того, что в мас сгорели их усадьбы. Менее 1% всех тягол были освобождены в тот год по причине бедности⁷. Финансовые документы общины в Петровском более чем за 30 лет также говорят лишь о малом числе освобождений от платежей и налогов, дававшихся беднякам крестьянским сходом.

Мир должен был делать скидку тем, кто не мог заплатить вовремя. Обычно после 3 лет община прекращала взыскание недоимок, таким образом освобождая бедняков от части их обязательств. В период 1819—1843 гг. неуплаченными оставались в среднем 4,4% от ежегодных платежей и денежных долгов, 7,4% — самая высокая цифра, зафиксированная в один из этих годов. Восполняли эти недоимки все платившие налоги, поскольку община несла коллективную ответственность за выплату общей суммы налогов⁸.

Таблица 29

Наделы пахотной земли

Использование	Гектаров	% от общего количества
Крестьянские наделы (690,5 тягла)	6038	94,6
Служители церкви	96	1,5
Пожилые, дети и сироты	172	2,7
Дворы, не имеющие тягол	48	0,8
В пользу бедных	26	0,4

Ранее я отмечал, что количество дворов по крайней мере с одной рабочей парой, не способных произвести достаточных средств к существованию, редко превышало 4,5% всего деревенского населения, что фактически равно величине ежегодных недоимок. Еще более уязвимой группой являлись те дворы, в которых совсем нет тягол. Если учесть и эту группу, то приблизительно 8%

населения не могло удовлетворить свои насущные потребности, и именно этим крестьянам община и имение предоставляли помощь. В межевой записи 1820 г. отражено количество пахотной земли, которое поместье передало общине для вспашки и посева в пользу обедневших (см. табл. 29)⁹. 8% населения поместья, предположительно нуждающегося в экономической помощи, — это примерно 260 человек из трех беднейших групп, для которых община весной вспахивала и засеивала 247 гектаров пашни. При среднем урожае это наверняка должно было гарантировать им средства к существованию.

Община тратила большую часть своих средств на подушные, дорожные, мостовые, почтовые и местные налоги и платежи и покрывала расходы на рекрутов. Все вместе составляло в среднем 88% от общего годового дохода, оставляя общине немного средств на другие расходы (см. табл. 30). Более того, поскольку община платила ассигнациями — бумажными деньгами, — она должна была приплачивать лаж за деньги, которые она задолжала в государственную казну. До стабилизации денежной системы реформами конца 1830-х гг. приплата колебалась от 8 до 18 копеек на рубль, повышая в результате налоги на соответствующий процент¹⁰. Вдобавок взаимодействие с государственными чиновниками часто означало дополнительные расходы. Уплата налогов в Борисоглебске всегда включала денежные подарки *казначею, повытчику, приказным и присяжному*. Если уездному *засегателю* случалось находиться в присутствии, то и он не уходил с пустыми руками. В 1820—1821 гг. община Петровского дала в общей сложности 45 рублей чиновникам для того, чтобы те приняли у нее 2 ежегодных налога; в 1838—1839 гг. эта сумма перевалила за 100 рублей, таким образом, эти бюрократы не пострадали от падения курса бумажных денег. В течение исследуемого периода ни один из положенных платежей не обходился без таких подарков.

Эти «издержки сверх сметы» при уплате налогов вместе с аналогичными приплатами за другие казенные дела, можно рассматривать в качестве неофициального дополнения к жалованью чиновников, выполняющих свои непосредственные обязанности. Община и приказчик, также одобрявший подобную практику, стремились просто заручиться благосклонностью чиновников и сделать свои дела быстро и как следует, дабы избежать каких-либо недоразумений в отношениях с властями. Например, осенью 1822 г., чтобы составить черновой и окончательные списки требуемого законом годового отчета по севу и уборке зерновых, община дала повытчику и его помощникам 5,20 рубля наличными, потратив еще 1,36 рубля на закуску и напитки для них, к тому же преподнесла одному чиновнику, *протоколисту*, дополнительные 10 рублей, все помимо той платы, которая установлена официально за такого рода документы¹¹. Подобным образом, когда Архип Михеев, выборный сотский из Петровского, был послан в уездный суд в

Общинные налоги и основные расходы в Петровском

Годы	Налоги и подати на тягло (руб.)	%, невзысканный от общей суммы податей	% от реальных ежегодных сборов на дороги, мосты, почтовые сборы и выполнение обязательной государственной службы	% от реальных ежегодных налоговых поступлений, ушедших на рекрутчину
1819—1820	8,50	6,9	—	—
1820—1821	13,00	6,7	62	17
1821—1822	10,00	7,4	88	0
1822—1823	9,00	5,3	94	0
1823—1824	9,00	5,0	92	0
1824—1825	15,50	5,0	54	8
1825—1826	9,00	4,7	92	0
1826—1827	9,40	5,6	94	0
1827—1828	12,00	1,6	72	20
1828—1829	13,00	2,3	63	17
1829—1830	12,00	1,4	70	9
1830—1831	10,00	2,5	84	20
1831—1832	12,25	3,5	68	14
1832—1833	—	—	—	—
1833—1834	12,00	—	—	—
1834—1835	14,00	2,8	71	9
1835—1836	13,00	4,4	79	0
1836—1837	15,40	5,1	81	7
1837—1838	—	—	—	—
1838—1839	15,50	3,9	77	0
1839—1840	—	—	—	—
1840—1841	3,45	3,3	96	6
1841—1842	3,45	7,2	—	—
1842—1843	3,71	1,6	87	0

Годы	Налоги и подати на тягло (руб.)	%, невы- сканный от общей суммы пода- тей	% от реальных ежегодных сбо- ров на дороги, мосты, почто- вые сборы и выполнение обязательной го- сударственной службы	% от реальных ежегодных на- логовых по- ступлений, ушедших на рекрутчину
1854—1855	6,58	—	85	11
1855—1856	7,00	—	67	12
1856—1857	5,00	—	94	0
1857—1858	5,00	—	93	0
1858—1859	6,00	—	83	0
1859—1860	—	—	—	—
1860—1861	6,00	—	94	0

Примечание: После 1839 г. цены даны в рублях не ассигнациями, а серебром. По 1854—1861 гг. количество недоимок по налогам неизвестно, поэтому процентовка идет не от реальной величины сбора, а от ожидавшейся.

Борисоглебске подать жалобу на поведение отставного солдата, жившего в Петровском, он заплатил 2,10 рубля чиновнику, чтобы тот принял рапорт, и 88 копеек писцу за его переписку на гербовую бумагу, за которую саму по себе пришлось заплатить еще 66 копеек. Финансовые записи общины села Петровское содержат сотни таких примеров. Побег крестьянина, кража лошадей и смерть от несчастного случая требовали доклада в *земский суд*, бывший одновременно судебным и полицейско-следственным органом уездного управления. Более того, уплата налогов, сдача рекрутов и преступников, подача различных докладов и записок, получение информации об установленном размере государственного обязательного труда заставляли общину вступать в контакт с чиновниками. Во многих, хотя и не во всех, случаях ведение обычных дел чиновниками включало в себя иски о заведенную плату чаевых.

Совершенно отличны от них взятки. Наиболее обычными были взятки с целью предотвратить расследование внезапных или случайных смертей. В некоторых случаях община и поместье надеялись скрыть подобные факты, но гораздо чаще они просто надеялись избежать дорогого и длительного официального расследования, которое отнимало драгоценное рабочее время. Документы общины села Петровского откровенны. Случалось, община подкупала при-

ходских священников, которые по закону были обязаны извещать обо всех тех случаях, когда человек умирал без причастия. В апреле 1829 г. о расходе в 25 рублей записано: «Дано Села Канина священнику Онисиму Алексееву с причетниками, за похоронении утоплого в реке Вороне Канина крестьянина, дабы небызпокоить земский суд и не наводить следствие, во издержанье больших расходов»¹³. Во время голода 1834 г. 42 рубля «дано Петровским церковно-служителям от общества крестьян послушающим скорой смерти людей без причастия, дабы недоводили до дальних хлопот на щет похорон»¹⁴. В период 1823—1840 гг. имело место 6 подобных случаев, когда приходским священникам платили, «дабы не доходили до дальних изследований» или «дабы недоводили до сведения присудственного места»¹⁵.

Было дешевле дать взятку деревенским попам, чем местным чиновникам, но, несмотря на это, большинство смертей в результате несчастных случаев не скрывалось. Иногда жертвами или свидетелями оказывались нездешние крестьяне, и тогда случай трудно было бы скрыть. К тому же местные чиновники получали значительную часть дохода от ведения расследований, и у них, вероятно, вызывали бы подозрение любая деревня и поместье, не присылающие докладов на предположительную статистическую норму несчастных случаев.

По поводу обнаружения трупа или обстоятельств неестественной смерти сотский деревни должен был информировать уездный суд и послать доклад судебному заседателю с просьбой назначить расследование. Это прошение обычно стоило не более 2 рублей, хотя цена его могла доходить и до 13 рублей. Судебный заседатель, как правило, быстро прибывал в поместье, через день — другой, в сопровождении одного или двух помощников, двух солдат и иногда уездного врача. Редко когда требовался повторный приезд, и, как правило, впоследствии свидетелей не вызывали в Борисоглебск для дачи дополнительных показаний. И все потому, что при каждом расследовании община платила заседателю и его помощникам, с тем чтобы избежать подобного оборота дел. 63 рубля «подарено Борисоглебскаго земскаго суда дворянскому заседателю Соцыперову, за освидетельствование мертваго тела... чтобы отвлечь от дальнейших хлопот»¹⁶. Когда заседатель Спицын прибыл в Петровское расследовать одновременно и случай с утопленником, и смерть крепостного на пчельнике, община угостила его вином, наливками и провизией. Еще Спицыну дали сверх того 28 рублей, «дабы недоводил до дальних изследований»¹⁷. В общем, между 1820 и 1840 гг. в записях общины отражены 23 взятки уездным судебным заседателям, расследовавшим случаи внезапных смертей — три или четыре раза упомянуты и их помощники, — «в отвращение дальних проволочек» или «дабы отвлечь от дальнейших последствий»¹⁸. Влияние на исход этих расследований стоило общине села Петровское в среднем 60 рублей.

В России от крестьян требовалось исполнение натуральных казенных повинностей, главными из которых были ремонт дорог и мостов. Иногда общине села Петровское удавалось заменить повинности денежным платежом, но чаще ей приходилось выделять требуемых работников. Чиновники, определявшие участки дорог для ремонта, как и те, кто осуществлял надзор за работами, охотно брали взятки. Действительно, некоторые из этих чиновников были так могущественны, что вели себя по отношению к общине Петровского почти вымогательски. «По требованию Борисоглебского земского исправника следовало высылать рабочих к срытию крутизны горы на Кирсановском тракте, при овраге называемой голой, мужеска пола 407 человек, но по просьбе прикащика Ивана Иванова сделано в том снисхождение, за что подарено ему Г-ну Исправнику 42 р.с.»¹⁹. Снисхождение означало «отведение к работе в означ. горе участка повыгоднее»²⁰, требовавшего меньшего числа работников, так как 407 мужиков составляли почти 60% всей трудоспособной мужской силы в имении. Угрожая другим поместьям и общинам необходимостью срытия этой самой крутизны, земский исправник, видимо, обеспечивал себя значительным доходом. Платили уездным чиновникам и за то, чтобы они назначили участок дороги поближе к имению и увеличили срок выполнения работы. Наконец, часто подкупали смотрителей работ, чтобы они разрешили общине присылать меньше людей, чем предписывалось²¹.

Существовало множество других инстанций для вымогательств и взяточничества. 20 рублей заплатили сельскому заседателю, чтобы в поместье не размещали на постоянной войска, и трудно представить, чтобы чиновник не совершал соответствующий обход соседних деревень²². Когда в марте 1816 г. были обнаружены 2 фальшивых банковских билета, использованных для уплаты налогов, казначею подали 50 рублей, «за то что недоводили додалных хлопот»²³. 42 рубля были даны судебному заседателю, когда в Канине обнаружили проживающего без документов человека, «за отвлечение начальников вотчины и прочих Села Канина жителей от большой ответственности и подсудимости»²⁴. В следующем году, как гласит запись общины:

«Во время произведения следствия в С.Петровского Борисоглебском *Дворянским Засидателем* Соцыперовым о крестьяне Шатцкой округи С.Тархан помещицы Фроловой, которой имел личное доказательство что он проживал заведома беглай в. С. Петровской у крестьянина Федора Кузнецова и у прочих, и сие следствие учинено в нашу пользу, за что дано ему с помощникам его в благодарность 63 р.с.»²⁵.

В связи с эпидемией холеры в 1830 г. в большинстве уездов Тамбовской губернии был установлен подрывавший торговлю карантин. Община села Петровское заплатила полковнику, в обязанности которого входили охрана кордона, 10 рублей за различные «снисхождения и доброжелательства»²⁶, вероятно, за разрешение

перевезти через кордон людей и продукты. По случаю выявленных ошибок в шестой ревизии 1811 г. община заплатила более 300 рублей, «чтобы дела неоткрывать»²⁷, губернским чиновникам. Наконец, зимой 1840 г., после плохого урожая предыдущей осенью, получив одобрение от московской конторы, община платит уездному предводителю дворянства 150 рублей, «за исхода-тайствование разрешение о выдаче крестьянам из запасного магазина хлеба»²⁸, предположительно за то, что он не дожидался официального разрешения.

Все эти примеры благодарений и взяток, выплаченных общиной села Петровское, датируются 1815—1843 гг.; они, конечно, являются сильным свидетельством повсеместно укоренившейся коррупции властей и плохого управления, так часто описывавшихся в русской литературе. Более ранние записи общины, так же как и за 1844—1854 гг., не обнаружены в архивах, а документы о расходах в период 1854—1861 гг. представляют собой нечто совершенно отличное. Хотя небольшие подношения и денежные суммы по-прежнему сопровождают уплату налогов, но о других денежных подарках и взятках не упоминается. Возможно, конечно, что община попросту решает неразумным записывать в отчетах подобные расходы или контора взяла на себя функции общины, сама расплачиваясь с чиновниками. Но также возможно, что введение в 1837 г. должности *станового пристава* — новой местной судебной и полицейской власти, чиновника, несущего ответственность и имеющего судебные полномочия, — сократило взяточничество и коррупцию, поставив посредника между местной бюрократией, с одной стороны, и общиной и поместьем, с другой. Эта должность оплачивалась, и каждая община вносила часть своего дохода на ее содержание²⁹.

Из других заметных статей расхода общинного бюджета важнейшими были траты на две приходские церкви в Петровском. Как того требовал закон, именование обеспечивало священника 63 хозяйственными десятинами (92 гектарами) пахотной земли, которую обрабатывали служители церкви со своими семьями. Нет свидетельств тому, чтобы приказчик, главная контора или сам князь Гагарин интересовались духовным здоровьем крестьян, участием их в религиозных обрядах и посещением церкви. Это опять же позволяет предположить существенную независимость общины, хотя скорее свидетельствует о слабости русского православия как религии без содержания — без теологии. Крепостные не очень-то заботились о поддержании церкви. В селе Петровское церковный иконостас за длительное время пришел в упадок и краски с него облезли. Колокольня стояла без колоколов. Церковная ограда завалилась. Священник и другие духовные лица жили в версте от церкви, и их надворные постройки были «самое ветхое». В Капине церковь к тому же не имела колокольни, хотя иконостас был в несколько лучшем состоянии³⁰. В январе 1832 г. старший священ-

ник Иван Дмитриев, возглавлявший несколько местных церковных приходов, во время очередной инспекции опечатав Петровскую церковь, потому что она находилась в неисправности, «но по просьбе прихожан и церковно священно-служителей сие им было отменено, за что и дано ему благодарность соцким по согласию мирскому 10 р.»³¹. В следующем году обоим церквям починили крыши, но ничего другого сделано не было. Десятью годами позднее местные церковные власти заявили о настоятельной необходимости ремонта³².

«Его Благородию

Управляющему имением Его Сиятельства князя Николая Сергеевича Гагарина, Павлу Антоновичу Г-ну Зубову

Села Канина священника Стефана Васильева Смирнова

Донести честь имею Вашему Благородию, что в нашем селе Канине деревянная церковь имеет большие недостатки, которые необходимо нужно исправить, имено: колокольни при ней неимеется, которую должно построить вновь, полинялый иконостас возобновить, стены как внутри, так и снаружи окрасить приличною краскою, деревянную кровлю сквозь коей во многих местах проходит течь, а для большой прочности лучше бы покрыть жесом и окрасить мидянкою, в 20 пудов разбитою колокол пересчитать [пересчитать] на новый такой же величины, и около церкви сделать ограду, что по нашей смете стоит не более пяти тысяч рублей; каковы недостатки бывшее наше начальство неоднократно понуждено и теперь понуждать исправить; крестьяне же, принадлежащие приходом в нашей церкви, по неурожайным нынешним годам сделать сего не в состоянии, почему, донося о сем Вашему Благородию, всепокорнейши прошу Вас... придать надлежащей и приличный вид храму божию.

23 февраля 1842».

Ни имение, ни община не имели особенно хороших отношений с приходским духовенством. Часто имение не хотело выделять стройматериалы и рабочую силу для поддержания в исправности церквей и хозяйственных построек во дворах духовенства. Община чувствовала себя совершенно свободной в праве жаловаться церковным властям на чрезмерные поборы и платы, требуемые от нее приходскими священниками. В течение почти 5 лет, с августа 1821 г. по май 1826 г., община села Петровское находилась в судебной тяжбе с одним из своих священников, Алексеем Поликарповым, который, по показаниям прихожан, назначал слишком большую цену за совершение религиозных обрядов. Дело-спор между Поликарповым и старшим духовенством включало в себя вместе с заявлением общины 66-страничный список жалоб на священника в Борисоглебскую церковную консисторию и Тамбовскую епархию. В конце концов был назначен другой священник. В 1838 г. крестьяне канинского прихода начали подобный процесс против своего священника «о делаемых им разных обидах»³³.

Наконец, не совсем ясно из финансовых бумаг общины, в какой степени мир распоряжался своими фондами. На большие расходы часто требовалось одобрение из Москвы. Более того, хотя налоги представляли собой фиксированную сумму, а даваемые в интересах общины взятки чиновникам и расходы на церковь определялись в основном самой общиной, главная контора иногда в приказном порядке заставляла общину платить из своих средств. В июне 1841 г. в поместье случился бунт. Известно о нем мало, но судить можно хотя бы по решению конторы в Москве отправить пьяниц, воров и нерадивых работников со всеми домочадцами на сибирские заводы. Контора заставила общину заплатить расходы на извещение местных властей о бунте, на содержание солдат, прибывших навести порядок, на доставку арестованных в Тамбов и высылку других. В целом сумма расходов общины составила около 1000 рублей³⁴.

Мало данных об отправлении правосудия и решении споров между крепостными в самой общине. Старейшины имели право наказать кого-либо розгами, хотя наказание полагалось производить в присутствии приказчика. Крепостной, приносящий жалобу в суд старейшин, должен был обвинить конкретного человека. Лишь тогда община стала бы расследовать дело, и только в отношении самого обвиняемого. Винодность чаще всего устанавливалась через признание обвиняемого. Ложное обвинение кого-либо, то есть клевета на личность крепостного, и беспокойство старейшин без достаточной на то причины также наказывались поркой³⁵. Репутация обеих сторон конфликта была важным доводом в решениях, принимаемых старейшинами, и определяющим образом влияла и на компенсацию, положенную невиновной стороне, и на наказание, назначаемое провинившемуся крепостному, как о том свидетельствует следующий пример:

«Прошлого 1828 года в исходе праздника Светлой Недели Марта 31 числа конюха Ивана Тимофеева Ахряпкина из чулана у жены Пелагеи Василевой пропало разное имущество в покраже коего позореваем был конюх Яков Григорьев, но тогда признания в том неучинил. А минувшего февраля 3го числа, оная Пелагея узнала свой пропавший платок Села Канина у салдатки Федосьи Юновой, и по исследовании оказалось, что она тот платок получила от выше сказанного конюха Григорьева за вытканье ему холоста 12 локот; пропажи же у Пелагии было именно: платье новое миткальное стоящие по покупной цене 9 р. 20 к.; платье клетчатое холстинковое 7 р. 20 к.; шелковый французской платок 6 р.; желтой бумажной платок большой 5 р.; манишка белая миткальная 50 к.; ситцовой трех угольной старой платок или косынка, которая узнана стоящая 50 к.; всего 28 р. 40 к., за что Яков Григорьев высечен розгами с острыж пол. головы, а ко удовлетворению Пелагей велено с него взыскать скотиною по оценки, а хотя и следовало с него Григорьев за покраденные вещи взыскать в двое; но как означенная Пелагея разпутного поведения и с ним Григорьевым, имела блудное свидание, почему и оставлено взыскание одинаковое»³⁶.

В случае некоторых преступлений приказчик мог созвать совет старейшин:

«Прошлаго Августа 1833 у Села Канина крестьянина Филипа Никифорева из лесу пропали две лошади стоящие по покупке ему 140 рубля. По доказательству канинским же крестьянином Патомом Семеновым, того же села в краже тех лошадей на крестьянина Илью Агапова. На какой суждение собрано было со всех отделений первостатейные старики, кого осудили отобрать у Агапова на означенную сумму скот»³⁷.

Агапов также был высечен и передан местным властям для заведения уголовного дела.

Если украденные вещи нельзя было вернуть, то обычно община распоряжалась о конфискации собственности вора, часто в 2—3 раза превышавшей стоимость украденного. Тем не менее компенсация потерпевшей стороне должна была быть увязана с возможностью двора, из которого вор, продолжать исполнение своих трудовых обязанностей по отношению к поместью, и поэтому приказчик и даже московская контора могли прямо вмешаться в дела общины, отменяя решения старейшин³⁸. Наконец, хотя община считала, что крестьяне сами могут решить свои споры, не беспокоя старейшин, частным лицам не разрешалось подвергать наказанию тех, кто не являлся членом их семьи. В 1827 г., обнаружив воров оконного стекла, одежды и пары ботинок у своего дома, Галактион Воробьев, раньше, чем довести этот факт до внимания общины, заставил двух виновных в том крестьян «в холодное время итти раздевши и босиком» вокруг деревни. За что Воробьев был высечен³⁹.

Распределение земли и тягол, сбор налогов, выборы крестьянских деятелей, обработка земли нуждающимся и для общих хлебных запасных магазинов, подкуп чиновников и установление календаря полевых работ кажутся обычными делами общины. Ни еженедельные отчеты приказчика, ни другие документы, относящиеся к общине, не отмечают каких-либо серьезных споров по этим вопросам. Старейшины явно руководствовались сельскохозяйственными традициями, и им вверялось сохранение экономического равноправия дворов. Еще они сходились в том, что местной бюрократии должно держаться на расстоянии и одновременно утешать ей.

Напротив, принятие решения о том, кого отдать в солдаты в очередной рекрутский набор, всегда вызывало разногласия. Для каждого двора экономическая цена потери взрослого работника-мужчины была значительной. Двор не только терял тягло и положенный на тягло надел пахотной земли, в нем оставались иждивенцами невестка и, возможно, малолетние дети. Старейшины лишались своей опоры в старости, а если рекрутский набор случался спустя год или два после свадьбы, то они лишались возможности вернуть себе и кладку (выкуп за невесту).

Молодые мужики относились к рекрутскому набору как к смертному приговору. В Петровском некоторые рубили себе указательный палец, чтобы избежать рекрутчины; другие травились ядом или кислотой, надеясь повредить внутренние органы. Часто те, кто боялся попасть в рекруты, просто убегали. Другие старались сбегать по пути на призывные пункты. В ответ на это общинные сходы держались в секрете, и если крепостного назначали в службу, то его заковывали в колодки и приставляли к нему караул. Обычно требовалось столько же мужиков для того, чтобы доставить рекрутов в Тамбов, сколько было самих рекрутов. Община часто подкупала армейского врача, чтобы тот признал годным к службе крепостного, нанесшего себе увечье⁴⁰.

В рекруты брали в возрасте от 17 до 35 лет, год рождения рекрута выписывался деревенским священником из метрической книги до призыва. Поэтому довольно трудно было отдать крепостного в рекруты, если его возраст не соответствовал установленному законом. В Петровском имело место лишь одно исключение из этого правила. В 1834—1849 гг. средний возраст рекрутов по имени равнялся 25,7 года, в 1850—1858 гг. — 23,5 года. Большинство из них были женаты, так как менее 15% не достигали 20 лет. Рекрутство редко выпадало на долю хозяев дворов, и, хотя в результате они имели экономический интерес, старшие в первую очередь решали судьбу более молодого поколения. Неясно, почему средний возраст рекрутов был таким высоким и почему многие рекрутировались после женитьбы, оставляя, таким образом, много солдаток, по существу вдов. В документах об этом ничего не говорится. Возможный логический, правда чисто умозрительный, ответ заключается в том, что это давало общине достаточно времени, чтобы выявить дебоширов и лодырей.

Во время рекрутского набора поместье в первую очередь избавлялось от нежелательных ему элементов, а затем, если был недобор, тянули жребий двory. «По силе состоявшего Манифеста о рекрутском наборе приказано из каждого селения избрать стариков и сделать по имеющийся форме очередную опись с подозрительными и оглашенными шалунами»⁴¹, — писал приказчик в докладе от 22 октября 1834 г. В августе 1837 г. приказчик информировал московскую контору о том, что лица, «замеченные в воровстве, нерадение к домостроительству, и особенно из ленивцов и из безлошадных», будут отданы в рекруты⁴². Эта была обычная практика для многих имений⁴³.

Сама община часто выступала инициатором в установлении порядка и избавлении поместья от непутевого народа.

«Села Канина крестьянин Прохор Медведев, Егор Седов, и кузнец Егор Камков взятый из крестьян, неоднократно были подозреваемы в разном воровстве, но как небыли уличены, то оставались в подозрении. В настоящее же время, все трое избобличены в краже из конного завода колес и имущества у разных людей, почему крестьянское общество так как давно замеченных негодяев прочтут из имения удалить, с приняти-

ем на себя всех обязанностей как в работах, так и в земских повинностях, о чем Петровского Правление донести честь имеет Главную контору и покорнейши просит разрешения... отдать их в зачет будущих набор в рекруты, ибо они для этого будут годны, и тем крестьян лишить от разорения, ибо чрез них несколько семейств почти совершенно разорены, и между тем приучают других к подобным поступкам»⁴⁴.

Егор Седов, очевидно, не был взят в армию, о чем в ноябре 1860 г. приказчик пишет в московскую контору:

«Как же общество многократно обращалось в Правление с убедительною прозбою о ссылке означенного Седова за многия воровстве в Сибирь... правление покорнейши просит изхodataиствовать согласии Его Сиятельства на переселении Седова в Сибирь как самого негодного и вредного для całego имения»⁴⁵.

Такие случаи не были редкими. Община и поместье сходились в том, что крепостных, осужденных уездным уголовным судом, следует отдавать в солдаты или ссылатъ, однако до суда доходило редко, отчасти оттого, что большинство возмутителей спокойствия призывались на военную службу, не успев еще совершить такие проступки, которые требовали бы судебного разбирательства. Приказчики Петровского вели штрафные книги, куда тщательно заносили все провинности, совершенные крепостными. Одна из главных целей таких книг — облегчать составление рекрутских списков.

Из рекрутских списков 1831 и 1834 гг. ясно, что многие из тех, кого наметили в рекруты, совершили не одно только нарушение, и почти 2/3 из них числились в ворах помещичьей или крестьянской собственности (см. табл. 31). Понятно, что община хотела бы избавиться от тех, кто обворовывает других крепостных, и рекрутство было одной из немногих возможностей приказчика сдерживать воровство помещичьей собственности. Угроза попасть в рекруты не только сама по себе удерживала от воровства, но и делала каждый двор, особенно каждого хозяина двора, ответчиками за поведение своих молодых мужиков. Если семья надеялась сохранить свое материальное благополучие и старейшина хотел иметь рабочую силу для эксплуатации, чтобы обеспечить свое будущее, то в обоих случаях им следовало помогать пресекать воровство в поместье. Другими словами, что было хорошо для имения, то было на пользу и большаку, и всему его двору. Кроме того, хозяева дворов, которые сами воровали помещичье добро, увеличивали вероятность отдачи в солдаты справных мужиков из своих семейств.

Старейшинам важно было суметь заставить недовольных своим положением в семье молодых мужиков работать. И угроза рекрутчины поэтому использовалась ими в борьбе с ленью, ослушанием и небрежным выполнением своих обязанностей по двору. Кроме воровства, это были самые распространенные причины, по которым намечали кого-то для военной службы. Сыну или племяннику, недовольному отсутствием у него власти, своим статусом, экономическим положением в доме, всегда грозила рекрутчина, а вместе с

Причины направления в солдаты, имение Петровское

Причина	Частота	
	1831	1834
Кража собственности имения	15	14
Кража собственности крестьян	14	9
Избран по жребью	6	—
Лень и нерадивость в работе в хозяйстве двора	6	3
Лень и нерадивость, приведшие к бедности и нужде	5	1
Совершение различных выходок	4	3
Невыполнение барщинных повинностей	2	—
Бедность	1	2
Исповиновение старшим (главе двора)	1	1
Побег	1	1
Отец — вор	1	1
Осужден уголовным судом	1	—
Вдовец и калек	1	—
Бездомный	1	—
Раздел двора без разрешения имения	—	4
Исбренность с огнем	—	2
Неповиновение управляющему имением	—	1

Источники: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 518, л. 29-40; ч. 2, ед.хр. 753, л. 1-8.

Примечание: Много крепостных попадало в рекрутские списки по совокупности причин. Так, в 1831 г. в рекрутском списке было 39 имен, а в 1834 г. — 35 имен.

ней утрата собственности, наследства, потеря всех тех прав и выгод, которые приходят с годами. Молодые мужики, таким образом, находились под сильным давлением, принуждавшим их подчиняться воле старших и придерживаться тех норм, которых держалось старшее поколение в Петровском.

Хотя приказчики и община в основном сходились в том, что воров следует отдавать в солдаты, а поместье поддерживало патриархальную власть деревенских старейшин, наделяя их правом отдавать в солдаты своих непослушных или ленивых сыновей и племянников, община и поместье часто не находили согласия в

том, как быть с бедняками, то есть теми, у кого было слишком мало тягол, чтобы поддерживать свой двор. Одно время политика имения сводилась к тому, чтобы добирали рекрутов путем жеребьевки только между большими дворами, из того соображения, что там легче перенесут потерю работника. Хотя дворы с 3—4 тяглами и испытают понижение уровня жизни, если лишатся мужика, отданного в военную службу, они все же смогут остаться экономически жизнеспособными, прокормить себя и выполнять причитающуюся им работу. К тому же князь Гагарин, владелец Петровского, разрешил тем крестьянам, которым выпал солдатский жребий, купить освобождение от службы за 1000 рублей с выплатой в последующие три года. Между 1811 и 1812 гг., во время войны с Наполеоном, по крайней мере 9 дворов приняли это предложение. В 1855 г. двое крепостных, признанных негодными для строевой службы в армии, но годными служить в народном ополчении, были освобождены от службы, когда их семьи предложили имению по 350 рублей за каждого. В 1833 г., докладывая о просьбе выкупить освобождение от военной службы за 1000 рублей, приказчик пишет в Москву, что «хотя и неимеется подозрительных за семейством статей, по большому семейству, и уже должно вступить в повинности рекрутскую»⁴⁶. Такие отступные, освобождавшие двор от участия в жеребьевке, были очень большими: они показывали ту цену, которую имели мужчины для своего двора. Одновременно это была и награда за старательность. Исходя из интересов имения, приказчики избегали плодить нищету и тяготы и делали так, чтобы основную тяжесть рекрутского набора несли экономически сильные хозяйства, которым приходилось или отдавать сына, или платить. Это было еще одним механизмом выравнивания материального достатка и повышения доходов имения через продажу освобождений от службы.

Главная проблема, однако, состояла в том, что заложенная диспропорция в выпадении рекрутских повинностей на большие дворы подталкивала последних к разделу, с тем чтобы уменьшить вероятность потери работника. Во время войн, когда шли усиленные рекрутские наборы и многим крепостным грозил солдатский жребий, даже повышенный риск впасть в бедность из-за малого числа тягол и меньшей способности оправиться в случае ухода, несчастного случая или смерти работника-мужчины не останавливал дворы перед разделом. В Крымскую войну (1853—1856) военная машина требовала набора 36 рекрутов на 1000 душ мужского пола плюс 6 на 1000 от многих великорусских губерний для компенсации местных различий при наборе в армию в прошлом. В Петровском количество дворов в деревне выросло со 104 до 126 за шесть лет с 1850 по 1856 г. Неясно, почему приказчик не мог воспрепятствовать этим разделам, хотя, возможно, сами старшины больших дворов чувствовали, что потенциальная опасность и

экономические потери от раздела были меньше, чем от вероятной потери работника и содержания в течение многих лет солдатки и ее детей. Могли также сыграть свою роль и другие факторы: назревшая потребность в разделе, домашние ссоры, и, возможно, если верить советским историкам, неизбежная гибель крепостного права. К сожалению, документы из Петровского не проясняют этого вопроса.

Община видела в рекрутстве возможность избавить себя от более бедных и малопродуктивных дворов, особенно тех, которые не платят налоги и подати. Мишенью общины были в первую очередь бедные, малые дворы с единственным тяглом (их так и называли — «одинокие», особенно во главе с молодыми и неопытными хозяевами. Такие дворы не соответствовали патриархальному идеалу — когда под одной крышей жили три поколения со множеством супружеских пар — и не имели фактически никакой подстраховки в случае несчастного случая или болезни. В таких дворах любое нарушение в домашних делах легко могло стать причиной глубокого их расстройтва. В 1837 г. приказчик писал, что часто «мир за оных оплачивает все подати и исправляет все господские и казенные повинности». Переложение тягот военной службы на эти дворы служило интересам деревенских старейшин во многих отношениях. Это уменьшало количество мужиков, призванных на службу из их собственных дворов, это уменьшало количество молодых хозяев, которые были бы источником зависти для своих сверстников. Более того, по словам приказчика, набор из малых дворов не поощрялся делением, подрывавшему патриархальную власть. Угроза рекрутчины как ничто другое склоняла к объединению. Для общины подобная политика предоставляла еще одно решение проблемы с бедняками, уменьшая количество дворов, которым требовалась помощь общины, и была одним из средств ограничения экономического расслоения⁴⁷.

В противоположность общине имение иногда неохотно шло на то, чтобы в рекруты брали единственного мужика во дворе. Такие дворы часто были получателями финансовой помощи от имения, которое в случае сдачи в рекруты этих крепостных не имело бы возможности возместить свои затраты на них. В 1837 г., однако, после трехлетних усилий имения уменьшить число безлошадных хозяйств приказчик делает заключение, что те, кто до сих пор не имеет рабочих лошадей, должны винить в этом самих себя. Он утверждал, что «от видной ленности к работе непромышлют лошадей невзирая на то хотя бы он был и одинокой». Поэтому, считал приказчик, следовало бы «поступить в пользу той что крестьяне был уверены что и из одиноких будут отдавать в рекруты следовательно без лошадные будут более стараться о приобретении себе лошадей». К тому же приказчик замечает, что путем проведения такой политики давление на большие дворы, подталкивающее их к разделу, уменьшится и, таким образом, со временем уменьшится ко-

личество однопольных дворов⁴⁸. Эти настроения полностью соответствовали интересам крепостных патриархов.

Представленная здесь картина жизни общины в Петровском далеко не полна, но ограниченность информации в документах препятствует дальнейшему анализу. Все же некоторые аспекты деятельности общины вырисовываются ясно. Давая послабление в платежах и наделяя обрабатываемой землей нуждающихся, община делала много для того, чтобы обеспечить средства к существованию всем своим членам, включая экономически слабых. Основным подходом общины был контроль над производственными ресурсами. Общинные переделы пахотной земли и назначение трудовых повинностей на тягло ограничивали экономическое расслоение, и это, казалось, почти не вызывало разногласий между старейшинами, то есть между дворами. Института помощи нуждающимся не существовало, а прямая денежная помощь бедным или освобождение их от положенных выплат ограничивалась очень малым процентом населения.

Хотя жизнь общины, несомненно, не протекала в полной гармонии, в большинстве случаев мир был заинтересован во всеобщем благополучии. Община служила общему благу и тратила свои средства на то, чтобы освободиться от нарушений правил внутри самой общины и от бюрократического вмешательства, что было также и в интересах имения. Но это не означает, что община не поддерживала эксплуататорских отношений, только эта эксплуатация не включала в себя борьбу между дворами за существование и выживание. Община была инструментом старейшин, а они имели власть, чтобы регулировать раздел дворов, вести рекрутскую политику, принимая решения, в значительной мере определявшие судьбу более молодого поколения. Даже по вопросу рекрутского набора, где интересы поместья и большаков несколько не совпадали, последним иногда удавалось убедить приказчика избавить имение от малых и экономически нежизнеспособных дворов. Эта политика не только смягчала социально-экономическое расслоение, но и сохраняла благосостояние самих патриархов. Чаще же всего общины действовали во благо поместья. Но как бы успешно, и, казалось, взаимовыгодно большаки ни сотрудничали с приказчиком, в действительности обе стороны сталкивались с бесчисленным множеством случаев неподчинения и несотрудничества, что говорит о том, как глубоки были различия в статусе между поколениями в Петровском.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 558, л. 190.

² ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 862, л. 7-8.

³ ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 115, 190, 210, 233.

- 4 W r i g l e y. Population and History, p. 176.
- 5 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 1196 (25 января 1821 г.). См. также: М а ш к и н. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда, с. 86; М а л ы х и н. Быт крестьян Воронежской губернии, Нижнедевицкого уезда, с. 215.
- 6 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 161, л. 2; ед.хр. 615, л. 5-6; оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2833, л. 38-39.
- 7 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 558, л. 182, 190.
- 8 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 75, 115, 139, 168, 189, 214, 236, 275, 313, 384, 414, 433, 452, 483, 507, 527, 546, 564, 584, 593, 601, 608, 656; ч. 2, ед.хр. 722, 750, 782, 805, 828, 848, 868, 887. И хотя эти уровни годовых недоимок кажутся низкими, что в какой-то мере говорит о профессиональных качествах управляющих Петровским имением, цифры по другим крепостным имениям часто оказываются более высокими, чем они были на самом деле. Для помещиков не было необычным отнести недоимки не к годовой массе убытка, а ко всем накопившимся со времени введения отчетности по недоимкам. Эти недоимки являлись в действительности не более чем бухгалтерской записью в хозяйстве помещиков, долго не расстававшихся с мыслью собрать положенное.
- 9 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 161.
- 10 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 75, 115, 139, 168, 189, 214, 236, 275, 313, 384, 414, 433, 452, 483, 507, 545, 564, 584, 593, 601, 608, 656; ч. 2, ед.хр. 722, 750, 782, 805, 828, 848, 868, 887.
- 11 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 214 (ноябрь 1822 г.).
- 12 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 546 (октябрь 1835 г.).
- 13 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 414.
- 14 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 507.
- 15 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 214 (июль 1823 г.); ед. хр. 236 (март 1824 г.); ед. хр. 564 (ноябрь и декабрь 1835 г.); ед.хр. 584 (март и август 1840 г.).
- 16 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 414 (октябрь 1828 г.).
- 17 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 507 (май 1834 г.).
- 18 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 139 (апрель 1820 г.); ед.хр. 160 (декабрь 1820 г.); ед хр. 189 (февраль 1822 г.); ед. хр. 214 (октябрь 1822 и март 1823 г.); ед. хр. 275 (ноябрь и декабрь 1824 г.); ед. хр. 414 (март 1829 г.); ед. хр. 507 (апрель 1834 г.); ед. хр. 527 (март и июнь 1835 г.); ед. хр. 546 (август 1836 г.); ед. хр. 564 (январь, март и апрель 1837 г.); ед. хр. 584 (октябрь 1839 и март 1840 г.); ч. 2, ед. хр. 722 (август 1827 г.); и ед. хр. 782 (октябрь 1838 и февраль и апрель 1839 г.).
- 19 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 414 (июнь 1829 г.). См. также: ед. хр. 433 (октябрь 1829 г.).
- 20 Там же.
- 21 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 189 (июнь 1822 г.); ед.хр. 275 (октябрь 1824 и июнь 1825 г.); ед.хр. 384 (май 1828 г.); ед.хр. 414 (октябрь 1828 и январь 1825 г.); ед.хр. 433 (май 1830 г.); и ед.хр. 750 (июнь 1832 г.).
- 22 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 189 (март 1822 г.).
- 23 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 75.
- 24 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 414 (январь 1829 г.).
- 25 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 452 (сентябрь 1830 г.).

- 26 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 452 (декабрь 1830 г.). См. также: Д у б а с о в И. Холерный год в Тамбове. 1830. — *Русская Старина*, №12, 1875, с. 742-747; Д у б а с о в И. Тамбовская холерная смута в 1830-1831 годах. — *Исторический вестник*, 29, 1887, с. 620-628; Я к у н и н И. Холера в Тамбове в 1830-ом году: по рассказам очевидцев. — *Вестник Европы*, 55, кн. 10, 1875, с. 204-223.
- 27 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 750 (июнь 1832 г.); ч. 1, ед.хр. 507 (май 1834 г.).
- 28 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 584 (март 1840 г.);
- 29 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 656; ч. 2, ед.хр. 805, 828, 848, 868.
- 30 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 121 (1 января 1818 г.); ед.хр. 150 (1 сентября 1819 г.).
- 31 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 750.
- 32 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 598, л. 4.
- 33 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 160 (август 1821 г.); ед.хр. 189 (май и июнь 1822 г.); ед.хр. 214 (октябрь 1822 г.); ед.хр. 275 (июль 1825 г.); ед.хр. 313 (октябрь 1825 и май 1826 г.); ед.хр. 558 (11 октября 1836 г.), л. 49; ед.хр. 649 (30 ноября 1854 и 26 июля 1855 г.), л. 54-56, 149; ед.хр. 782 (сентябрь 1838 г.).
- 34 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед. хр. 593, 605. В книге «Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг.» под ред. Н.М.Дружинина (М., 1961) нет ссылок на этот бунт.
- 35 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед. хр. 413 (март 1829 г.).
- 36 Там же.
- 37 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед. хр. 496 (19 октября 1833 г.). См. также: ед. хр. 558 (июнь 1836 г.).
- 38 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед. хр. 846 (20 декабря 1857 г.).
- 39 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед. хр. 380 (октябрь 1827 г.).
- 40 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 139 (январь 1820 г.); 160 (январь 1821 г.); 189 (февраль 1822 г.); 275 (ноябрь 1825 г.); 384 (июль 1828 г.); 452 (май 1831 г.); 507 (октябрь и декабрь 1834 г.); 750 (сентябрь 1831 г.).
- 41 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 518, л. 22.
- 42 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 558, л. 219.
- 43 А л е к с а н д р о в. Сельская община в России (XVIII — начало XIX в.), с.76, 247-252, 267, 275-276.
- 44 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 8460 (декабря 1857 г.). См. также: ед.хр. 750 (ноябрь 1832 г.); ед.хр. 507 (декабрь 1833 г.).
- 45 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 884, л. 11.
- 46 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 20 (сентябрь 1811 г.); 29 (сентябрь 1812 г.); 496 (октябрь 1833 г.); 649 (апрель 1855 г.).
- 47 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 558 (10 августа 1837 г.).
- 48 Там же.

НАКАЗАНИЯ, СТРАХ И КОНТРОЛЬ

В Петровском имел место вовсе не дух общинности, а всего лишь совпадение интересов власть имущих и сговор между ними. И хотя жизнь достигла высокой степени интеграции, ее трудно назвать хорошей или гармоничной. Недород, нечистая сила, болезни и смерть подстерегали жителей имения на каждом шагу, несмотря на попытки уменьшить их последствия. Дерзость, ссоры и драки были характерными чертами поведения крепостных, а еще воровство: крепостные воровали как из имения, так и друг у друга. Кроме того, они охотно доносили начальству на своих же собратьев — других крепостных — и пребывали в постоянном и парализующем страхе перед телесными наказаниями, публичным осмеянием, потерей статуса, рекрутчиной и ссылкой. Должностные лица из крепостных и главы семейств, отвечающие за присмотр за ходом полевых работ, находили широко распространенными лень, небрежность, безразличие и прогуливание работы молодежью, наносящие урон власти и привилегиям старейшин, уровню их материального благосостояния и прибыльности всего имения. Однако такое поведение было неизбежным следствием самого крепостного строя. В итоге социальный гнет одного крепостного на другого крепостного далеко превосходил экономическую эксплуатацию со стороны помещика.

Анализ различных аспектов власти в Петровском — власти крестьянского двора, общины, а в данной главе — власти приказчика — показывает, что те средства, с помощью которых крепостного заставляли работать и вести себя положенным образом, были далеки от совершенства. Структуры контроля требовали больших социальных и экономических издержек. Невозможно знать, что думали сами крепостные из Петровского о своем поведении, но штрафные книги, которые велись приказчиком, демонстрируют такую обстановку, которая современному человеку может показаться ужасно конфликтной, полной насилия и наказаний. Штрафные записи фиксировали не только те действия, которые совершались против имения, как, например, воровство или небрежность в работе; здесь отмечались также и наказания за создание внутреннего беспорядка, за воровство у других крепостных, за нарушение законов общины или за участие в самых разнообразных антиобщественных акциях. За 13 сельскохозяйственных лет (начинающихся в сентябре и оканчивающихся в августе) записи по имени сохранились полностью, и в них упоминается 3331 случай дисциплинарных взысканий, в среднем — по 256 в год, и почти все они каса-

ются взрослых мужчин. В записях еще по девяти годам существуют разрывы в несколько месяцев. В общей сложности было отмечено 4187 наказаний. И хотя в документах отражены лишь наказания, налагавшиеся приказчиком, из записей видно, что и смотрители, и нарядчики били крепостных крестьян. Нет сведений о том, как часто применялось телесное наказание. Люди подвергались также, по крайней мере в нескольких случаях, наказаниям без соответствующего разрешения властей¹.

Итак, острота конфликтного противостояния в Петровском ощущалась значительно выше, чем о том — пусть даже косвенно — говорят документы. Приказчики в первую очередь были заинтересованы в том, чтобы регулировать поведение взрослых мужчин, не подрывая патриархальной власти. Опубликованные в России сборники наставлений для управляющих именными редко касались вопросов внутрисемейных отношений². В Петровском приказчики не наказывали детей, женщины же составляли менее 5% подвергшихся взысканиям. Проступки, совершавшиеся в отношении членов своего же двора, составляли всего 1,1% от общего числа проступков. Однако полагать, что зафиксированное в штрафных книгах поведение мужчин не отражает хотя бы отчасти межличностных отношений и отношение к работе у женщин и детей, — значит считать, что это общество было полностью дезинтегрировано, что для него не характерны процесс социализации и модели поведения для мужчин. Согласно многим свидетельствам, свары внутри крестьянского двора наблюдались повсеместно, а битые жены считались делом обычным³. В августе 1825 г. Тимофей Воробьев, крестьянин-землепашец из Петровского, был «чувствительно» выпорот «за бурное поведение и безъчеловечную драку жены своей»⁴. Иногда случалось, что вдовы просили приказчика наказать их сыновей за непослушание⁵. Штрафные книги других крепостных поместий часто упоминают случаи телесных наказаний членов семьи по просьбе самого главы семьи⁶. То давление, которое испытывали дворы в Петровском в плане раздела, уже рассматривалось. Таким образом, очевидно, что в большинстве случаев приказчики неохотно вмешивались во внутрисемейные дела, но женщины и дети тяжело реагировали на конфликты и насилие, явно преобладавшие в жизни мужчин, судя по записям в штрафных книгах.

Налагаемые приказчиком наказания распространялись на все мужское население Петровского. Речь идет отнюдь не о многократном наказании нескольких человек, склонных неправильно вести себя. В течение двух сельскохозяйственных лет — с сентября 1826 г. по август 1828 г. включительно — порке подверглось по крайней мере 79% взрослого мужского населения, причем 24% — более одного раза. За этот период на всех взрослых крепостных мужчин и женщин имения (1305 человек) — пришлось 714 случаев порки, в среднем 0,27 на взрослого работника в год. Для срав-

нения скажем, что Фогель и Энгерман в своей работе об американских неграх-рабах смогли привести достоверные данные о порке лишь по одной плантации — ее владельцем был некий луизианский плантатор Беннет Барроу, «который считал, что экономить на розгах — значит портить рабов». На каждого раба в двухлетний период 1840—1842 гг. здесь приходилось почти в два с половиной раза больше порок, чем в Петровском. Однако почти половина рабов порке в тот период не подвергалась, и эта ситуация в общем-то не отличается от наблюдавшейся в Петровском, где 56% взрослого мужского населения избежало розог в 1826—1828 гг. Основные различия, по-видимому, заключаются в том, что женщин в Петровском пороли редко, а мужчин — редко больше одного раза⁷. В конце 50-х годов XIX в., когда показатель применения телесных наказаний или других дисциплинарных взысканий в Петровском оказался значительно ниже, в течение двух сельскохозяйственных лет (1856—1857) наказанию подверглось 20% взрослого мужского населения, но лишь 2% более одного раза. В среднем, исходя из полных данных за тринадцать лет (сентябрь 1819 г. — август 1821 г., сентябрь 1826 г. — август 1834 г.; сентябрь 1839 г. — август 1840 г. и сентябрь 1856 г. — август 1858 г.), приблизительно четвертая часть всех взрослых крепостных мужчин подвергалась наказанию по крайней мере раз в течение года.

Как я уже отмечал, у приказчика в Петровском в отношении крепостных было две заботы: во-первых, побуждать крепостных к работе и, во-вторых, сдерживать их от воровства, домашних свар и других форм общественного беспорядка. Наказания в качестве метода контроля достигали этих двух целей не с равным успехом. Причиной тому явились в основном два взаимосвязанных фактора. Во-первых, поместье было организовано для производственных целей в рамках традиционного аграрного хозяйства (экономии), где уровень производства и прибыль в большой степени зависели от количества вложенного труда. Поэтому приказчики были очень ограничены в выборе возможных форм наказания. Во-вторых, необходимость ограничивать беспорядки и воровство превалировала над поддержанием строгого трудового режима. Приоритет при этом отдавался не строгому следованию правилам трудового порядка, а гладкому течению жизни в обществе.

В качестве наказания приказчики применяли сдачу в солдаты и высылку — самые крутые в отношении крепостных меры принуждения, которые могли использоваться только в самых крайних случаях. Расцениваемые крепостными как насилие, эти наказания сами часто порождали насилие: в виде открытых бунтов, как это было в 1841 г., когда восстали некоторые крестьянские дворы, определенные к переселению в Сибирь, или в форме членовредительства, как это часто имело место при рекрутских наборах. Очевидно, приказчики не могли одновременно сослать все село и обеспечить процветание имения. Более того, в применении отмеченных мер в ка-

честве наказания существовали законные ограничения по возрасту, состоянию здоровья, а для солдатского призыва — еще и пол.

Взятие крепостного под арест или надевание на него *шейной рогатки* (которая, кстати, в качестве наказания была запрещена правительством как разновидность пытки) снимало крестьян с работы. Исходя из целей поместья и принимая во внимание потенциальный вред всему хозяйству от невыхода крепостного на работу, этим мерам в качестве наказания широкого применения не давали. Соответственно в Петровском имели место лишь пять случаев взятия под арест (0,1% от общего числа наказаний) — обычно с целью сдачи крестьянина официальным властям — и одиннадцать (0,3%) применения рогатки.

По сути дела, приказчики имели в своем распоряжении четыре формы наказания, которые, как они считали, помогали в тесной работе и обеспечивали функционирование имения. Порка крепостных *розгами* была самой распространенной формой, применявшейся в 97,8% из имевших место 4187 случаев наказания. Исключения делались лишь для слишком старых или больных. За 1856—1857 и 1857-1858 сельскохозяйственные годы журналы приводят такую статистику: в 159 случаях розги применялись в среднем 37,4 раза, зафиксировано и самое большое количество ударов — 80.

Телесное наказание за наиболее серьезные проступки — приблизительно 10% от всех видов наказаний — сопровождалось выбриванием половины головы и бороды, наложением штрафа или, если речь шла о должностном лице из крестьян, смещением его с ответственной должности. Выбывание половины головы и бороды было особенно ненавистной формой наказания. В 1844 г. губернатор Пскова генерал-майор Барталов попросил у министра внутренних дел графа Л.А.Перовского ограничить помещиков в их праве оставлять на своих крестьянах эту «зримую мету позора». Барталов утверждал, что такая практика настраивает крепостных против их же помещиков, отмечая при этом, что стричь волосы таким mannerом — значит оскорблять чувство народа. Министр отказал в ограничении прав помещиков, заявив, что, «хотя и было бы желательно не видеть использование этой меры в крепостных поместьях», это все-таки не пытка и в наказании крепостных с плохим поведением она эффективна, поскольку удерживает их от побега после порки⁸. В Петровском примерно 6% (258 случаев) всех наказаний представляла порка с последующим выбриванием половины головы и бороды.

Суровым наказанием считались также штрафы, которые включали не только денежную выплату, но часто и конфискацию скота. Вообще потеря собственности болезненно ощущается в любом крестьянском обществе; в России же из-за того, что основная часть собственности находилась в общем владении членов двора, наложение штрафа на одного означало наказание всех домочад-

цев, всего двора. Соответственно штрафы были формой коллективного наказания обычно в тех случаях, когда от проступка в выигрыше оставался бы весь двор. Штрафы налагались в 146 случаях, что составляло 3,5% всех наказаний.

Теперь о должностных лицах из крепостных: они хоть и были объектом многих нападков и поношений как со стороны приказчиков, так и со стороны рядовых крепостных, но пользовались рядом привилегий. Смотрители и нарядчики освобождались от тягот работы на барских полях, а это значило, что и они сами, и их лошади в значительно лучшем физическом состоянии обрабатывали собственные поля⁹. Кое-где, правда, не в Петровском, их дворы даже освобождали от рекрутчины¹⁰. Во многих других делах должностные лица из крепостных просто использовали свое служебное положение. Лишение этих крепостных власти и статуса являлось одной из доступных приказчику форм дисциплинарного взыскания. Крестьянские функционеры фигурировали в 13% всех проступков, записанных в штрафных книгах. В общем, этих людей наказывали только поркой, но в 5% случаев они потеряли также и свой привилегированный статус.

Подлежащие наказанию проступки распадаются на разные категории (см. табл. 32). Наиболее сурово наказывалось воровство. Вора не только пороли. На воровство приходится 74% всех штрафов и 77% всех случаев выбривания половины головы и бороды. Как было показано, воровство служило главным поводом сдачи в солдаты. Наказание варьировало в зависимости от того, что было украдено, и от характера использования краденого. Воровство с последующей продажей краденого — а это около 15% всех случаев воровства — наказывалось более сурово, чем воровство, совершенное ради личного пользования краденой вещью. В первом случае вероятность того, что обретут половину головы и обложат штрафом, была в три раза выше, чем во втором. Американские рабовладельцы также выказывали меньше снисходительности к тем, кто воровал для последующей продажи¹¹.

Украсть из имения было для крепостного делом сравнительно легким. Сев, жатва, переработка и перевозка зерна представляли массу возможностей украсть его. Кроме того, редкая неделя выпадала летом, когда крестьян не били за потраву их скотом полей имения. Зимой же воровство леса из угодий имения (лесных дач) было чуть ли не ежедневным занятием крестьян, и приказчику приходилось выставлять на охрану леса по 10—15 человек. В общей сложности эти три деяния давали треть всего количества проступков, за которые крепостным в Петровском полагались наказания.

Какими бы ни были наказания за порубку леса из имения или за кражу зерна, такие поступки совершались довольно часто: за тринадцать лет в штрафных книгах отмечено 1200 подобных случаев. Этнографы XIX века предполагали, что крестьяне не счи-

Основные причины наказания (данные только за полные года)

Проступки	Количество случаев	% от общего количества
Проступки на работе	1410	39,8
Воровство	1008	28,5
Намеренная погрыва зернового поля	331	9,4
Насилие или буйное поведение	213	6,0
Небрежное несение караула	189	5,3
Внутрисемейные проступки	97	2,7
Несанкционированная деятельность	49	1,4
Отлучка из деревни	34	1,0
Пьянство	34	1,0
Прочее	174	4,9
Всего	3539	100

Источник: ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 889 (1819-1820); 1129 (1820-1821); оп. 4, ч. 1, ед.хр. 345 (1826-1827); 380 (1827-1828); 408 (1828-1829); 428 (1829-1830); 447 (1830-1831); 463 (1831-1832); 479 (1832-1833); 503 (1833-1834); оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2419 (1839-1840); оп. 4, ч. 2, ед.хр. 824 (1856-1857); 843 (1857-1858).

Примечание: В некоторых случаях два проступка были поводом для одного наказания, поэтому общее количество проступков — 3539, а количество наказаний — 3331.

тали кражей порубку находящегося в чьей-то частной собственности леса, поскольку лес не являлся продуктом труда человека. Ствол принадлежит тому, кто его срубил. Фредерик Лоу Олмстед, известный исследователь рабства в Америке, писал в 1856 г. по поводу отношения рабов к краже зерна: «Мне сообщили как своеобразный факт, что повсюду на плантациях укоренилась [так называемая] аграрная идея в этической системе негров, согласно которой результат труда по праву принадлежит трудящемуся»¹². Как это отмечено и в отношении других крестьянских обществ, здесь, в нашем случае, следует учесть, что кража зерна из имения в значительно меньшей степени подрывала экономическое равновесие в деревне, чем кража того же зерна у односельчан. На это просто смотрели как на увеличение общего пирога, а не на отрезание большего куска себе. Таким образом, кража из имения могла быть предприятием рискованным, но не оскорблявшим общественную мораль. Пойманный и наказанный, крестьянин мог считать себя неудачником, но никак не виновным. Юджин Дженовезе отме-

тил, что, американские рабы проводили такое различие: «Друг у друга они воруют, но у своих хозяев — только берут». Такое отношение разделяли даже некоторые рабовладельцы, наказывая своих рабов не за воровство, а за то, что были пойманы¹³.

Однако кража собственности из имения приводила к крупным конфликтам в среде самих крепостных села Петровское. Смотрители леса отвечали за поимку тех крепостных, что воруют лес. Если приказчик обнаруживал, что значительное количество деревьев порублено, но никого при этом не поймали, то тогда пороли лесника за нерадивость. Часто били и вора, и лесника, первого — за воровство, а второго — за то, что заметил вора лишь после порубки. Часто между лесниками, с одной стороны, и ворами — с другой, происходили драки. Если же лесник покрывал вора-крестьянина и его на этом ловили, то наказание могло быть суровым.

«Крестьянин Трафим Федотов находился при господском лесе смотрителем позволил Родионовским крестьянам срубить дуб для столбов и продать посторонним крестьянам за что наказан розгами и острижено ему по половины головы, от должности же отрешен»¹⁴.

Даже те из крепостных, что не числились в смотрителях за лесными угодьями, должны были доносить на воров приказчику:

«Крестьяне Тимофей Воробьев и Прохар Каширин, из коих первой за срубку воровски дубовых 4 кряжей и продажу оных Моисеевскому одноворцу, а последней за известность того дела и не объявление о том начальству и по известности за утайку сего дела взяты им с того одноворца денег 20 р., за что Воробьев наказан розгами и брито половины головы, а Каширин по старости лет от наказания отставлен, но обрито половина головы»¹⁵.

Болес того, наказывали даже тех, кто не являлся свидетелем воровства. Так, в начале июня 1828 г. Аким Дмитриев, Тимофей Ефимов и Фома Голицын вместе работали на барском поле, сея гречиху. Голицын украл какое-то ее количество, позже найденное у него дома, но, когда Дмитриев и Ефимов заявили, что не заметили, как тот ее брал, были биты «за не смотрение и скрывание онаго» — хороший пример общей ответственности¹⁶.

Кража собственности имения превращала свидетеля либо в доносчика, либо в сообщника. Подвергнуть воров наказанию можно было только после их выдачи приказчику другими крепостными, поскольку приказчик не имел никакой другой возможности узнать о подобных проступках, за исключением тех редких случаев, когда сам являлся их свидетелем. В некоторых случаях штрафные книги сообщали: «...по свидетельству, данному против него крестьянином таким-то» или «смотритель леса, который ясно видел их с краденной рожью». Следует добавить, что известно по крайней мере шестнадцать случаев наказания крепостных за дачу ложных показаний против других крепостных. Доносительство, видимо, получило широкое распространение в Петровском, и трудно пред-

ставить, как в таких условиях было не развиваться атмосфере враждебности, недоброжелательности и мести.

Примерно 15% упомянутых в штрафных книгах краж касались крестьянской собственности (см. табл. 33). Крепостным было значительно труднее красть друг у друга, чем из имения. Семенное зерно легко удавалось утащить во время сева на помещичьих полях, на полях же друг у друга крестьяне не работали. Крестьянские избы, амбары и надворные постройки — все было огорожено забором, что затрудняло доступ посторонним. Большинство отмеченных в штрафных книгах краж крестьянской собственности касались ценных и значительных объектов. Кражи скота, обычно лошадей, составляли 16% всех краж. Кражи зерна и одежды составляли по 18% (каждая группа). Остальное — это кражи самых разных, впрочем, не пустяковых в крестьянском быту предметов, таких, как домашняя утварь, сельскохозяйственный инвентарь, ульи и овощи из огорода.

Таблица 33

**Кражи в зависимости от того, у кого украдено и что украдено
(только по годам, о которых имеются полные данные)**

Что украдено	У крестьян	В имении	Неизвестно	Всего
Лес, дрова	14	633	1	648
Одежда	27	1	—	28
Лошади	19	0	1	20
Прочий скот	5	6	—	11
Сено	11	22	—	33
Зерно	25	152	2	179
Деньги	3	0	—	3
Разное	44	40	2	86
Всего	148	854	6	1008

Источник: См. табл. 32.

Потеря лошади могла ввергнуть крестьянское хозяйство в разорение, да к тому же не позволить крестьянскому двору выполнить свои трудовые обязательства перед имением и заплатить налоги. Поэтому и конокрадство наказывалось в имении самым суровым образом. Всех конокрадов пороли и брили им половину головы — такое наказание накладывалось за конокрадство чаще, чем за какой-либо другой проступок. Если же коня продавали, то тогда на провинившегося накладывался и штраф, составлявший 2—3 стоимости краденного.

«Села Канина и Петровского крестьяне Павел Крытаев и Ефим Никулин за кражу Петровского крестьянина Родиона Петрова лошади и сдвиги оной канинского священника сыну, который он же лошадь и продал в Тамбове за 24 р., и с означенных крестьян Крытаева и Никулина определено взыскать по оценке по 35 р., итого 70 р. и сверх того наказаны чувствительно розгами и обрита половина головы»¹⁷.

В конце лета, после того как хлеба были сжаты и связаны в снопы, легко было украсть сноп с чужого поля. Случалось, что пропажа исчислялась подводами. Несмотря на ограды, воры проникали иногда и в крестьянские дома.

«Крестьянин Василий Прохаров украл онаго же села у крестьянина Тимофея Коцдратьева из дому шерстеную полость, порожних 6 ульев, 1 порождения бочку, и 1 кадку, за что и наказан розгами с возвращением покраденного назад хозяину»¹⁸.

Наказание за воровство было одинаковым вне зависимости от того, чье имущество украдено — крестьянское или господское. Кражи из имения — это главным образом кражи леса и фуража, тогда как кражи у своих же крестьян — это еда, скот, одежда — короче, то, что имелось у каждого и что легко было украсть. Лес и пиломатериалы у крестьянина складировались во дворе, за оградой, в то время как господский лес занимал площадь свыше 2470 гектаров неогороженного пространства. Крестьянский скот, выпасавшийся на общинных выгонах, тоже являлся легкой добычей. Господский хлеб в полях после жатвы обычно охранялся. В каком-то смысле можно считать, что и крестьянский хлеб тоже охранялся, если речь шла о полях, прилегающих к господским, но часто случалось так, что полосы крестьянской земли находились в отдалении от постов охраны, и тогда хлеб на них тоже становился легкой добычей воров. Сам же крестьянин был не в состоянии охранять разбросанные там и сям копны.

Этнографы, изучавшие крестьянские общества, считают широко распространенным в них как воровство, так и страх быть обворованным. В греческой деревне Василика «сторожевые псы — непременный элемент дома. Здесь народ считает, что опасность воровства актуальна всегда, и предпочитает не оставлять свой дом совершенно без охраны»¹⁹. Аналогично в мексиканской деревне Тцинтцунтан в целях предотвратить воровство «двери дома обычно держат закрытыми весь день, а на ночь их подпирают массивными столбами... Почти во всех домах есть натасканные на человека злые собаки, готовые наброситься на каждого, кто приблизится к дверям»²⁰. Крестьяне Южной Италии обеспокоены тем, что «воровство... это пагубный общий обычай». В высокогорных общинах в Перу в начале 1960-х годов крепостные демонстрировали тип поведения, чрезвычайно схожий с тем, что наблюдался у крестьян села Петровское. «Кражи отнюдь не ограничивались господской собственностью. Крепостные из Викоса обворовывали друг друга, поэтому они ставили сторожевые домики на полях ко времени со-

зревания урожая, возводили закрытые хранилища и т.д.» Воровство в среде рабов представляло проблему на некоторых американских плантациях; рабы «часто запирали на день свои хижины, а также спальни и стенные шкафы, дабы оградиться от воров»²². По-видимому, аналогичные взгляды на воровство и на собственность царили и в Петровском, и крепостные испытывали все те же самые чувства, которые испытывают и свободные люди.

Продовольственные кризисы не приводили к резкому росту случаев воровства, а кражи леса и фуража (73% всех краж, или 28% всех проступков) отражают постоянную нужду, в которой жили крестьяне. Серьезная нехватка леса во всем регионе, окружавшем Петровское, и ограниченность выпасов из-за трехпольной системы создавали такой спрос на лес и корм, что все возможные последствия воровства столь необходимых для жизни вещей отступали на второй план²³. Крестьяне явно чувствовали, что получаемые таким образом блага сторицей воздадут им за риск. Как-то раз один из приказчиков сообщал: «Несмотря на строгое наблюдение за лесными дачами, крестьяне села Петровского и Канина, постоянно занимаются воровством леса, от чего не удерживает их ни штрафы ни наказания»²⁴.

Но, по сути дела, риск быть пойманным в краже леса или фуража был не столь велик. Все-таки при отмеченной частоте наказаний за подобные проступки можно сказать, что порка стала частью образа жизни, поскольку всегда существовала потребность в ворованном лесу, в выпасе скота в запрещенных местах или в краже фуража. А у приказчика, когда тот сталкивался с подобным поведением, выбора было мало. Однако наказание не компенсировало экологического ущерба и материальных потерь, и те возможные попытки ввести более жесткий контроль при существовавшей в Петровском структуре власти должны были бы означать только более острое противостояние. Наказание — это уже сам по себе продукт злобы, недоверия и страха, царивших в крестьянской среде. Использование же более суровых форм наказания привело бы только к трудностям в контроле за приносящими наибольший вред кражами. Как видно из структуры наказаний, отраженной в табл. 34, приказчик видел необходимость проводить различие между серьезными кражами и мелким воровством леса и фуража.

Но ничто не вызывало такой вражды между крепостными, как барщина, и здесь мы вступаем в царство поистине рабского режима. Мир принудительного труда — это мир насилия, где враждебность противостояния крестьян-землепашцев и должностных лиц из крестьян принимала невероятный размах.

«Д. Варварины староста Василей Федоров приносил жалобу той же дер. на крестьянина Матвея Катыхова, которой по наряду выехал для пахания к нижней паровой пашни и недождавшись жеребью стал сам собою на ту десятину которая была легче после чего по разводе по жеребью каждого на свою десятину тот Катыхов командирован старостою с ехать ему на ту десятину, которая ему по жеребью досталась, при чем

Наказания по разным видам проступков (только по тем годам, за которые имеются полные данные)

Проступки	Общее число проступков	Число наказанных битьем			Число наказанных штрафом		
		N	%	% по колонке	N	%	% по колонке
Кражи							
Леса и дров	625	43	6,9	25,0	24	3,8	22,4
Другие кражи	330	83	25,2	48,3	42	12,7	39,3
Преднамеренная потрава крестьянских или господских полей	318	7	2,2	4,1	13	4,1	12,1
Общественные проступки (насилие или буйное поведение)	221	16	7,2	9,3	8	3,6	7,5
Внутрисемейные проступки	73	4	5,5	2,3	0	0,0	0,0
Проступки на работе	1279	1	0,1	0,6	1	0,1	0,9
Небрежность в несении караула	183	9	4,9	5,2	15	8,2	14,0
Разные проступки	93	9	9,7	5,2	4	4,3	3,7
Всего	3122	172	—	100,0	107	—	99,9

Источник: См. табл. 32.

Примечание: Для установления соотношения между проступками и наказаниями были исключены те случаи, когда одно наказание выносилось по двум проступкам.

ослушал старосты в чем Катыхов ругал его, за которое послушание и ругательство староста ударил его один раз кнутом, а помяну той крестьянин из сохи хватая по лицу прошиб старосте до крови голову исклился бить больше на староста, оставя его и отъехал прочь и просил в том на упомяну того крестьянин жалобу и выставлял при том свидетелей те же дер., которые и были призваны в контору при разбирательстве онаго и по свидетельству, Катыхов оказался виновным, за что и наказан чувствительно розгами»²⁵.

В сентябре 1820 г. крестьянин, перевозивший гречиху на ток, отказался поднять упавшую с воза солому. Смотритель ударил крестьянина кнутом, а крестьянин ответил тому черенком от вила²⁶. Когда же староста Бузюкин наказал крепостного землепашца за лень, крестьянин тот со своим братом «били его [Бузюкина] кулаками, драли за волосы и за бороду»²⁷. В целом приказчики 77 раз наказывали крепостных за насилие и неподобающее поведение по отношению к крестьянским должностным лицам, 56 раз — за дерзость, 41 раз — за драку и 11 раз — за применение силы. И это еще не все: сюда не включены случаи, рассмотренные самими крепостными надзирателями и не доложенные приказчику. Следует полагать, что если смотритель в своем споре с крестьянином брал верх, то об этих случаях он приказчику не докладывал.

Значительно чаще крепостные из Петровского отвечали на обязательную работу не силой или яростью, а безразличием (см. табл. 35). Однако это мало снимало напряжение в отношениях между надзирателями и нарядчиками, с одной стороны, и рядовыми крестьянами, с другой. Крестьянские должностные лица отвечали за поставку необходимого количества крепостных на работы и за соблюдение правильного хода работ. Зажатые между приказчиком, требовавшим четкого выполнения работ, и крепостными землепашцами, проявлявшими мало энтузиазма на барщине, крепостные надзиратели находились в отчаянном положении. Если крепостной не являлся на работу, то часто наказывали ответственного — *нарядчика*. Также часто пороли рядового крестьянина, порка обоих сразу тоже не была редкостью. В декабре 1839 г. «села Петровского нарядчик Родион Семенов за невыгон по наряду баб, наказан розгами». Но в июне 1831 г. наказали как раз женщину «за невыход по наряду в господские работы». В третьем случае «нарядчик Сидар Гаглов за невысылку крестин на господскую работу, а крестина онаго же села Андрей Поляков и Абрам Поляков за невыход по наряду на господскую работу наказаны в конторе розгами»²⁸. Наконец, нарядчик Сидор Архипов, будучи не в силах заставить женщин выйти на работы, видимо, убоаясь последствий и, «напившись сам пьян, связал их волосы коса с косой и водил по селу»²⁹.

Крепостным надзирателям приходилось проявлять неослабное внимание весной и в конце лета с тем, чтобы крепостные пахали не слишком мелко и не пропускали участка земли при запашке. Не были в диковинку и массовые порки в поле. Как-то в майский день

Проступки на работе (только за годы, по которым имеются полные данные)

Проступки	Количество	% в общем количестве проступков по работе	% от общего количества проступков
Неправильно сделанная работа или плохая вспашка полей	457	32,4	12,9
Отсутствие на полевых работах	290	20,6	8,2
Безответственное отношение к работе	142	10,1	4,0
Недосмотр за работой крестьян-землепашцев	138	9,8	3,9
Непоставка на работы требуемого количества крестьян	109	7,7	3,1
Небрежность в обработке зерна	108	7,7	3,1
Неповиновение	100	7,1	2,8
Лень	29	2,1	0,8
Опоздание на работу	23	1,6	0,6
Вовремя не управился с работой	14	1,0	0,4
Всего	1410	100,1	39,8

Источник: См. табл. 32.

1829 г. были выпороты один староста, семь нарядчиков и 70 крестьян за плохую вспашку господских полей. На следующий месяц выдался день, когда порке подвергли 53 крепостных за неправильную обработку гречишных полей. В конце июля тоже за один день были сечены розгами 4 нарядчика, 28 крестьян-землепашцев с женами и еще 24 мужчины «за нечистоту в жнитие господской ржи отведенной на тяглы». В мае следующего года в разные дни были сечены розгами 68 крестьян за небрежную обработку яровых полей. Еще год спустя, в июне, на один день припалась порка одного нарядчика и 40 крепостных землепашцев, небрежно вспахавших залежь. На следующий июнь подвергся тому же наказанию еще 31 крестьянин³⁰. Соответственно и массовые неявки на работу выливались в массовые наказания. А в одном довольно необычном случае порке подверглись нарядчик и 25 крестьян за неявку на молитву в поле о ниспослании дождя³¹. Разумеется, крепостные были умелыми земледельцами и знали свое дело четко, тем не менее штрафные книги показывают широко распространенные неповиновение, неподчинение власти, небрежение в работе, непокорность, лень и хулиганство.

Вряд ли можно было позавидовать положению крестьянских должностных лиц. Часто оскорбляемые теми, над кем они были поставлены, смотрители, нарядчики и лесники получали значительную долю всех наказаний. Почти в каждом четвертом проступке и, соответственно, в порке фигурировали крестьянские смотрители, хотя они и составляли всего 8% взрослой мужской рабочей силы. А поскольку неповиновение, нерадивость или безразличие крестьян часто составляли суть конфликта, то и негодование должно было быть сильным. К тому же, хотя приказчик сам мог держать под своим началом до 50—60 должностных лиц, но и он должен был полагаться на смотрителей и нарядчиков, сообщавших ему о нерадивости крепостных землепашцев. Таким образом, должностные лица из крепостных оказывались в положении, когда и их наказывали, и они наказывали, и это только способствовало напряженности в их отношениях с рядовыми крепостными.

Неудивительно, что крестьянские служащие злоупотребляли своей властью. Они без разрешения освобождали некоторых крестьян от господских работ или несправедливо делили между крестьянами задание, к одним проявляли больше мягкости и снисхождательности, чем к другим. Имел место случай, когда нарядчик добивался половых отношений с женщиной, находившейся под его началом³². В итоге недоверие, подозрительность и социальный конфликт стали основными чертами и разрушительными моментами жизни крепостных, а насилие было обычным средством разрядки накапливавшейся напряженности.

Несмотря на то что приказчики неохотно занимались внутрисемейными делами крестьян, им обычно приходилось вмешиваться в драки между крепостными из разных дворов. В общем, штрафные книги сообщают мало подробностей о конфликтах между крепостными, если дело не касается работы, однако отмечены 62 драки, 30 ссор, 17 нападений и 12 случаев буйного, распущенного поведения. И опять-таки надо полагать, что лишь небольшая часть провинностей — видимо, наиболее серьезные из них — попадали в поле зрения приказчика.

Удивительно, но в книгах совершенно отсутствуют упоминания об убийствах, притом что насилие приводило к серьезным травмам, как о том говорится в следующих двух случаях:

«Крестьянин Михаил Козмин с сыном своим крестьянину той же деревни Гардею Савельеву прошибли голову, так что рана его угрожала смерти, по исследованию Петровского вотчинного Правления оказалось, что крестьянин Козмин вероятно имея на Савельева какую-либо злобу, зазвал его в дом и вместе с сыном своим без всякого причин учинил ему побой, за каковой поступок означенные виновники оставлены без наказания, в пред до особого распоряжения Главной Конторы, и вместе с тем Правление покорнейше просить для сокращения подобных буйств между крестинами сделать какое-либо примерное наказание»³³.

«Крестьянин Зоть Федоров Меденов подрался того же села с крестьянином Филипом Куликовым, и проломил ему голову, за что наказан розгами и положено с него к взысканию за лекарство на излечение его Куликова в господский доход 5 рублей, за увечье Куликову 5 рублей, итого 10 рублей»³⁴.

Часто шалости выходили за рамки порядка. Так, в марте 1828 г. три крестьянина, возвращаясь домой с провешивания господского зерна, встретили Ульяну Алексееву и «для забавы своей привязали ее к хвосту салазок», которые они погнали вокруг села до тех пор, пока салазки не врезались в ворота господского дома³⁵. Кое у кого складывались плохие отношения с соседями, и они постоянно дрались. Насилием часто заканчивались и обвинения в воровстве³⁶.

Семейные трения достигали своего апогея летом, когда сами по себе большие объемы полевых работ приводили к существовавшему напряжению внутри крестьянских дворов. На июнь и август — два месяца, на которые приходился пик полевых работ, — выпадало 40% наказаний за семейные проступки. На июль, август и сентябрь приходилось 2/3 случаев несанкционированного раздела крестьянских дворов. Поздняя осень — время, когда урожай собран, а работ в поле значительно меньше, — гораздо более подходила для раздела двора. Пороли крепостных также и за плохую обработку своих полей или сдачу полей в аренду другим крестьянам — но это в основном по просьбе членов семьи.

В XIX в. высокая степень насилия в деревне отмечалась во Франции и Германии, и здесь насилие считалось приемлемым способом разрешения деревенских конфликтов. Как пишет Зер, «межличностное насилие... было традиционной отдушиной для выхода накопившегося разочарования, формой выражения социального конфликта. Действительно, межличностное насилие воспринималось как нечто естественное, и с ним мирились как жители деревни, так и власти»³⁷. Аналогичное наблюдение было сделано и в отношении сельской Англии XVI и XVII вв.³⁸ Этнографы видели в ссорах и насилии обычную черту крестьянских общностей³⁹. Однако в Петровском приказчики не мирились с насилием, поскольку оно часто сказывалось на экономике и всегда несло потенциал глубоких социальных беспорядков. Петровское в конце концов не было саморегулирующейся общностью, и для ограничения насилия применялось насилие, так как здесь не существовало никаких других эффективных форм наказания. Приказчики — как о том свидетельствуют штрафные книги — были вынуждены делать различие между крупными имущественными преступлениями, которые наказывались сурово, и преступлениями с применением насилия, которые наказывались менее строго, часто одними лишь розгами. В конце концов, господское насилие являлось лишь добавлением к тому насилию, которое свойственно крестьянскому поведению вообще.

Для контроля над поведением крепостных существовало несколько простых правил. Некоторые помещики и управляющие доходили до того, что вводили в своих поместьях жесткий воинский распорядок, при котором требовалось «строгое во всем соблюдение, дисциплина, вытянутая по военным правилам, подчиненность, почти неограниченная, где каждый строго наказывается за малейшее упущение, где один и тот же порядок, одни заповести»⁴⁰. И хотя в Петровском было не так, но тем не менее пойти на рыбалку без разрешения крестьянин не мог. Продажа многих товаров требовала позволения, визы приказчика. Крепостных наказывали, если они привечали у себя дома неизвестных властям людей, как правило, не из данного имения. И конечно, крестьянин не мог без разрешения уходить из имения. Такие ограничения типичны для многих рабовладельческих режимов.

В результате предпринятого здесь анализа наказаний возникает ряд вопросов. Во-первых: сдерживали ли наказания преступность, ограничивали ли насилие и поощряли ли работать лучше? Как показывал табл. 34, такие наказания, как наложение штрафов на крестьян и обривание половины головы и бороды, применялись в основном за серьезные кражи. Это также относилось к рекрутчине и ссылке. Таким образом, кроме розог, у приказчика имелся

и ряд ответных мер на большие кражи — действия, которые потенциально были очень вредными для имения и крестьянского двора. Но в случаях порубки леса, потравы скотом зерновых полей, часто повторяющихся проступков розги служили главным видом наказания. Хотя проступки на работе и совершались чаще всего, за них наказывали наименее строго, ослабляя способность приказчика поддерживать строгий рабочий режим.

В отдельные годы даже велся точный учет ударов розгами, и данные по этим годам дают возможность установить иерархию проступков с точки зрения приказчика. За проступки по работе крепостные получали наименьшее количество розог, в среднем 31 удар, за кражу леса — 34 удара, за небрежное несение караула, повлекшее за собой кражу, — 38 ударов, за преднамеренную потраву посевов или за серьезные кражи — 40 ударов, за оскорбление или драку — 49 ударов.

Приказчику вменялось устанавливать четкую иерархию проступков. Соответственно нарушение рабочей рутины (хотя обязательная господская работа и была главной целью крепостного строя) наказывалось менее строго, чем все другие проступки крепостных. И хотя крепостные работали неохотно и неэффективно, по возможности приказчика изменить их поведение и отношение к барщине были жестко ограничены. К тому же произвольность и неизбежность наказания за многие проступки, особенно за воровство, поощряли крепостных делать различие между невезением и виной и приучать себя к телесным наказаниям.

Крепостные из Петровского, возможно, рассматривали порку за воровство или за небрежность в работе (а это 78% всех проступков) как произвол, неизбежность и просто как часть жизни. При тех способах поддержания порядка, которыми пользовался приказчик, удача столь же часто, как и вина, а необходимость столь же часто, как и неизбежность, становились ключевыми факторами, определявшими наказание. Крестьянин считал так: хочешь выжить — розог не избежать. Древесина — в дефиците, скот — эта своеобразная форма накопления и страховки — ценнее, чем многие члены семьи. С точки зрения приказчика, широко распространенное крестьянское неповиновение, непокорность и постоянные кражи господской собственности требовали частого применения розог. Поэтому порка стала неотъемлемой частью жизни крепостных. Но, становясь неизбежностью, телесные наказания в то же время утрачивали свою эффективность как средство управления и контроля.

Каковы же были последствия этого насилия для детей крепостных? Блассингэм писал в отношении американских негров: «Шок, испытанный при виде порки родителей, был одним из первых воспоминаний о детстве для многих детей чернокожих рабов»⁴¹. В Петровском дети не являлись зрителями таких ужасов. Почти все порки происходили в конторе имения, иногда — на полях. Показательные публичные порки устраивались крайне редко, охватывая 2,5% всех случаев наказания, и происходили в присутствии деревенских старейшин, а не всей деревни. Но при среднем количестве розог — около тридцати — дети наверняка догадывались, что их родителей били. К тому же очевидными для всех становились ссылка, сдача в солдаты или выбривание половины головы и бороды. В Америке «умение пассивно сносить личные оскорбления и наказание любимых, близких людей было одним из самых трудных уроков, который усваивали дети рабов»⁴². Как документы по Петровскому, так и работы российских этнографов XIX в. умалчивают о реакции детей на этот аспект окружавшей их социальной среды. Но крестьянская молодежь, вероятно, проходила социализацию так же, как и американские рабы, которые учились повиноваться, дабы избежать боли и страданий⁴³. Однако негры-рабы не получали наставлений от своих родителей безоговорочно слушаться и подчиняться, в Петровском же крестьянские старейшины и приказчики желали иметь под своим началом послушных крепостных. Таким образом, покорность властям должна была стать одним из первых уроков, который получали дети крепостных.

Как в Петровском родители обходились со своими детьми — неизвестно. Крепостные Викаса на перуанском высокогорье представляют здесь интересную, хоть и умозрительную аналогию. Ни детство, ни отрочество не проходили счастливо у детей из Викаса,

которых родители били даже за такие проступки, как драка с братьями и сестрами за еду.

Скот представляет наиболее ценную форму собственности, которой обладали крепостные. Однако обязанность пасти его часто возлагалась на самых малолетних, неподготовленных детей, потому что отцам половину недели приходилось работать на хозяина... Поэтому ценность скота часто подавляла те чувства, которые определяют родительское поведение по отношению к детям. Чувства, навеянные воспоминаниями о физической расправе, учиненной над ними их же родителями из-за потерянного животного, особенно высоко ценившегося, говорят о том, что детство многих крепостных из Викопа прошло под знаком отверженности. Типичным, видимо, было следующее наказание за потерю скота: ребенка били или бранили за невнимательность, приведшую к случившемуся и, оставив его без ужина, отсылали обратно в страшную, наполненную привидениями темноту и холод ночи искать пропажу⁴⁴.

Следует подчеркнуть, что нет никаких прямых свидетельств о том, что поведение крепостных из Викопа по отношению к детям и поведение крепостных из Петровского имели сходство. Однако определенное созвучие все же есть. В Петровском дети частенько присматривали за скотом, пока их родители и старшие члены семьи были заняты на полях по шесть дней в неделю в течение большей части лета. К опасности потерять животное здесь добавлялась и возможность того, что, в случае если оно забредет в поля и потравит их, родители, и чаще всего глава семьи, будут наказаны розгами, а это только усложняло проблему. Хотя это прозвучит неубедительно, тексты традиционных колыбельных также отражали родительское пренебрежение своими обязанностями⁴⁵. Один из исследователей крестьянского быта Пермской губернии, живший в XIX в., отметил, что родители мало угруждали себя моральным воспитанием своих детей⁴⁶. Русских родителей, практиковавших «беспрекословную власть», а не основанные на любви отношения, характеризовали пренебрежение и даже враждебность по отношению к собственным детям⁴⁷. Однако сказанное в лучшем случае лишь намекает на отношение родителей к своему родительскому призванию, поскольку качество тех работ, из которых взяты эти заявления, мягко говоря, небезукоризненно. Но тем не менее, зная о существовавшей эксплуатации стариками своих же домочадцев, мы мало удивимся такому поведению родителей.

Почему женщин наказывали так редко? Как уже упоминалось, женщины фигурировали менее чем в 5% проступков, отмеченных в штрафных книгах. За исключением двух случаев надсавания шейной рогатки, единственной формой наказания женщин была порка. Они не рубили лес, не пахали землю, не несли караульную службу, не являлись должностными лицами — то есть не несли повинностей, за которые наиболее часто подвергали наказанию, — в этом кроется часть причин относительно меньшего наказания женщин. Если их и наказывали, то прежде всего за производственные проступки, составлявшие свыше 80% случаев наказания женщин. Для

мужчин производственные проступки явились причиной лишь 40% понесенных ими наказаний. Неясно, почему штрафные книги отмечают так мало случаев наказаний женщин за воровство, свары или драки. То ли потому, что женщины менее склонны к подобного рода проступкам, то ли вместо них наказывали их мужей и отцов, то ли их мужья и главы дворов несли за них персональную ответственность — неизвестно.

Как так получалось, что приказчик мог выпороть за один приезд до 80 человек и поддержать тем самым порядок? Почему крепостные не бунтовали? Несомненно, что трещина между рядовыми крестьянами, с одной стороны, и крестьянскими должностными лицами, главами дворов и деревенскими старейшинами, облеченными властью общины, с другой стороны, затрудняла организацию бунтов. Интересы подобного рода лидеров часто входили в противоречие с интересами рядовых крестьян в случае любых беспорядков. За невыход на работу порол нарядчик, и это настраивало крестьян скорее против него, а не против приказчика. Крепостные старейшины в первую очередь имели выгоду от эксплуатации своих домохозяев, и это расслоение между поколениями ограничивало эффективность действий против властей имения. Организованное сопротивление не числилось у крепостных в арсенале ответных мер на их беды. В Петровском только в XIX в. случилось однажды возмущение, и связано оно было с совершенно уникальным случаем: несколько семей продавали в Сибирь. Побег был реален лишь для немногих. С декабря 1815 по апрель 1832 г. из имения убежали 33 крепостных (29 мужчин и 4 женщины). Одни — с целью избежать рекрутчины, другие — из-за проблем в собственных дворах, из-за тех конфликтов, которые только отчасти можно списать на крепостное право. Нередко убежавшие сами добровольно возвращались в имение, большинство же беглых власти успешно разыскивали и возвращали силой.

Штрафные книги убедительно свидетельствуют, что повсеместно царили дух несотрудничества, огульное насилие и равнодушие, представлявшие основу крестьянской реакции на крепостную зависимость. Историки отмечали довольно похожий тип поведения у американских рабов. И хотя существует несколько разных интерпретаций, аналогия с так называемыми тотальными институтами разительна. Тюрьмы, концлагеря, психушки, армия, монастыри, приюты, рабовладельческие плантации и крепостные имения, — все это примеры тотальных институтов, которые обеспечивали находившимся там людям полное благополучие независимо от того, как оно определялось. По своему положению питомцы тотальных институтов весьма схожи. Они вели рутинное, если не сказать военное — в том, что касается дисциплины, — существование и, как правило, были отрезаны от большого мира. В некоторых научных работах, анализирующих тотальные институты, проводятся инте-

ресные параллели, которые помогли нам глубже понять крепостное право в России⁴⁸.

Джордж М.Фредериксон и Кристофер Лаш утверждают, что американские рабовладельческие плантации основывались не на правовой или легитимной власти и поэтому все там не способствовало тому, чтобы рабы прониклись внутренним чувством долга и стремлением повиноваться и сотрудничать⁴⁹. То же самое наблюдалось и в поведении заключенных. Как пишет Сайкс, «апатия, саботаж и показное, а не истинное рвение — эти традиционные реакции рабов — распространяются в тюрьме, надоедая надзирателю, чьи ограниченные средства принуждения не могут их уменьшить»⁵⁰. Итак, как и в Петровском, подобного рода тотальные институты использовали поощрения, награды, наказания и принуждение с целью заставить людей вести себя и работать требуемым образом. Но в лучшем случае они лишь частично оправдывали себя. Основным типом реакции находившихся в тотальных институтах является «невозмутимость»⁵¹. Они — прекрасные приспособленцы, не имеющие желаний вылезать вперед и постоянно пытающиеся побить систему на ее же собственном поле⁵². Их непримиримость была «скорее гедонистической, чем политической, более приспособленческой, чем революционной»⁵³. В общем мало проявлялось и групповой солидарности, и организованного протеста⁵⁴. Говоря о жителях Викаса в Перу, Холмберг предположил, что страх и наказания крепостных создали некую «репрессивную культуру», отмеченную «стремлением избегать опасности» и «защитной напускной придурковатостью»; в этой культуре «новшество отождествляется с чем-то плохим и даже с извращением, а идиосинкразия считается патологией»⁵⁵. Полезность этих аналогий (да, это всего лишь аналогии, и поэтому они отмечены ограниченностью, свойственной всем такого рода сравнениям) состоит в том, что они дают широкую социологическую и теоретическую базу для понимания социальных структур в Петровском и поведения крепостных. Трудно уловить хоть что-нибудь, из чего крепостные села Петровское могли бы развить в себе глубинное чувство обязанности по отношению к своему помещику. И действительно, записи в штрафных книгах читаются как записи в дисциплинарном суде тюрьмы штата Нью-Джерси⁵⁶. И в том и в другом заведении приоритет отдавался поддержанию порядка, особенно ограничению воровства и насилия. Итак, поддержание порядка, по сути, расходилось с необходимостью четкого выполнения производственных заданий. Процитируем Сайкса: «Использование силы действительно в основном неэффективно в качестве средства обеспечить послушание, особенно тогда, когда те, кого надлежит контролировать, должны выполнить некую сложную задачу. Удар палкой может сдерживать спонтанный бунт, но не способен обеспечить четкую работу на штамповальном станке»⁵⁷. Как и в тюрьмах, в крепостных поместьях и на рабовладельческих плантациях «сохранение

жестких дисциплинарных норм отступало перед интересами такого гладкого протекания всех процессов, которое не требовало излишних усилий со стороны надсмотрщиков»⁵⁸. Хотя управляющие подобными институтами и боялись беспорядков, возникавших в случае потери контроля, все-таки абсолютная власть сводилась к компромиссам и коррупции руководства. В Петровском утверждение тотальной власти оказалось делом неосуществимым ни в финансовом, ни в техническом смысле. Таким образом, власть здесь не была в такой степени под угрозой, как руководство тюрьмы строгого режима. Скорее коллективная ответственность поощрялась конструктивно-сложными социальными структурами и теми санкциями, которые составляли саму основу крепостной жизни.

Поощрения и наказания, практиковавшиеся в Петровском, давали приказчику достаточный набор стимулов для утверждения своей власти, особенно в плане воздействия на крестьян-старейшин и должностных лиц из крепостных, на долю которых выпадала непропорционально большая часть как хорошего, так и плохого. Но как и в случае с рабами и заключенными, полного подчинения крепостных не наблюдалось⁵⁹. Крестьянам-старейшинам и самим приказчикам приходилось особенно трудно, когда речь шла об осуществлении их власти над крестьянской молодежью, которой жизнь не сулила ничего, кроме эксплуатации в течение целого поколения. Таким образом, у молодежи было мало альтернатив, кроме рискованного побега. Если они проявляли слишком большую непокорность, их ждала сдача в солдаты. Как заключают Фредериксон и Лаш, «рабы могут принимать законность власти их хозяев, не испытывая ни малейшего чувства долга повиноваться ей»⁶⁰. Именно в силу этого противоречия крестьяне представляли ленивыми, безответственными и небрежными в глазах приказчиков. Впрочем, трудно объяснить, почему крестьяне должны были бы вести себя иначе. В этом смысле розга безотносительно к ее эффективности представляется необходимым орудием крепостного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 889, 1129, 2419; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 212, 248, 269, 308, 345 (347), 380 (381), 408 (413), 428 (429), 447, 463, 479, 503, 523, 542, 561; оп. 4, ч. 2, ед.хр. 824, 843, 863. В скобках указаны дубликаты.
- 2 А л е к с а н д р о в. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.), с. 94.
- 3 К и ш к и н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии, с. 227-228; К а л а ч о в. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях, с. 17-18; Е ф и м е н к о. Крестьянская женщина, с. 60, 81; С е м е н о в а — Т я н ш а н с к а я. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний, с. 85-87; А. М. Народные юридические обычаи и действующее законодательство. — Дело, № 8, 1870, с. 34-36.
- 4 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 269, л. 20.

- 5 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 429, л. 17-18 (май 1830 г.); ед.хр. 463, л. 16-18 (апрель 1832 г.); ед.хр. 479, л. 21-22 (июнь 1833 г.); ед.хр. 523, л. 2-3 (октябрь 1834 г.); л. 6-7 (декабрь 1832 г.).
- 6 Александров. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.), с. 295.
- 7 Fogel Robert W. and Engerman Stanley L. Time of the Cross: The Economics of American Negro Slavery. Boston, 1974, p. 145.
- 8 Сообщения от 12 и 22 июля 1844 г. из архивов Министерства внутренних дел, департамента полиции, дело №413, доложенное А.Б.: Бритье помещиками поголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек. — В: Архив истории труда в России. Петроград, 1921, т. 2, с. 151-152.
- 9 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 488, л. 190 (май 1834 г.).
- 10 Александров. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.), с. 62.
- 11 Genovese Eugene D. Roll, Jordan, Roll: The World the Slaves Made. N. Y., 1974, p. 600.
- 12 Ефименко А. Трудовое начало в народном обычном праве. — В: Слово, №1, 1878, с. 145-146; Чубинский П. Очерк народных юридических обычаев, с. 681. См. также: Александров. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.), с. 160-162. Olmsted Frederick Law. A Journey in the Seaboard States. N. Y., 1856, p. 117. Цит. по: Genovese. Roll, Jordan, Roll, p. 602.
- 13 Banfield Edward C. The Moral Basis of a Backward Society. N.Y., 1958; Foster George M. Peasant Society and the Image of the Limited Good. — In: *American Anthropologist*, vol. 67, №2, 1965, p. 296-297; Genovese. Roll, Jordan, Roll, p. 602, 604.
- 14 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 345, л. 17-19 (март 1827 г.).
- 15 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 308, л. 8-9 (январь 1826 г.).
- 16 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 380, л. 26-27.
- 17 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 248, л. 1 (октябрь 1823 г.).
- 18 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 380, л. 18-21 (март 1828 г.).
- 19 Friedl Ernestine. Vasilika: A Village in Modern Greece. N. Y., 1962, p. 31.
- 20 Foster George M. Tzintzuntzan: Mexican Peasants in a Changing World. Boston, 1967, p. 103.
- 21 Lopreato Joseph H. Peasants No More: Social Class and Social Change in an Underdeveloped Society. Scranton, Pa., 1967, p. 104.
- 22 Holmberg Allan R. Algunas relaciones entre la privación psicológica y el cambio cultural en los Andes. — In: *América Indígena*, vol. 27, №1, 1967, p. 12; Genovese. Roll, Jordan, Roll, p. 606-607.
- 23 Леса составляли только 7% земель Борисоглебского уезда. ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, ед.хр. 1575; ЦГВИА, ф. Военно-ученый архив, ед.хр. 19079. См. также: Confino. Systèmes agraires, p. 72.
- 24 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 846, л. 2 (17 октября 1857 г.).
- 25 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 889 (июль 1820 г.).
- 26 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 1129.
- 27 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 429, л. 15-16.
- 28 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2419; оп. 4, ч. 1, ед.хр. 463, л. 16-18 (апрель 1832 г.).
- 29 Там же, ед.хр. 463, л. 13-15 (март 1832 г.).
- 30 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 413, л. 15-20; ед.хр. 429, л. 17-18; ед.хр. 447, л. 19-20; ед.хр. 463, л. 21-22.
- 31 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 479, л. 15-16 (апрель 1833 г.). См. также: ед.хр. 345, л. 24-26 (июнь 1827 г.); ед.хр. 429, л. 7-8 (ноябрь 1829 г.); ед.хр.

- 447, л. 19-20 (июнь 1831 г.); ед.хр. 463, л. 16-24 (апрель, май и июль 1832 г.).
- 32 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 558, л. 8 (6 июня 1836 г.).
- 33 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 2, ед.хр. 846, л. 14 (22 октября 1857 г.).
- 34 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 447, л. 5-6 (ноябрь 1830 г.).
- 35 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 4, ч. 1, ед.хр. 380, л. 18-20 (май 1828 г.).
- 36 ЦГАДА, ф. 1262, оп. 1, ч. 1, ед.хр. 887 (20 августа 1820 г.); оп. 4, ч. 1, ед.хр. 380, л. 24-25 (май 1828 г.); ед. хр. 413, нет листа (апрель 1829 г.); ед.хр. 429, л. 21-22 (июль 1830 г.).
- 37 Z e h r H o w a r d. Crime and the Development of Modern Society. Totowa, N.J., 1976, p. 134.
- 38 S t o n e L a w r e n c e. The Family, Sex, and Marriage in England, 1500-1800. N. Y., 1977, p. 93-102.
- 39 L e w i s O s c a r. Life in a Mexican Village: Tepoztlán Restudied. Urbana, Ill., 1951, p. 428-429; F o s t e r G e o r g e. Interpersonal Relations in Peasant Society. — In: *Human Organization*, №19, Winter, 1960-1961, p. 175; L o p r e a t o J o s e p h. Interpersonal Relations in Peasant Society: The Peasant's View. — In: *Human Organization*, №21, Spring, 1962, p. 22.
- 40 Письмо Е.Ф.Суслина, приказчика, адресованное помещику М.С.Лунину, от 8 августа 1825 г. Цит. по: Г р е к о в. Тамбовское имение М.С.Лунина в первой четверти XIX в., с. 486.
- 41 B l a s s i n g a m e J o h n W. The Slave Community: Plantation Life in the Antebellum South. Oxford, 1979, p. 186.
- 42 Ibid., p. 187.
- 43 Ibid., p. 188.
- 44 H o l m b e r g. Algunas relaciones entre la privación psiobiológica y el cambio cultural en los Andes, p. 6.
- 45 M a r t y n o v a A n t o n i n a. Life in the Prerevolutionary Villages as Reflected in Popular Lullabies. — In: *The Family in Imperial Russia* (ed. D.L.Ransel). Urbana, Ill., 1978, p. 175-181.
- 46 Р о г о в Н. Материалы для описания быта пермяков. — *ЖМВД*, №4, 1858, с. 72-73.
- 47 D u n n P a t r i c k. That Enemy Is the Baby': Childhood in Imperial Russia. — In: *The History of Childhood* (ed. Lloyd de Mause). N. Y., 1974, p. 385, 393.
- 48 G o f f m a n. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates, p. 4-5.
- 49 F r e d r i c k s o n a n d L a s c h. Resistance to Slavery, p. 230-232.
- 50 S y k e s. Society of Captives, p. 28.
- 51 G o f f m a n. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates, p. 64; S y k e s, Society of Captives, p. 42.
- 52 F r e d r i c k s o n a n d L a s c h. Resistance to Slavery, p. 241.
- 53 Ibid., p. 237.
- 54 G o f f m a n. Asylums Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates, p. 61.
- 55 H o l m b e r g. Algunas relaciones entre la privación psiobiológica y el cambio cultural en los Andes, p. 14-16.
- 56 S y k e s. Society of Captives, p. 42-44.
- 57 Ibid., p. 49.
- 58 F r e d r i c k s o n a n d L a s c h. Resistance to Slavery, p. 232.
- 59 S y k e s. Society of Captives, p. 48; F r e d r i c k s o n a n d L a s c h. Resistance to Slavery, p. 233-234.
- 60 Ibid.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фундаментальной основой существования имения в Петровском была эксплуатация крепостного труда, и, следовательно, властные структуры весьма заботились о проблеме, как заставить, как побудить крестьян трудиться. В этом смысле эксплуатация в большей степени являлась проблемой социальной, разрешавшейся совпадением интересов, сплавливающим воедино власть крепостных старейшин (патриархов) и должностных лиц с властью приказчика. Она не только лежала в основе социального контроля, но и придавала такую структуру крепостному сельскому хозяйству, которая не способствовала развитию агрономии. Если на улучшение технологии производства и обращалось какое-то внимание, то оно явно уходило на второй план по сравнению с проблемами организации труда.

Конечно, крепостное право было эксплуататорским в смысле экономики строем, но гораздо более тяжелым, чем его экономические тяготы, оказался социальный гнет. Этим я не хочу сказать, что крепостные из Петровского имения не стали бы значительно богаче в материальном отношении, если бы они могли работать шесть дней в неделю на себя вместо того, чтобы три из них отдавать Гагариным. Но если за основу отсчета взять Европу до 1800 г., то можно утверждать, что условия жизни в Петровском были вполне сопоставимыми. Нет доказательств того, что крепостное право оказывало отрицательное воздействие на материальные условия жизни крестьян или на продолжительность их жизни. Методы и средства эксплуатации крестьянского труда в Западной Европе, видимо, сильно отличались от методов и средств, применявшихся в Петровском, разными были и экологические условия, и хотя социальная и психологическая сторона жизни отличалась от того, что имело место в Европе, материальные характеристики во многом совпадали. Короче, эти русские крестьяне жили не беднее, чем крестьяне других стран. В традиционном сельскохозяйственном обществе равномерное распределение благ не требует общинности, не отражает и не инспирирует ее. Раскрепощенный индивидуализм или лишенная оков семейность (*familism*) вполне могут сосуществовать со сложными механизмами, направленными на ограничение социально-экономической дифференциации и поддержание статус-кво¹. И хотя отношения собственности определяют и структурируют крестьянское общество, связь между собственностью и *менталитетом*, между достатком и поведением не проста и не однозначна. Не существует логической связи радикального эгалитаризма, в достатке наблюдавшегося в Петровском, с отношением коммунальности, врожденным социализмом или даже коммунизмом. Доказательства такой связи также отсутствуют.

Общество в Петровском делило риск непредсказуемых природных условий, но это не требовало крупномасштабной кооперации. Передел пахотной земли позволял избегать обычных для крестьянских обществ конфликтов, связанных с землей. Но раздел двора, воинский набор и проблемы общины (мира) с неплательщиками налогов оставались потенциальными источниками напряжения. Кроме того, именно в интересах помещика было уравнивание материальных благ, поскольку это максимизировало производство, обеспечивало оптимальную производительность труда крепостных и минимизировало риск того, что какой-либо из отдельных дворов — эта основная производственная единица — не сможет выполнить свои повинности. В итоге все эти аспекты жизни оказались другой, чем в Европе, хотя и не обязательно более гармоничной, реакцией на природную среду и политический строй.

Действительно, в большинстве своем функции мира в Петровском мало отличаются от деятельности деревенских общин европейских стран в доиндустриальный период. Чересполосицу, периодические переделы земли и коллективную ответственность за выплату налогов вряд ли можно назвать уникально российским явлением; впрочем, к середине XIX в. эта практика исчезла в большинстве европейских стран². Имеется в виду общая для всех крестьян стратегия деятельности во избежание риска³. Мир в Петровском делал гораздо меньше, чем многие деревенские организации в Европе. И несмотря на то что крепостные жили не хуже многих европейских крестьян, две приходские церкви они содержали в убогом состоянии. Один лишь общинный институт — запасной хлебный магазин — обязательно предписывался законом. Отсутствие кооперации — характерная черта многих крестьянских обществ, и Петровское в этом плане не составляет исключения⁴. Крепостное право было ответственно за радикальную уравниловку, и здесь нет нужды романтизировать эти социальные и экономические моменты⁵.

Жизнь в Петровском изобиловала враждой, насилием, мстостью, завистью, страхом и руганью. Патриархальный двор скреплял общество, прибегая к наказаниям для того, чтобы заставить крепостных подчиниться, а для тех, кто не мог адаптироваться, он использовал сдачу в солдаты или ссылку. Процесс социализации проходил болезненно, хотя многие мирились с нормами крепостной жизни. Частое же использование телесных наказаний — насильственной формы принуждения — означало, что правила постоянно нарушались, и подчинение было неполным.

Поскольку принуждение — существенно неэффективный и опасный путь достижения повиновения, нетрудно понять, почему поощрение и коллективная ответственность, отраженные в патриархальности, играли важную роль в крепостной жизни. Патриархальная система разделяла крепостное общество на поддающиеся управлению и контролю ячейки, а старейшинам — этому могучему

посредническому институту крепостного строя — она приносила материальные блага и повышение статуса по крестьянским стандартам, выделявшие стариков из общей массы и поднимавшие их над остальными крестьянами. При ограниченной конкуренции между дворами за доступ к производственным ресурсам блага и статус зависели от способности старейшин эксплуатировать других членов своего же двора и улаживать их дела, особенно — устраивать браки к собственной выгоде. Награды были значимыми, реальными и существенными.

И хотя старейшины представляли собой отдельный слой среди поколений со многими правами и привилегиями, поддержка их власти шла в основном со стороны приказчика. Таким образом, патриархальный уклад не требовал существенного сотрудничества между главами дворов. Каждый старейшина преследовал собственные интересы в одиночку, воруя, клеветая, дерясь, когда это было необходимо или уместно. Это позволяет объяснить сильные трения между отдельными дворами, несмотря на радикальный экономический эгалитаризм и равномерное распределение земли.

Поведение крепостных и их отношение к жизни являлись совокупной реакцией человека на экологические ограничения, существующие в обществе, и на нечеловеческую деградацию, производившую человека до положения собственности. Это была проклятая жизнь, полная страхов — в основном из-за природных условий. Однако именно социальный гнет одного крепостного над другим характеризовал систему власти. Для освобождения этих крестьян нужна была социальная, поведенческая и мировоззренческая революция, которая разрушила бы фундамент власти и построенный на нем *менталитет*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Foster. Tzintzuntzan: Mexican Peasants in a Changing World, p. 133-143; Foster. Peasant Society and the Image of the Limited Good, p. 302-306.
- ² Blum Jerome. The Internal Structure and Polity of the European Village Community from the Fifteenth to the Nineteenth Century. — In: *Journal of Modern History*, vol. 43, №4, 1971, p. 541-552.
- ³ Scott. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia, p. 2-5.
- ⁴ Foster. Peasant Society and the Image of the Limited Good, p. 301; Banfield. The Moral Basis of a Backward Society, p. 83-90; Lewis. Life in a Mexican Village: Tepostlán Restudied, p. 428; Lopez. Peasants No More: Social Class and Social Change in an Underdeveloped Society, p. 116-125; Lopez. Interpersonal Relations in Peasant Society: The Peasant's View. — In: *Human Organization*, vol. 21, 1962, p. 21; Friedman E. G. The World of «La Miseria». — In: *Partisan Review*, vol. 20, №2, 1953, перепечатано в: *Peasant Society: A Reader* (ed. Jack M. Potter et al.). Boston, 1967, p. 330.
- ⁵ Scott. The Moral Economy of the Peasant, p. 5.

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
В ПРИМЕЧАНИЯХ И БИБЛИОГРАФИИ**

ЖМВД	—	Журнал министерства внутренних дел
ЖМГИ	—	Журнал министерства государственных имуществ
ЗЛОСХ	—	Записки Лебедянского общества сельского хозяйства
ЦГАДА	—	Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА	—	Центральный государственный военно-исторический
ф. ВИА	—	архив, фонд Военно-ученый архив
ЭС	—	Этнографический сборник
ед.хр.	—	единица хранения
л.	—	лист
оп.	—	опись
ф.	—	фонд
ч.	—	часть

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

Примечание: Все сноски даны по ЦГАДА, ф. 1262 (Гагариных), оп. 4, кроме специально оговоренных. Названия в оригинале часто содержат орфографические и грамматические ошибки, поскольку мы сохранили стилистику цитируемых документов.

Подворные листы и описи

«Подворные списки ["ведомости"] тяглых и нетяглых крестьян мужского и женского полу по селу Петровскому с деревнями с указанием их имущественного положения и количество у них скота, хлеб и строений»:

ч. 1, ед.хр. 41 (октябрь 1813 — апрель 1814);

ч. 1, ед.хр. 59 (апрель — май 1814);

ч. 1, ед.хр. 121 (1 января 1818);

ч. 1, ед.хр. 186 (апрель 1821);

оп. 1, ч. 1, ед.хр. 1495 (10 мая 1824);

ч. 1, ед.хр. 344 (май 1826);

ч. 1, ед.хр. 357 (май 1827);

ч. 2, ед.хр. 822 (1 ноября 1856).

Месячная регистрация дат рождений и смертей

«Ведомость Борисоглебских вотчин сел Петровского и Канина с деревнями о прибыли и убыли находящихся в оных вотчинах мужеска и женска полу душам за [месяц], [год] года»:

ч. 1, ед.хр. 28 (январь — декабрь 1812);

ч. 1, ед.хр. 42 (январь — август 1813);

ч. 2, ед.хр. 652 (сентябрь 1854 — август 1855);

ч. 2, ед.хр. 800 (сентябрь 1855 — август 1856);

ч. 2, ед.хр. 823 (сентябрь 1856 — август 1857);

ч. 2, ед.хр. 842 (сентябрь 1857 — август 1858).

Финансовые записи крестьянской общины

«Книга Петровского вотчинного правления о приходе и расходе мирской денежной суммы»:

ч. 1, ед.хр. 76 (сентябрь 1815 — август 1816);

ч. 1, ед.хр. 115 (сентябрь 1817 — август 1818);

ч. 1, ед.хр. 139 (сентябрь 1819 — август 1820);

ч. 1, ед.хр. 160 (сентябрь 1820 — август 1821);

ч. 1, ед.хр. 189 (сентябрь 1821 — август 1822);

ч. 1, ед.хр. 214 и 215 (сентябрь 1822 — август 1823);

ч. 1, ед.хр. 235 и 236 (сентябрь 1823 — август 1824);

ч. 1, ед.хр. 275 (сентябрь 1824 — август 1825);

- ч. 1, ед.хр. 313 и 314 (сентябрь 1825 — август 1826);
- ч. 2, ед.хр. 722 и 723 (сентябрь 1826 — август 1827);
- ч. 1, ед.хр. 384 (сентябрь 1827 — август 1828);
- ч. 1, ед.хр. 414 (сентябрь 1828 — август 1829);
- ч. 1, ед.хр. 433 (сентябрь 1829 — август 1830);
- ч. 1, ед.хр. 451 и 452 (сентябрь 1830 — август 1831);
- ч. 2, ед.хр. 750 и 751 (сентябрь 1831 — август 1832);
- ч. 1, ед.хр. 483 (сентябрь 1832 — август 1833);
- ч. 1, ед.хр. 507 и 508 (сентябрь 1833 — август 1834);
- ч. 1, ед.хр. 527 и 528 (сентябрь 1834 — август 1835);
- ч. 1, ед.хр. 546 (сентябрь 1835 — август 1836);
- ч. 1, ед.хр. 564 (сентябрь 1836 — август 1837);
- ч. 2, ед.хр. 782 (сентябрь 1838 — август 1839);
- ч. 1, ед.хр. 548 (сентябрь 1839 — август 1840);
- ч. 1, ед.хр. 593 (сентябрь 1840 — август 1841);
- ч. 1, ед.хр. 601 (сентябрь 1841 — август 1842);
- ч. 1, ед.хр. 608 (сентябрь 1842 — август 1843);
- ч. 1, ед.хр. 656 (сентябрь 1854 — август 1855);
- ч. 2, ед.хр. 805 (сентябрь 1855 — август 1856);
- ч. 2, ед.хр. 828 (сентябрь 1856 — июль 1857);
- ч. 2, ед.хр. 848 (сентябрь 1857 — август 1858);
- ч. 2, ед.хр. 868 (сентябрь 1858 — август 1859);
- ч. 2, ед.хр. 887 (сентябрь 1860 — август 1861).

Финансовые записи имения

«Книга Борисоглебских их Сиятельств Князей Николая и Сергея Сергеевичев Гагариных Вотчин Сел Петровского и Канина с деревнями о приходе и расходе экономической денежной суммы»:

- ч. 1, ед.хр. 20 (сентябрь 1811 — август 1812);
- ч. 1, ед.хр. 29 (сентябрь 1812 — август 1813);
- ч. 1, ед.хр. 44 (сентябрь 1813 — август 1814);
- ч. 1, ед.хр. 61 (сентябрь 1814 — август 1815);
- ч. 1, ед.хр. 74 (сентябрь 1815 — август 1816);
- ч. 1, ед.хр. 94 (сентябрь 1816 — август 1817);
- ч. 1, ед.хр. 101 (сентябрь 1817 — август 1818);
- ч. 1, ед.хр. 123 (сентябрь 1818 — август 1819);
- ч. 1, ед.хр. 137 (сентябрь 1819 — август 1820);
- ч. 1, ед.хр. 190 (сентябрь 1821 — август 1822);
- ч. 1, ед.хр. 210 (сентябрь 1822 — август 1823);
- ч. 1, ед.хр. 233 (сентябрь 1823 — август 1824);
- ч. 1, ед.хр. 273 (сентябрь 1824 — август 1825).

Дисциплинарные книги

«Штрафная книга Петровского вотчинного правления на записку наказанные за разные преступления дворовых и крестьян»:

- оп. 1, ч. 1, ед.хр. 889 (сентябрь 1819 — август 1820);

оп. 1, ч. 1, ед.хр. 1129 (сентябрь 1820 — август 1821);
оп. 4, ч. 1, ед.хр. 212 (сентябрь 1822 — август 1823);
ч. 1, ед.хр. 248 (сентябрь 1823 — август 1824);
ч. 1, ед.хр. 269 (сентябрь 1824 — август 1825);
ч. 1, ед.хр. 308 (сентябрь 1825 — август 1826);
ч. 1, ед.хр. 345 и 347 (сентябрь 1826 — август 1827);
ч. 1, ед.хр. 380 и 381 (август 1827 — август 1828);
ч. 1, ед.хр. 408 и 413 (сентябрь 1828 — август 1829);
ч. 1, ед.хр. 428 и 429 (сентябрь 1829 — август 1830);
ч. 1, ед.хр. 447 (сентябрь 1830 — август 1831);
ч. 1, ед.хр. 463 (сентябрь 1831 — август 1832);
ч. 1, ед.хр. 479 (сентябрь 1832 — август 1833);
ч. 1, ед.хр. 503 (сентябрь 1833 — август 1834);
ч. 1, ед.хр. 523 (сентябрь 1834 — август 1835);
ч. 1, ед.хр. 542 (сентябрь 1835 — август 1836);
ч. 1, ед.хр. 561 (сентябрь 1836 — август 1837);
оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2419 (сентябрь 1839 — август 1840);
оп. 4, ч. 2, ед.хр. 824 (сентябрь 1856 — август 1857);
ч. 2, ед.хр. 843 (сентябрь 1857 — август 1858);
ч. 2, ед.хр. 863 (сентябрь 1858 — август 1859).

Доклады приказчиков

«Рапорта из Петровского вотчинного правления в Главную вотчинную контору о состоянии вотчинного и крестьянского хозяйства в селах Петровском и Канине с деревнями»:

ч. 1, ед.хр. 474 (сентябрь 1832 — август 1833);
ч. 1, ед.хр. 496 (сентябрь 1833 — август 1834);
ч. 1, ед.хр. 518 (сентябрь 1834 — август 1835);
ч. 1, ед.хр. 539 (сентябрь 1835 — август 1836);
ч. 1, ед.хр. 558 (сентябрь 1836 — август 1837);
ч. 1, ед.хр. 649 (сентябрь 1854 — август 1855);
ч. 1, ед.хр. 666 (сентябрь 1855 — август 1856);
ч. 2, ед.хр. 846 (сентябрь 1857 — август 1858);
ч. 2, ед.хр. 866 (сентябрь 1858 — август 1859);
ч. 2, ед.хр. 884 (сентябрь 1860 — август 1861);
ч. 2, ед.хр. 897 (сентябрь 1861 — август 1862).

Другие документы:

Оп. 1, ч. 1, ед.хр. 187 (31 октября 1804) — «Копия решения Борисоглебского суда о незаконнорождении».

Ч. 1, ед.хр. 256 (1 мая 1810) — «Ведомость Тамбовской губернии Борисоглебской Округи, Села Петровского с деревнями о состоящих во оных вотчинах землях, дворовых и крестьянских мужеска и женска полу душ, и их имуществах».

Ч. 1, ед.хр. 18 (1811) — «Петровское имение: Ревизские сказки».

Ч. 1, ед.хр. 58 (1814) — «Положение денежному жалованью и почему содержание дворовым семьям села Петровского и Канина с деревнями на 1814 год».

Ч. 1, ед.хр. 150 (сентябрь 1819) — «Опись Селы Петровского и Канина с деревнями имеющимися при каждом отделении строению, с означением какой меры в длину и ширину».

Ч. 2, ед.хр. 906 (сентябрь 1819) — «Прошение крестьян С. Петровского и Канина с деревнями о новом распорядке пахотных землях».

Ч. 1, ед.хр. 135 (27 сентября 1819 — 18 июля 1820) — «Регистр Села Петровского и Канина с деревнями неимущим и безлошадным крестьян».

Оп. 1, ч. 1, ед.хр. 1063 (23 февраля 1820) — «Регистр Петровского вотчинного правления кто именно отдан в рекруты в нынешней 88 набор из каких семейств и каких поведений».

Ч. 1, ед.хр. 161 (19 июля 1820) — «Записка о имеющейся распашной земле» и «Краткая выписка Села Петровского и Канина с деревнями сколько в котором отделении состоит на крестьянах по книгам разного рода хлеба, в то число сколько на крестьянине показано что состоят должны, и затем сколько остается на умерших и выбывших из вотчин и крестьяне отказывается неведением».

Ч. 1, ед.хр. 249 (1823 — 1824) — «Выписка из подворные ведомости сколько имеется мужеска и женска пола душ крестьян и имеющемуся при него разному скоту и пчелы».

Ч. 1, ед.хр. 291 (1824 — 1825) — «Выписка из подворные ведомости крестьянам, с кого имено сложены тяглы за [...], старостию лет и не способности к работе и вместо оных на кого наложено».

Ч. 2, ед.хр. 727 (сентябрь 1826 — август 1827) — «Журнал Петровского Вотчинного Правления смотрителям и канторским служителям о исправлении должностей и о поведении».

Ч. 1, ед.хр. 377 (сентябрь — октябрь 1827) — «Регистр Петровского вотчинного правления бездолжностным дворовым людям, вдовам, и взрослым девкам с показанием производства годового и месячного положения» и «Регистр Петровского вотчинного правления должностным дворовым людям с показанием производства годового и месячного положения».

Ч. 1, ед.хр. 415 (сентябрь 1828 — сентябрь 1829) — «Вотчинная хлебная книга».

Ч. 1, ед.хр. 396 (29 апреля 1829) — «Регистр Села Петровского и Канина с деревнями безлошадным и малоконым крестьянам, а сколько в каком отделении таковых имеется».

Ч. 2, ед.хр. 753 (12 января и 28 сентября 1831) — «Имянной Список, Села Петровского и Канина с деревнями, крестьянам отданных в нынешний 95 набор в рекруты, со описанием их семейств и со означением за что поступили на службу» и «Имянной Список Петровского Вотчинного Правления из подворных ведомостей крестьянским семействам, из коих назначаются за разные преступления в рекрутскую отдачу».

Ч. 2, ед.хр. 754 (26 октября 1831) — «Регистр Петровского Вотчинного Правления, Сел Петровского и Канина с деревнями крестьянским девкам которые по совершенным летам должны поступить в замужества».

Ч. 1, ед.хр. 484 (1832) — «Ведомость Села Петровского Вотчины Его Сиятельства Господина действительного статского советника Каммергера и Кавалера Николая Сергеевича Гагарина, урожайная и умолтная, урожайному сего 1832 года, разному хлебу».

Ч. 1, ед.хр. 515 (февраль 1834) — «Подворная опись Петровского вотчинного правления имеющемуся у крестьян разного вида скота и хлеба».

Ч. 1, ед.хр. 521 (27 января 1835) — «Выписка Петровскому Имению безлошадным и художонным крестьянам».

Ч. 1, ед.хр. 541 (24 ноября 1835 и 29 июня 1836) — «Регистр Петровскаго вотчиннаго правления художонным и безлошадным крестьянам».

Ч. 1, ед.хр. 589 (февраль 1839) — «Выписка из деклипликации межевого плана, по селу Петровскому и Канину с деревнями о значающая владение крестьян санными полосами».

Ч. 1, ед.хр. 605 (22 июля 1841) — «Список Петровскаго Вотчиннаго Правления, крестьянам нерадеющим о домостроительстве, ворам, пьяницам, и бунтовщикам, долженствующим поступить в продажу на Сибирския заводы».

Ч. 1, ед.хр. 598 (1841 — 1842) — без названия [два письма: 1) от солдатской жены и 2) от деревенского священника в Московскую контору имения].

Ч. 1, ед.хр. 615 (декабрь 1843 — апрель 1844) — «Ведомости о состоянии всех видов вотчиннаго и крестьянскаго хозяйства Петровскаго имения».

Ч. 2, ед.хр. 902 (1848, 1862) — «Экспликация к плану сел Петровскаго, Кошелево тожь, и Канина, Боброва тожь с деревнями... составленная в 1862 году частным землемером Михайловым» и «Экспликация извлеченная из Плана составленного в 1848 году по Петровскому имению».

Оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2813а (1848) — «Копии описания имении перешедшия во владения князя Н.Н. и А.Н. Гагариных после смерти Кн. Н.С.Гагарина».

Оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2833 (7 декабря 1848 — 29 января 1849) — «Сведение Петровскаго Имения, о земле, заводах, мельницах, и о причем с показанием во что оныя оценены по местным положением» и «Сведении Петровскаго имения, имеющемуся Господскому Строению, с показанием во что оно оценена».

Оп. 1, ч. 1, ед.хр. 2830а (1849) — «Статистическое описание имении Кн. Н.Н.Гагарина».

Ч. 2, ед.хр. 863 (12 октября 1850) — «Села Петровскаго, Ревизская Сказка 1850 года Октября 12 дня Тамбовской Губернии, Борисоглебскаго уезда, Вотчина Его Сиятельства Гвардии Отставнаго Поручика Князя Николая Николаевича Гагарина, Села Петровскаго о состоящих мужескаго и женскаго пола дворовых людях и крестьянах».

Ч. 1, ед.хр. 861 (1 мая 1858) — «Ревизская сказка 1858 Года Майя 1 го Дня, Тамбовской Губернии, Борисоглебскаго уезда, Вотчины Его Сиятельства Гвардии отставнаго Поручика Князя Николая Николаевича Гагарина, Села Петровскаго о состоящих мужеска и женска пола дворовых людях и крестьянах».

Ч. 2, ед.хр. 869 (7 июля 1858) — «Поверка имеющимся по Петровскому имению в наличности разному хлебу, материалам, инструменту, и вещам».

Ч. 2, ед.хр. 862 (июнь — август 1862) — «Сведения о дворянском имении Борисоглебскаго уезда, его Сиятельства Князя Николая Николаевича Гагарина, по Селу Петровскому с деревнями».

Ч. 2, ед.хр. 934 (14 января 1904) — «Свидетельство о разделе земли с крестьянами Петровскаго имения после реформы 1861 г. и между наследниками Н.Н. Гагарина».

ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, ед.хр. 1575 (1780) — «Экономическое Примечание Города Борисоглебска и Его Уезда».

ЦГВИА, ф. ВИА, ед.хр. 19078 (1787) — «Атлас Тамбовскаго наместничества содержащей в себе топографическое описание Генеральную в сей губернии и двенатцати уездов карты так же двенатцати годов планы и пяти соединенных судоходных рек».

ЦГВИА, ф. ВИА, ед.хр. 19079 (1839) — «Экономическое примечание Борисоглебского уезда».

ЦГАДА, ф. 1357, оп. 1, ед.хр. 1/211 (1805) — «Экономическое примечание часть дадь Борисоглебского уезда».

ЦГАДА, ф. 1357, оп. 1, ед.хр. 222 (1850) — «Экономические примечания Менде по Борисоглебскому, Тамбовскому, Усманскому уездам».

Опубликованные работы:

А. Б. Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек. — В: *Архив истории труда в России*, 2. Петроград, 1921, с. 151-152.

А. М. Народные юридические обычаи и действующее законодательство. — *Дело*, № 8, 1870, с. 24-43.

А. П. Описание улучшения быта крестьян (Московской губернии, Подольского уезда, в имении АВП). — *Журнал землевладельцев*, № 13, ч. 5, 1858, с. 1-18.

Абрамович Д. М. Село Коснище, Владимир-Волынского уезда, Волынской губ. — *Живая старина*, 2, ч. 2, 1898, с. 184-202; 3-4, ч. 2, 1898, с. 385-396.

Академия Наук СССР, Географическое общество. Русские географы и путешественники: фонды архива географического общества. Л., 1971.

Академии Наук СССР Институт этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Труды, н.с., Село Вирятино в прошлом и настоящем, 41. М., 1958.

Александров В. А. Вологодская свадьба. — *Библиотека для чтения*, № 5, 1863, с. 1-44; № 6, 1863, с. 1-45.

Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.

Александров В. А. и др. (ред.) Русские: Историко-этнографический атлас, в 2-х томах. М., 1967-1971.

Апостольский П. М. Крестьянская свадьба в Мценском уезде. — *Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*, 28, 1877, с. 139-145.

Аристов Н. Очерк крестьянской свадьбы. — *Волга*, № 13, 1862, с. 49-50; № 14, 1862, с. 53-54; № 15, 1862, с. 61-62.

Архангельский А. Село Давшино, Ярославской губернии, Пошехонского уезда. — *Этнографический сборник*, 2, 1854, с. 1-80.

Астров П. И. Об учении сверх-естественной силы в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда, Тамбовской губ. — *Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*, т. 61; Труды этнографического отдела, 9, 1889, с. 49-57.

Афанасьев А. Дедушка домовый. — В: *Архив Историко-юридических сведений, относящихся до России*, 1, ч. 6. М., 1850, с. 13-29.

Афанасьев А. Критика: Этнографический сборник. — *Отечественные записки*, № 9-10, ч. 4, 1853, с. 1-26.

Бабарыкин В. Сельцо Васильевское, Нижегородской губернии, Нижегородского уезда. — *Этнографический сборник*, 1, 1853, с. 1-24.

Барыков Ф. Обычаи наследования у государственных крестьян (По прошениям, собранным министерством государственных имуществ). — *Журнал министерства государственных имуществ*, 91, ч. 1, 1862, с. 1-33, 232-259, 353-376, 456-469.

Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии. — *Живая старина*, 1, ч. 1, № 3, 1890, с. 115-121.

Бржеский Н. К. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902.

В. Б. Симбирские обычаи покупать невест. — *Отечественные записки*, 9, № 7, 1840, с. 28-29.

В. В. Семейные разделы и крестьянское хозяйство. — *Отечественные записки*, № 1, 1883, с. 1-22; № 2, 1883, с. 137-161.

Веселовский К. С. Несколько данных для статистики урожаев и неурожаев в России. — *Журнал министерства государственных имуществ*, 62, ч. 2, 1857, с. 23-38.

Вильсон И. И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869.

Виноградов Н. Народная свадьба в Костромском уезде. — *Труды Костромского научного общества по изучению местного края*, 8, 1917, с. 71-152.

Волконский В. П. Очерки хозяйства по имению В.П. Волконского. — *Журнал сельского хозяйства и овцеводства*, № 7, 1846, с. 9-12.

Галенторн Н. Свадьба в Салтыковской волости, Моршанского уезда, Тамбовской губернии. — В: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, т. 1, с. 171-195.

Главный Генеральный Штаб. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба, в 25-ти томах. СПб., 1859-1869.

Голицын Н. С. О мерах к устройству статистических источников и работ в России. — *Журнал министерства внутренних дел*, № 5, 1860, с. 1-48.

Греков В. А. Тамбовское имение М.С. Лунина в первой четверти XIX в. — *Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук*, сер. 7, № 6, 1933, с. 481-520; № 7, 1933, с. 623-648.

Грузинов И. Р. Быт крестьянина Тамбовской губернии. — *Журнал землевладельцев*, 2, № 5, ч. 6, 1858, с. 1-18.

Грузинов И. Р. Возможность улучшения быта помещичьих крестьян (Тамбовской губернии). — *Журнал землевладельцев*, № 13, ч. 4, 1858, с. 20-24.

Д. И. Заметки о крестьянской семье Новгородской губернии. — В: Сборник народных юридических обычаев. *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*, 2. СПб., 1900, т. 18, с. 261-276.

Даль В. Пословицы русского народа. М., 1862.

Дилаторский К. Свадебные обычаи и песни в Тотемском уезде Вологодской губернии. — *Этнографическое обозрение*, 42, № 3, 1899, с. 160-165.

Дмитрюков А. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде, Курской губернии. — *Московский телеграф*, № 10, 1831, с. 255-271; № 11, с. 359-377.

Доброзраков И. Село Катунки с его приходскими деревнями. — *Нижегородский сборник*, 1, ч. 2, 1867, с. 169-189.

Доброзраков И. Село Ульяновка, Нижегородской губернии, Лукояновского уезда. — *Этнографический сборник*, 2, 1853, с. 25-60.

Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа Р.Д. Киселева, в 2-х томах. М.-Л., 1946-1958.

Дубасов И. К истории крепостного права. — *Древняя и новая Россия*, № 4, 1877, с. 399-401.

Дубасов И. Крестьянские беспорядки в Тамбовской губернии в царствование императора Павла I. — *Древняя и новая Россия*, № 3, 1877, с. 307-309.

Дубасов И. Тамбовская холерная смута в 1830-1831 годах. — *Исторический вестник*, 29, 1887, с. 620-628.

Дубасов И. Холерный год в Тамбове, 1830. — *Русская старина*, № 12, 1875, с. 742-747.

Дьяконов В. Н. Описание хозяйства В. Н. Дьяконова, Тамбовской губ., Спасского у. (Сельцо Тарбеевка). — *Записки Лебединского общества сельского хозяйства* за 1851 г. 1852, с. 390-401.

Ефименко А. Крестьянская женщина. — *Дело*, № 2, 1873, с. 173-206; № 3, 1873, с. 57-99.

Ефименко А. Народные юридические воззрения на брак. — *Знание*, № 1, 1874, с. 1-45.

Ефименко А. Семейные разделы — В: *Исследования народной жизни*, 1. М., 1884, с. 125-135.

Ефименко А. Трудовое начало в народном обычном праве. — *Слово*, № 1, 1878, с. 146-173.

Ефименко П. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб., 1872.

Ефименко П. Семья Архангельского крестьянина по обычному праву. — *Судебный журнал*, июль-август 1873, с. 32-114.

Журавский Д. П. Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.

Залоскин А. Хозяйственные статистические замечания по селу Абакумово, Рязанской губернии, Пронского уезда, помещика Г...на. — *Журнал землевладельцев*, 2, № 6, 1858, с. 40-42.

Записки Лебединского общества сельского хозяйства, 1847-1857. М., 1848-1858.

Звонков А. П. Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии, Елатомского уезда. — В: *Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*, 61, с. 24-48. Труды этнографического отдела, 9. М., 1889.

Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского русского географического общества, в 3-х томах. Петроград, 1914-1916.

Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX века по материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955.

Исеев А. Значение семейных разделов крестьян. — *Вестник Европы*, 63, № 7, 1883, с. 333-349.

Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. — В: *Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР*. Л., 1929, с. 152-193.

Калачов Н. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях. — В: *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России*. СПб., 1859, 2, с. 15-28.

Калиновский Г. Описание свадебных украинских простонародных обрядов в Малой России и в Слободской Украинской губернии. — *Харьковский сборник*, 3, 1889, с. 160-174.

Келлер Л. Р. Описание крестьянской избы с глиносоломенными стенами и сводом. — *Журнал министерства государственных имуществ*, 29, № 4, ч. 2, 1848, с. 1-3.

К о в а л ь ч е н к о И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959.

К о в а л ь ч е н к о И. Д. Русское крепостное хозяйство в первой половине XIX века. М., 1967.

К о з л о в Х. Сельскохозяйственная статистика Борисоглебского уезда. — *Известия Тамбовской Ученой Архивной Комиссии*, 29, 1890, с. 77-101.

К о з л о в Х. Цены разных продуктов в 1796-1856 годах. — *Экономический указатель*, № 35, 1857, с. 805-812.

К и ш к и н М. Н. Данные и предположения по вопросу об улучшении быта крестьян в Кирсановском уезде, Тамбовской губернии. — *Сельское благоустройство*, № 1, 1859, с. 225-262.

К о з и к о в А. Статистический очерк Тамбовской губернии. — *Журнал министерства государственных имуществ*, 31, № 2, ч. 2, 1849, с. 137-154; № 3, ч. 2, 1849, с. 153-168.

К о с т о л о в с к и й И. В. Из свадебных и других поверий Ярославской губернии. — *Этнографическое обозрение*, № 1-2, 1911, с. 248-252.

К о с т р о в Н. Свадебные обряды Минусинских крестьян. — *Иллюстрация*, № 176, 1861, с. 10-11; № 177, 1861, с. 26-27.

Крестьянская свадьба в Ярославской губернии. — *Всемирная иллюстрация*, № 12, 1878, с. 201-202; № 13, 1878, с. 214-215.

К р и в о ш а п к и н М. Русская свадьба с ее обрядами и песнями. — *Светоч*, 2, 1860, с. 1-110.

К у з н е ц о в Я. Свадьба в Кремлевском приходе Ветлужского уезда, Костромской губернии. — *Живая старина*, № 4, ч. 2, 1899, с. 531-535.

К у з ь м и н. Военно-статистическое обозрение Российской Империи, т. 13, ч. 1. Тамбовская губерния. СПб., 1851.

К у ш е в а Е. Н. Хозяйство Саратовских дворян Шахматовых в XVIII века. — *Известия Академии Наук СССР, Отделение гуманитарных наук*, сер. 7, № 7, 1929, с. 575-604; № 8, 1929, с. 673-693.

Л е б е д е в Н. Быт крестьян Тверской губернии, Тверского уезда. — *Этнографический сборник*, 1, 1853, с. 174-202.

Л е н с к и й Б. Семейные разделы. — *Дело*, № 11, 1881, с. 17-48.

Л и т в а к Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979.

Л и т в а к Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр, 1861-1898 гг. М., 1972.

Л и ч к о в Л. С. Крестьянские семейные разделы. — *Северный вестник*, № 1, ч. 2, 1886, с. 84-108.

Л я щ е н к о П. И. История народного хозяйства СССР, в 2-х томах. М., 1947-1948.

М а л ы х и н П. Быт крестьян Воронежской губернии, Нижнедевицкого уезда. — *Этнографический сборник*, 1, 1853, с. 203-234.

М а т в с е в П. А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии. — В: Сборник народных юридических обычаев, 8, с. 11-46. *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*, 1. СПб., 1878.

М а ш к и н. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда. — *Этнографический сборник*, 5, 1862, с. 1-119.

М е ч н и к о в И. Возраст вступления в брак. — *Вестник Европы*, № 1, 1874, с. 232-283.

М и х а й л о в С. Свадебные обряды в Космодемьянском уезде, Казанской губернии. — *Русский дневник*, № 12, 1859; № 13, 1859.

М и х е е в М. Е. Описание свадебных обычаев и обрядов в Бузулукском уезде, Самарской губернии. — *Этнографическое обозрение*, 42, № 3, 1899, с. 144-159.

М у х и н В. П. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888.

М ы л ь н и к о в а К. и Ц и н ц и у с В. Северно-великорусская свадьба. — В: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, т. 1, с. 17-170.

Н. — Р. Свадебные обычаи крестьян Костромской губернии. — В: Сборник народных юридических обычаев, 2, с. 243-260. *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*, 18. СПб., 1900.

Н. Р-в. Свадебные обычаи в Осташковском уезде в половине XIX века. — *Тверская старина*, № 2, 1913, с. 39-47.

Н а с о н о в А. Н. Из истории крепостной вотчины XIX века в России. — *Известия Академии наук СССР*, сер. 6, № 7-8, 1926, с. 499-526.

Н а с о н о в А. Н. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России. — *Известия Академии наук СССР*, сер. 7, № 4-7, 1928, с. 343-374.

Н а с о н о в А. Н. Юсуповские вотчины в XIX-ом веке. — Доклады Академии наук СССР, сер. Б, январь-февраль 1926, с. 1-4.

Несколько слов о земледельческих орудиях. — *Сельское хозяйство*, ч. 2, февраль 1861, с. 35-38.

Н и к о л а е в А. Крестьянская свадьба в Звенигородском уезде, Московской губернии. — *Северная пчела*, № 209, 1863, с. 921-922; № 210, 1863, с. 925-926.

Н и к о л а е в А. Свадебные обряды Малороссов, Суджанского уезда. — *Москвитянин*, 2, № 7, 1854, с. 73-92; № 8, 1854, с. 121-140.

Н и ф о н т о в А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974.

О р д и н Н. Г. Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда. — *Живая старина*, № 1, 1896, с. 51-121.

О с о к и н С. Сельская свадьба в Малмышском уезде. — *Современник*, 61, ч. 4, 1857, с. 54-87.

О т т о Н. Из народного быта: Новгородская свадьба. — *Северная пчела*, № 137, 1862, с. 545-546; № 138, 1862, с. 549-550.

О х р и м о в и ч В. Значение малоросских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи. — *Этнографическое обозрение*, № 4, 1891, с. 44-105.

Очерки Тамбовской губернии в статистическом отношении. — *Журнал министерства внутренних дел*, № 7, ч. 3, 1858, с. 1-88.

П а х м а н С. В. Обычное гражданское право в России, в 2-х томах. СПб., 1877.

Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук, в 12-ти томах. СПб., 1900-1912.

Пр. В. Е-ю. Описание сельской свадьбы в Сенгилеевском уезде, Симбирской губернии. — *Этнографическое обозрение*, 42, № 3, 1899, с. 108-144.

П р е о б р а ж е н с к и й А. Волость Покровско-Ситская, Ярославской губернии, Моложского уезда. — *Этнографический сборник*, 1853, с. 61-124.

П р е о б р а ж е н с к и й А. Приход Станиловский на Сити, Ярославской губернии, Моложского уезда. — *Этнографический сборник*, 1, 1853, с. 125-173.

Приклонский С. А. Крестьянский мир и приходский причт. — *Северный вестник*, № 1, ч. 2, 1885, с. 42-64; № 2, ч. 2, 1885, с. 77-95.

Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения по помещичьим имениям, в 6-ти томах. СПб., 1860.

Пфеллер А. И. Хозяйственный отчет по имениям г. Вице-Президента А.И.Пфеллер в губерниях Тульской, Рязанской, Орловской и Курской. — *Записки Лебедянского общества сельского хозяйства* за 1848 г. 1849, с. 102-127; за 1949 г. — 1850, с. 102-120.

Разумихин С. Село Бобровки и окружный его околоток, Тверской губернии, Ржевского уезда. — *Этнографический сборник*, 1, 1853, с. 235-282.

Рогов Н. Материалы для описания быта пермяков. — *Журнал министерства внутренних дел*, № 4, 1858, с. 45-127.

Рубинштейн Н. А. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.

Руднев А. Село Голунь и Новомихайловское, Тульской губернии, Новосильского уезда. — *Этнографический сборник*, 2, 1854, с. 98-110.

Русская престолярная свадьба в деревне. — *Калейдоскоп*, № 46, 1862, с. 824-826; № 47, 1862, с. 830-840.

Савельев А. Очерки личных и имущественных отношений между супругами по русским законам и обычному праву. — *Юридический вестник*, № 12, 1878, с. 767-787; № 7, 1879, с. 120-156.

Самоквасов Д. Семейная община в Курском уезде. — В: Сборник народных юридических обычаев, 1, с. 11-15. *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*, 8. СПб., 1878.

Свадебные обряды Малороссиян слободы Воронцовки, Павловского уезда. — *Воронежская беседа*, 1861, с. 167-178.

Семенов М. Хозяйственные ошибки от неурожая. — *Земледельческий журнал*, № 6, 1840, с. 443-450.

Семевский В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. — *Устои*, № 1, 1882, с. 90-132; № 2, 1882, с. 63-108.

Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881-1901.

Семевский В. И. Сельский священник во второй половине XVIII века. — *Русская старина*, № 8, 1877, с. 501-538.

Семенова-Тяншанская О. П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. — *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*, 39. СПб., 1914.

Сивков К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. М., 1951.

Славутинский С. Т. Отрывки из воспоминаний: крестьянские волнения в Рязанской губернии с 1847 по 1858. — *Древняя и новая Россия*, № 9, 1878, с. 38-53; № 10, 1878, с. 135-156.

Слобода Трехизбянская. — *Этнографический сборник*, 2, 1854, с. 1-18.

Смирнов А. Г. Народные способы заключения брака. — *Юридический вестник*, № 5, 1878, с. 661-693.

Смирнов А. Г. Обычаи и обряды русской народной свадьбы. — *Юридический вестник*, № 7, 1878, с. 981-1015.

Смирнов А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1878.

Смирнова М. Родильные и крестильные обряды крестьян села Голицына, Курганской волости, Сердобского уезда, Саратовской губернии. — *Этнографическое обозрение*, № 1-2, 1911, с. 252-256.

Строев В. Н. Убийство князя Н.С.Гагарина. — *Исторический вестник*, 104, март 1906, с. 955-959.

Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.

Сухов П. М. Несколько данных по народному календарю и о свадебных обычаях крестьян. — *Этнографическое обозрение*, № 2-3, 1892, с. 239-245.

Тенгоборский Л. В. О производительных силах России. М., 1854.

Тернер Ф. Г. Три публикации лекций по статистике России. — *Экономист*, 3, № 1, 1860, с. 1-76.

Троицкий П. Село Липицы и его окрестности, Тульской губернии, Коширского уезда. — *Этнографический сборник*, 2, 1854, с. 81-97.

Труды комиссии по преобразованию волостных судов, в 7-ми томах. СПб., 1873-1874.

Тютрюмов И. Крестьянская семья: очерки обычного права. — *Русская речь*, № 4, 1879, с. 270-294; №4, 1879, с. 270-294; №7, 1879, с. 123-156; № 10, 1879, с. 289-318.

Тютрюмов И. Крестьянское наследственное право. — *Слово*, № 1, 1881, с. 42-75; № 2, 1881, с. 46-85.

Федоров В. А. Помещичьи крестьяне центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974.

Филипов А. Народное обычное право, как исторический материал. — *Русская мысль*, № 9, 1886, с. 56-71.

Черемисинов А. Приказ помещика А.М.Черемисинова, Ковровской вотчины, деревни Елохова, старосте Егору Васильеву и всему миру. — В: Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1862, т. 3, с. 15-30.

Чубинский П. Очерк народных юридических обычаев и понятий в Малороссии. — *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*, 2, 1896, с. 677-716.

Шелехов Д. П. О настоящем положении сельского хозяйства в России и причинах продолжающихся неурожаев. СПб., 1842.

Шишков А. Н. Мысли о хозяйстве и отчетности. — *Записки Лебедянского общества сельского хозяйства* за 1855 г., ч. 2, 1856, с. 104-227.

Шилевский М. Материалы для истории народного продовольствия в России. — *Записки Императорского Новороссийского университета*, 14, ч. 1, 1874, с. 1-35.

Штернберг Н. Новые материалы по свадьбе. — В: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., т. 1, 1926, с. 6-16.

Шепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947.

Якунин И. Холера в Тамбове в 1830-ом году: по рассказам очевидцев. — *Вестник Европы*, 55, № 10, 1875, с. 204-223.

Яцунский В. К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. — В: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

- Albritton E. C.** (ed.) *Standard Values in Nutrition and Metabolism*. Washington, D.C., 1954.
- Banfield E. C.** *The Moral Basis of a Backward Society*. N.Y., 1958.
- Blassingame J. W.** *The Slave Community: Plantation Life in the Antebellum South*. Oxford, 1979.
- Bloch M.** *Feudal Society*. Trans. L.A. Manyon. 2 vols. Chicago, 1961.
- Blum J.** *The End of the Old Order in Rural Europe*. Princeton, 1978.
- Blum J.** *The Internal Structure and Polity of the European Village Community from the Fifteenth to the Nineteenth Century*. — *Journal of Modern History*, 43, № 4, 1971, p. 541-576.
- Blum J.** *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, 1961.
- Bohac R.** *Family, Property, and Socioeconomic Mobility: Russian Peasants on Manuilovskoe Estate, 1810—1861*. Ph.D. dissertation. University of Illinois, 1982.
- Boserup E.** *Women's Role in Economic Development*. London, 1970.
- Caldwell J. C.** *A Theory of Fertility: From High Plateau to Destabilization*. — *Population and Development Review*, 4, № 4, 1978, p. 553-557.
- Chambers J. D.** *Population, Economy, and Society in Pre-Industrial England*. Oxford, 1972.
- Chayanov A. V.** *The Theory of Peasant Economy* (ed. D. Thorner et al.). Homewood, Ill., 1966 (впервые опубликована в 1926 г.).
- Clark C.** and **Hasswell M.** *The Economics of Subsistence Agriculture*. N.Y., 1967.
- Coale A. J.** and **Demeny P.** *Regional Model Life Tables and Stable Populations*. Princeton, 1966.
- Cockburn J. S.** (ed.) *Crime in England, 1550-1800*. Princeton, 1977.
- Confinio M.** *Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XIIIe siècle*. P., 1963.
- Confinio M.** *Systèmes agraires et progrès agricole*. P., 1969.
- Crisp O.** *Studies in the Russian Economy before 1914*. London, 1976.
- DeMause L.** (ed.) *The History of Childhood*. N.Y., 1974.
- Demos J.** *A Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony*. Oxford, 1970.
- Dunn Stephen P.**, and **Dunn Ethel.** *The Peasants of Central Russia*. N.Y., 1967.
- Fogel Robert W.**, and **Engerman Stanley L.** *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. Boston, 1974.
- Food and Agriculture Organization of the United Nations.** *Production Yearbook*, 1970. Rome, 1971.
- Forster E.**, and **Forster R.** (eds.) *European Diet from Pre-Industrial to Modern Times*. N.Y., 1975.
- Forster R.**, and **Ranum O.** (eds.) *Food and Drink in History: Selections from the Annales, E.S.C.* Baltimore, 1979.
- Foster G. M.** *Interpersonal Relations in Peasant Society*. — *Human Organization*, 19, winter 1960-1961, p. 174-178.
- Foster G. M.** *Peasant Society and the Image of the Limited Good*. — *American Anthropologist*, 67, № 2, 1965, p. 293-315.
- Foster G. M.** *Tzintzuntzan: Mexican Peasants in a Changing World*. Boston, 1967.

Fredrickson G., and Lasch C. Resistance to Slavery. — *Civil War History*, December 1967. Перепечатно в: The Debate over Slavery (ed. A. Lane). Urbana and Chicago, 1971, p. 223-244.

Friedl E. Vasilika: A Village in Modern Greece. N.Y., 1962.

Friedman E. G. The World of «La Mística». — *Partisan Review*, 20, № 2, 1953. Перепечатано в: Peasant Society: A Reader (ed. J.M. Potter et al.). Boston, 1967, p. 324-336.

Genovese E. G. Roll, Jordan, Roll: The World the Slaves Made. N.Y., 1974.

Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia, 1861-1917. — In: The Cambridge Economic History of Europe, vol. 6, part 2. Cambridge, 1965, p. 706-800.

Glass D. V., and Eversley D. E. C. (eds.) Population in History. London and Chicago, 1965.

Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Garden City, N.Y., 1961.

Goode W. J. World Revolution and Family Patterns. N.Y., 1963.

Goody J. (ed.) The Developmental Cycle in Domestic Groups. Cambridge, 1977.

Goody J., and Tambian S. J. Bridewealth and Dowry. Cambridge, 1973.

Gross F. Il Paese: Values and Social Change in an Italian Village. N.Y., 1973.

Halpern J. M., and Halpern B. K. A Serbian Village in Historical Perspective. N.Y., 1972.

Heer D. M. The Demographic Transition in the Russian Empire and the Soviet Union. — *Journal of Social History*, 1, 1968, p. 193-240.

Henry L. Manuel de démographie historique. Paris, 1970.

Hilton R. H. The English Peasantry in the Later Middle Ages. Oxford, 1975.

Hollingsworth T. H. Historical Demography. London, 1969.

Holmberg A. R. Algunas relaciones entre la privación psicológica y el cambio cultural en los Andes. — *América indigena*, 27, № 1, 1967, p. 3-24.

Kushner P. I. (ed.) The Village of Viriatino. Trans. Sula Benet. N.Y., 1970.

Laslett P. (ed.) Household and Family in Past Time. Cambridge, 1972.

Lebrun F. La vie conjugale sous l'Ancien Régime. Paris, 1975.

Lee R. D. Methods and Models for Analysing Historical Series of Births, Marriages, and Deaths. — In: Population Patterns in the Past. N.Y., 1977.

Le Roy Ladurie E. The Peasants of Languedoc. Trans. John Day. Urbana, Ill., and Chicago, 1974.

Lewis O. Life in a Mexican Village: Tepoztlán Restudied. Urbana, Ill., 1951.

Lopreato J. Interpersonal Relations in Peasant Society: The Peasant's View. — *Human Organization*, 21, 1962, p. 21-24.

Lopreato J. Peasants No More: Social Class and Social Change in an Underdeveloped Society. Scranton, Pa., 1967.

Lorimer F. Culture and Human Fertility. N.Y., 1958.

Plakans Andrejs. Seigneurial Authority and Peasant Family Life: The Baltic Area in the Eighteenth Century. — *Journal of Interdisciplinary History*, 5, 1975, p. 626-654.

Polanyi K. The Great Transformation. Boston, 1957.

Potter J., et al. (eds.) Peasant Society: A Reader. Boston, 1967.

Rabb T. K., and Rotberg R. I. (eds.) The Family in History. N.Y., 1973.

Ransel D. L. (ed.) The Family in Imperial Russia. Urbana, Ill., 1978.

Redfield R. The Little Community and Peasant Society and Culture. Chicago, 1960.

Robinson G. Rural Russia under the Old Regime. N.Y., 1932.

Samaha J. Law and Order in Historical Perspective: The Case of Elizabethan Essex. N.Y., 1974.

Scott J. C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, 1976.

Shanin T. The Awkward Class. Oxford, 1972.

Shorter E. The Making of the Modern Family. N.Y., 1975.

Slicher van Bath B. H. The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500-1800. London, 1963.

Smith R. E. F. Peasant Farming in Moscow. Cambridge, 1977.

Southworth H. M., and Johnston B. F. (eds.) Agricultural Development and Economic Growth. Ithaca, N.Y., 1967.

Stone L. The Family, Sex, and Marriage in England, 1500-1800. N.Y., 1977.

Sykes G. The Society of Captives. Princeton, 1958.

Tilly L., and Scott J. Women, Work, and Family. N.Y., 1978.

Tobias J. J. Crime and Industrial Society in the Nineteenth Century. N.Y., 1967.

Vucinich W. (ed.) The Peasant in Nineteenth Century Russia. Stanford, 1968.

Wallace D. M. Russia on the Eve of War and Revolution (ed. C.E.Black). N.Y., 1961.

Wallace S. E. Total Institutions. New Brunswick, N.J., 1971.

Wharton C. R. (ed.) Subsistence Agriculture and Economic Development. Chicago, 1969.

Wheaton R. Family and Kinship in Western Europe: The Problem of the Joint Family Household. — *Journal of Interdisciplinary History*, 5, 1975, p. 601-628.

Winner I. F. Slovenian Village: Zerovnica. Providence, R.I., 1971.

Wolf E. Peasants. Englewood Cliffs, N.J., 1966.

Wrigley E. A. Population and History. N.Y., 1969.

Zehr H. Crime and the Development of Modern Society. Totowa, N.J., 1976.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К русскому читателю	5
Введение	7
<i>Глава первая.</i>	
Материальная база	20
<i>Глава вторая.</i>	
Демографические рамки	65
<i>Глава третья.</i>	
Приказчики и старейшины: совпадение интересов	90
<i>Глава четвертая.</i>	
Функции общины и контроль с ее стороны	128
<i>Глава пятая.</i>	
Наказания, страх и контроль	150
Заключение	173
Список сокращений	176
Библиография	177

Стивен Л. Хок

Крепостное право и социальный контроль в России

Редакторы Е.Н. Самойло и Н.Л. Шестернина

Редактор-оператор В.И. Котова

Художник В.К. Кузнецов

Технический редактор Н.А. Галанчева

ЛР № 070632. Подписано в печать 25.10.93. Формат 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ.л. 12,0. Уч.-изд.л. 14,82.

ТОО «Прогресс-Академия»

119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

Заказ № 6. Типография АОЗТ "Х.Г.С."

Тел.: 975-29-68, 266-73-85, 266-74-85,

Стивен Л. Хок
**КРЕПОСТНОЕ
ПРАВО
И СОЦИАЛЬНЫЙ
КОНТРОЛЬ
В РОССИИ**

Петровское, село Тамбовской губернии

«Крепостное право и социальный контроль» — это самое интересное из того, что я когда-либо читал по данной теме. Книга Хока — это не только блестящее изложение, синтез и анализ его архивных изысканий, но в ней также широко привлечены русскоязычная и другая вспомогательная литература по дореформенному крестьянству».

*Ричард Хилли,
автор работ — «Рабство в России»
и «Закрепощение и военные
перемены в Московии»*

«Книга Хока выходит за рамки простого исторического документирования крепостной жизни в Петровском. Автор вплотную разрабатывает интересный социологический вопрос: почему крепостные работали и делали все, как того желали приказчики... Хока следует похвалить за его мастерскую работу в области социальной истории и пристальное внимание к деталям».

*Томас Кашман,
«Contemporary Sociology»*

«Прогресс-Академия»